

К. К. ПЛАТОНОВ
ПСИХОЛОГИЯ
РЕЛИГИИ

К. К. ПЛАТОНОВ

ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

ФАКТЫ И МЫСЛИ

Издательство политической литературы
Москва · 1967

2
П37

В жизни верующего человека большое место занимают религиозные эмоции, переживания. Проповедники религии умело используют психические переживания человека, уводя его в мир религиозных иллюзий, часто используют те или иные особенности человеческой психики для вовлечения людей в лоно церкви. Поэтому так важно изучение религиозной психологии. Книга видного советского психолога заслуженного деятеля науки профессора К. К. Платонова и посвящена важным моментам религиозной психологии. Книга не представляет собой систематического изложения предмета психологии религии. Как и в «Занимательной психологии», в своей новой работе К. К. Платонов приводит массу очень поучительных и интересных фактов и делится своими мыслями, которые возникают в связи с тем или иным явлением религиозной психологии.

Книгу с пользой прочтут не только пропагандисты и люди, интересующиеся проблемами научного атеизма и психологии, но и верующие читатели.

Ваши отзывы посылайте по адресу:
Москва, А-47, Миусская пл., 7, Политиздат, редакция научно-атеистической литературы.

1—5—8
366—66

Глава I

О ПСИХОЛОГИИ РЕЛИГИИ

Почему я написал эту книгу

Время моего ухода из дому совпадало с временем ее ухода в школу или возвращения оттуда. Я часто ее замечал на лестнице, в укромном уголке, где она возилась с воротником своей шубы или пальто.

Честно говоря, она дружила не столько со мной, сколько с нашим псом Диком и моей многотомной «Жизнью животных» Брема. Но все же мне не так уж трудно было в откровенном разговоре разобраться, в чем тут дело. Оказалось, что религиозная мать заставляла ее носить нательный крест, а она, хотя и ходила всегда в платьях с закрытым воротом, не хотела и боялась ходить в школу с крестом на шее.

Вот она и придумала хитрость — такую, чтобы «и волки были сыты и овцы целы». Дома она носила крест, а уходя в школу, на лестнице снимала и прятала его. Возвращаясь, опять надевала. Такой двойной жизнью она жила уже ряд лет.

— Я так люблю маму за все хорошее, что она делает для меня... и я так ненавижу ее за то, что она заставляет меня носить крестик... Но я не могу ее огорчать, хотя понимаю, что она не права. Она так

меня любит, и я должна притворяться, что верю в бога... Но вы никому не говорите. Ведь если в школе узнают, ребята меня засмеют, и я тогда уйду из школы... А я ведь не могу жить без школы... Я хочу быть, как все...— говорила она мне.

Как говорят в быту, ее сердце разрывалось между матерью и школой. И, как говорят психологи, у нее появилась амбивалентность чувств: она одновременно и любила и ненавидела свою мать, к школьному коллективу одновременно и тянулась всей душой и смертельно его боялась.

Амбивалентность чувств — это не свойственное норме одновременное переживание противоположных чувств. Она является и симптомом нарушения психической деятельности, и причиной дальнейшего ее нарушения, невроза.

Но еще хуже, что девочка научилась хитрить и нашла выход из сложной ситуации в систематическом обмане матери и школы. Она теряла искренность, честность и принципиальность и психологически созревала для более существенных аморальных поступков, а в конечном счете даже преступлений.

Сознание девочки было отравлено, в нем воспитывалась хитрость и ложь. Следовательно, ее личности наносился труднопоправимый ущерб!

Мы жили в одном доме, и я нашел случай поговорить «по душам» с матерью девочки. Эта болезненная женщина рано потеряла мужа и жила одна с дочкой на его пенсию. Выросла она в деревне, в религиозной семье, и, как когда-то ее воспитывали мать и бабка, теперь сама стремилась воспитать дочь верующей и богобоязненной. Она горячо любила свою единственную девочку и хотела ей только добра.

Природный ум помог матери понять, какой разлад вносит она в душу дочери и как расшатывает ее нервно-психическое здоровье. Любовь к дочке пересилила страх греха перед богом!

— Ладно! Живи, как знаешь, как все теперь живут...— сказала она ей.

Этот случай запал в мою память и заставил больше думать о религиозной психологии разных поколений.

Так появилась эта книга.

Конечно, нужно учебное пособие по психологии религии. Но ведь его прочтут только специалисты. Эта же книга написана для самого широкого круга читателей. В ней не все рассказы одного стиля. В некоторых местах использованы классические произведения, где нужные мысли изложены с такой глубиной и яркостью, на которые автор этой книги не способен. Есть в ней и отдельные рассказы, с первого чтения трудно понятные — их надо перечитать, задуматься и еще раз перечитать.

Для лучшего понимания ряда вопросов они иногда несколькими рассказами освещены с разных сторон.

Коротко говоря, этой книгой я пытался осуществлять завет страстного борца с мракобесием, замечательного пропагандиста науки Климента Аркадьевича Тимирязева: работать для науки и писать для народа...

Эта книга не содержит систематического изложения всех вопросов психологии религии и исчерпывающего разбора всех явлений религиозной психологии еще и потому, что для такой книги время пока не наступило. Ведь еще не собрано достаточно большого материала по анализу этих явлений, сбор же такого материала — дело не одного человека, а многих коллективов.

Эта книга скорее ряд мыслей и воспоминаний старого психолога, немало думавшего о сущности религиозной психологии и о причинах ее стойкости.

Прочтут ли эту книгу верующие?

Прочтут ли эту книгу верующие? Прочтут! Но, конечно, далеко не все. Ведь чтобы читать эту книгу, надо вообще любить читать и думать над прочитанным. А у нас есть и такие верующие, что не только книг, но и газет не читают. Но я уверен, что немало верующих прочитают эту книгу, которая и написана не только про них, но в известной мере и для них.

Современных верующих можно разделить на три основные группы.

Во-первых, это будут «верующие в бога», христианского, иудейского или магометанского. Часть из них открыто ходит в церковь, синагогу или мечеть. Другая часть проявляет свою веру в религиозных действиях, но и у тех и у других религиозная психология опирается на соответствующую религиозную идеологию и взаимосвязана с нею.

Во-вторых, это верящие не в канонизированного той или иной религией бога, а в некую «высшую сущность», каждым по-своему и в зависимости от своего культурного уровня понимаемую.

В-третьих, это люди, верующие не в бога, а в разные суеверия, приметы, гадания, амулеты. Это также верующие, часть которых является, хотя и не всегда, известным резервом для «обращения» и перехода в первую или вторую группу.

Эти три группы различаются по объекту веры, по тому, во что они верят. Верующих можно различать и по другому признаку — по той причине, которая их толкает к вере.

Основную группу тогда будут составлять верующие по привычке, по традиции, перенятой от старших родственников, от окружающих, под влияние которых они попали. Многие из них глубоко верующие, но не меньше среди них «сомневающихся» и крестящих лоб только по традиции, из-за перестраховки — «а вдруг бог есть?».

Есть и так называемые «обращенные». Это в прошлом люди нерелигиозные, неверующие, которым религия «открылась» после тяжелого переживания, обычно сугубо личного.

Следующую группу современных верующих составляют еще сохранившиеся кое-где фанатики-изуверы, голос разума у которых совсем молчит, заглушен верой. И не потому, что вера у них очень сильна, а потому что у многих из них рассудок слаб и не развит. Эти могут совершать и преступления на религиозной основе.

Есть и еще одна группа: это люди, сделавшие из религии свою профессию, источник легкого дохода. Часто это не верующие в бога, а верующие в наживу.

Но на какие бы группы мы ни делили верующих граждан нашей страны, огромное большинство из

них — советские люди со всеми их достоинствами и недостатками, люди, участвовавшие в Великой Отечественной войне, в построении социализма и сейчас строящие коммунизм.

Большинству верующих, как и вообще всем людям, свойственно стремление к знанию. Почему же им не прочитать эту книжку о психологии религии и веры, написанную без стремления их обидеть, а с желанием сообщить ряд научных сведений тем, кому они еще не известны? Разве что их духовные пастыри, сами прочтя книгу и не в силах найти возражения, запретят читать ее своей пастве?

Верный путь

— Марксизм есть материализм. В качестве такового, он так же беспощадно враждебен религии, как материализм энциклопедистов XVIII века или материализм Фейербаха. Это несомненно. Но диалектический материализм Маркса и Энгельса идет дальше энциклопедистов и Фейербаха, применяя материалистическую философию к области истории, к области общественных наук. Мы должны бороться с религией. Это — азбука *всего* материализма и, следовательно, марксизма. Но марксизм не есть материализм, остановившийся на азбуке. Марксизм идет дальше. Он говорит: надо *уметъ* бороться с религией, а для этого надо *материалистически* объяснить источник веры и религии у масс. Борьбу с религией нельзя ограничивать абстрактно-идеологической проповедью, нельзя сводить к такой проповеди; эту борьбу надо поставить в связь с конкретной практикой классового движения, направленного к устранению социальных корней религии.

Так писал В. И. Ленин в 1909 году в статье «Об отношении рабочей партии к религии». По этому единственно правильному пути борьбы с религией и ведет Коммунистическая партия советский народ. Однако путь этот не так легок.

Необходимо помнить основной закон сознания: общественное и индивидуальное сознание чаще отстает от бытия, чем опережает его, и нужен достаточно

высокий уровень его развития (в целом или в определенной области), чтобы оно могло опережать бытие.

Если бы индивидуальное сознание, а о нем в основном идет речь в нашей книге, иногда не опережало бытие, то в 1848 году не появился бы «Коммунистический манифест». А если бы сознание, причем значительно чаще, не отставало от бытия — не было бы пережитков.

Таким пережитком прошлого в сознании конкретных советских людей и является религиозная психология, или, что то же самое, индивидуальное религиозное сознание.

При чем тут психология?

Религия есть форма общественного сознания. Ее происхождение, законы развития и отмирания изучаются историей религии и социологией. Но почему же тогда эту книжку взялся писать психолог?

Религия — это сложное социальное явление, имеющее ряд сторон: организацию, культ, религиозную идеологию и религиозную психологию. Три первые стороны довольно различны в разные времена и у разных народов. Их создавали, разрабатывали и продолжают разрабатывать сейчас служители культов, люди, сделавшие религию своей профессией (в христианской религии их называют «богословами», в иудаизме — «агутеидами»). Не об этих сторонах религии пойдет речь в этой книжке.

Меньше других сторон изучена религиозная психология. А между тем носителем религии является обыденное сознание верующих людей. Явления религиозной психологии составляют своеобразную часть явлений общественной психологии, т. е. психических явлений, свойственных человеку в обществе, в группе людей. Законы развития и отмирания религии заложены в самом развитии человеческого общества. Однако влияют на них и порожденные историей общественного развития особенности человеческой психики.

Психология религии и религиозная психология

Эти два термина, поставленные в заголовке, до сих пор нередко смешивают, хотя они обозначают различные явления.

Психология религии — это раздел общественной (социальной) психологии, изучающий социально-психологические явления, относящиеся к области религии. Иными словами, психология религии есть отрасль науки, лежащая на стыке психологии с социологией, этнографией и историей религии.

Религиозная психология — это социально-психологические явления, относящиеся к области религии, которые являются объектом изучения отрасли науки — психологии религии.

Смешение этих понятий в известной степени проистекает из того обстоятельства, что в само слово «психология», как известно, вкладывается два различных смысла: психология как наука, изучающая закономерности возникновения, развития и формирования психических явлений, и психология как склад чувств, идей отдельной группы людей, выделенных по какому-либо признаку (например, крестьянская психология, обывательская психология и т. п.).

Подобное смешение понятий еще более отчетливо проявляется в термине «общественная психология», в который также вкладываются два смысла.

В одном смысле общественная психология — это психические явления, свойственные не отдельно взятому «абстрактному» человеку, а только личности в группе людей. Сюда относятся такие групповые психические явления, как общественное мнение, слухи, паника, соревнование, подражание, чувство локтя и т. д. Сюда относятся и явления религиозной психологии: религиозные представления, религиозное чувство, суеверия, ритуальные действия, фетишизм, экстаз и т. д.

Но в другом смысле общественная психология — это отрасль психологии, лежащая на ее стыке с социологией, изучающая все указанные явления. Вся психологическая наука лежит на стыке биологии и

социологии. С биологией она граничит своей отраслью, называемой психофизиологией, а с социологией — общественной психологией. Именно психология является той наукой, на которой смыкается естествознание и обществознание.

Задачи психологии религии

Итак, явления религиозной психологии изучает психология религии.

К сожалению, главной причиной бытующего смешения этих понятий является крайне малое внимание, уделявшееся у нас до недавнего времени изучению явлений психологии в целом и явлениям религиозной психологии в частности.

А между тем разработка проблем психологии религии сейчас приобретает особо важное значение. Причем никакая другая наука не может ее заменить.

Так, социология на основе конкретно-социологических исследований может выявить районы большей религиозности населения и вскрыть причины этого, но психология может помочь понять, почему в том же районе, в таких же социальных условиях один человек атеист, а его сосед — религиозный фанатик. Социология может установить очень важные, но только общие закономерности и тенденции, а психология может обосновать индивидуальный подход в атеистическом воспитании. Сейчас становится ясным, что без индивидуальной антирелигиозной работы с учетом особенностей каждой личности не может быть достаточного эффекта.

Есть еще одна особенность религиозной психологии, которая определяет значение не только разработки психологии религии, но и ее широкой популяризации. Дело в том, что составной частью религиозной психологии являются не только религиозные представления, но и религиозное чувство, укрепляющее эти представления. Раскрыть причины возникновения религиозного чувства — значит помочь испытывающему его побороть в себе данное чувство. Поэтому популяризация сведений психологии религии и тем более использование их являются одним из средств атеистического воспитания.

Религия и бытие

Бытие определяет сознание. Таков основной тезис марксистского мировоззрения. Религия как форма общественного сознания возникла в результате тех реальных отношений, в которые человек вступал с окружающим миром и мир — с человеком.

Так же возникала и религиозная психология отдельных людей. Сходные условия жизни порождали в различных областях земного шара и в различные времена сходные проявления религиозного сознания. Но религия, возникнув как социальное явление, сама стала определять в той или иной степени человеческое сознание.

Исторически и психологически религия очень тесно, особенно при первых шагах человечества, переплелась с другими формами общественного сознания: моралью, искусством, наукой. Она оказала громадное влияние на всю жизнь человечества и вошла в нравы, обычаи. Задача науки состоит не только в том, чтобы оценивать этот факт, но и в том, чтобы раскрыть причины его возникновения, развития и взаимодействия с другими сторонами истории человечества. Поэтому задача психологии религии — вскрывать эти причины и взаимовлияния в сознании человека. Вскрывать для того, чтобы эффективней бороться с религиозными пережитками.

Сходные социальные условия не всегда однозначно отражаются и в индивидуальном и в общественном сознании. Так, в VI веке в похожих социальных условиях рядом существовали Византийская империя и государство Сасанидов — Персидское царство. Но в Византии было христианство и, например, брак между братом и сестрой считался грехом, о котором и подумать страшно, за который на земле — смертная казнь, а на «том свете» — вечные муки. В Персии же такой брак был самым угодным богу, идеальным.

В средневековой христианской Европе за двоеженство карали смертной казнью, а рядом на Востоке, чем больше жен имел мусульманин, тем больший ему почет.

Знание психологии религии, как мы увидим, позволяет глубже разобраться в прошлых и настоящих связях религии и быта.

Как известно, Энгельс называл религию «фантастическим отражением действительности», а Ленин — «больной фантазией», различая социальные, исторические и гносеологические корни религии. Марксистская гносеология — это диалектико-материалистическая теория познания. Она теснейше связана с психологической наукой, изучающей психические явления и тем раскрывающей сущность познания как отражения мира.

Потому первой задачей психологии религии является изучение тех особенностей психики человека, которые лежат в основе гносеологических корней религии и создают саму возможность возникновения религиозной психологии как «фантастического отражения».

А это и есть психологические корни религии.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ РЕЛИГИИ

Религия Тарзана

Богословы всегда пытались доказать, что религиозное чувство у человека врожденное. Возражения против этого считаются церковниками ересью. А возражения есть очень весомые. Вспомним случаи, когда дети росли не в обычных условиях, а вскармливались животными. Человечество знает не только легендарных основателей Рима Ромула и Рема, вскормленных волчицей, не только поэтический образ человека-волка Маугли, созданный Редьярдом Киплингом, и героя романа и фильма Тарзана. Люди давно узнали о действительно вскормленных животными детях.

Французский философ Этьен Кондильяк еще в 1757 году описал литовского мальчика, который жил среди медведей. Этот мальчик, когда его нашли люди, не проявлял никаких признаков разума, не умел говорить и ходил на четвереньках.

Социалист-утопист Сен-Симон писал в «Очерке науки о человеке» о таких людях-зверях: «В различные эпохи и в различных странах случалось, что дети, вследствие каких-либо бедствий, оказывались

удаленными от общества, предоставленными самим себе заботиться об удовлетворении всех потребностей, не ознакомившись предварительно, благодаря надлежащему образованию и воспитанию, со знаниями, последовательно приобретенными и собранными трудом предшествующих поколений... Наблюдения над этими дикарями доказывают, что человек, предоставленный самому себе раньше, чем он познакомится с приобретенными знаниями, весьма незначительно превосходит в умственном отношении животных».

Сен-Симон рассказал об авейронском дикаре, двенадцатилетнем мальчике Викторе, которого в 1797 году нашли в лесу и которого некий аббат Сикар, «гораздо более просвещенный в богословии, чем в физиологии», безуспешно пытался использовать для демонстрации божественной сущности человека.

В 1920 году в Индии доктор Синг обнаружил в волчьем логове вместе с волчатами двух девочек. Одной из них было лет семь-восемь, другой — года два. Младшая вскоре умерла, а старшая, ее назвали Камалой, прожила около десяти лет. Камала ходила на четвереньках, пила, лакая, а мясо ела только с пола. Днем она спала, сидя на корточках в углу, лицом к стенке. Одежду с себя срывала и даже в холод сбрасывала одеяло. Никакого следа религиозной психологии доктор Синг у Камалы не обнаружил.

Разве не доказывают эти примеры, что религиозное чувство не является врожденным, а воспитывается у человека обществом?

Жестокий эксперимент

— Нет,— возразил мне богослов, прочитавший в моей книге «Занимательная психология» рассказ, подобный тому, который прочли сейчас читатели этой книги.— Случай с Виктором — авейронским дикарем, как и с Камалой и другими вскормленными животными детьми, не противоречит врожденности религиозного чувства у людей. У них оно тоже при рождении было, но тяготы жизни с животными, без людей, это чувство заглушили.

— Хорошо,— ответил я.— А что вы сможете сказать о таком зверски жестоком, но убедительном опыте, рассказ о котором сохранила для нас история?

Акбар, третий падишах из династии Великих Моголов, царствовавший в Индии в 1556—1605 годах, тот самый, который пытался насадить в Индии придуманную ими новую «божественную веру», представлявшую сочетание индуизма, зороастризма, ислама и христианства, поспорил со своими придворными богословами, которые утверждали, что каждый ребенок начинает говорить на языке своих предков, даже если его никто не учит.

С решимостью восточного деспота он поставил эксперимент. Несколько новорожденных детей различных национальностей (индийской, китайской, бирманской) воспитывались несколькими немыми в полной изоляции от других людей. Опыт продолжался семь лет. Когда Акбар в сопровождении своих богословов собственноручно открыл дверь ключом, который семь лет хранил у себя на груди, они увидели рычавших, кричавших, даже мяукавших человеческих зверенышей. Ничего человеческого ни Акбар, ни его придворные мудрецы у этих «диких детей» обнаружить не могли, в том числе, конечно, и религиозного чувства. Их в последующем так и не удалось превратить в людей. Время было упущено. Что вы на это скажете? — закончил я.

Мой собеседник ничего мне не возразил. Может быть, кто-нибудь из читателей попытается это сделать? Я готов продолжить спор.

Дорелигиозная эпоха

Богословы всегда пытались доказать «вечность» религиозного чувства. Приверженцы иудаизма, христианства и мусульманства при этом твердили и твердят о вечности веры в единого бога, якобы присущей человеку во все времена и у всех народов.

Но человечество существует около миллиона лет, а археологические находки, позволяющие говорить о наличии самых примитивных религиозных культов,

относятся к эпохе Мустье и имеют давность, самое большее, 40—80 тысяч лет. Все предшествующее время существования человечества называется дорелигиозной эпохой.

Даже в относительно недавнее время этнографы считали, что им удавалось находить отдельные племена (а может быть, только отдельные группы людей), у которых не было никаких следов религиозных культов.

Так, Чарлз Дарвин, совершая путешествие на корабле «Бигль» в 1831—1836 годах, довольно долгое время внимательно и глубоко изучал быт и нравы жителей Огненной Земли.

«Мы не могли найти у огнеземельцев даже следа веры в то, что мы назвали бы божеством, не нашли и следа религиозных обрядов»,— писал он в книге «Происхождение человека и половой отбор».

Тасманийцев, истребленных англичанами около ста лет назад, многие этнографы склонны считать одной из наиболее отсталых в своем развитии народностей земного шара. Знаток первобытного общества П. П. Ефименко писал, что у них «религиозное представление также не сложилось еще в какие-либо определенные формы. В их языке отсутствовали какие бы то ни было религиозно-мистические понятия».

Выдающийся русский путешественник, этнограф и писатель Н. Н. Миклухо-Маклай (1846—1888), проживший с папуасами и меланезийцами ряд лет, изучая их религиозные представления, спрашивал их: «Что делают или куда уходят люди умершие?» «Меня хорошо понимали,— писал он,— и без всякой запинки отвечали: «Человек умер — умер: человека уже больше нет!»»

Изучение психологии людей, стоявших на очень низких ступенях культуры, привело его к важному выводу. «Миссионерами и даже некоторыми из путешественников выражения «бог», «идол» и т. п. употребляются чрезвычайно либерально,— писал он.— Всякая фигура, изготовление которой стоит туземцу большого труда, ценится высоко, и он не может с ней распрощаться».

Иными словами, нет оснований видеть идолов и

богов там, где фактически есть только ценные для человека вещи. Однако если учесть, что друзья Миклухи-Маклая — папуасы поверили в него как в колдуна, в его сверхъестественные возможности, то, значит, элементы религии были им уже не чужды.

А Дарвин ждал от огнеземельцев веры в божество, подобное христианскому богу, и мог не заметить следов более примитивной религии.

Существование в новейшее время племен без религии сомнительно. Но так или иначе, степень религиозности у ряда племен, в сравнении с другими (или, повторяю, отдельных лиц), бывала очень мало выраженной.

Люди без религии

В болотистых лесах юго-востока Суматры, носящих название римба, живет группа племен кубу. Европейцы узнали о них только в 20-х годах XIX века и обратили внимание на отсутствие у них каких-либо следов религии. Вот что писал об этом в своей книге «Римба» этнограф В. Фольц, изучавший это племя: «Я хочу установить, имеют ли кубу представления о высших существах. Тут, конечно, нельзя задавать прямых вопросов, а следует идти окольными путями. Прежде всего я хочу знать, имеют ли они понятие о страхе, так как им обусловливается вера в сверхъестественные существа.

Я спрашиваю одного кубу:

— Ходил ли ты когда-нибудь один ночью в лес?

— Да, часто.

— Слыхал ли ты там стоны и вздохи?

— Да.

— Что же ты подумал?

— Что трещит дерево.

— Не слыхал ли ты криков?

— Да.

— Что же ты подумал?

— Что кричит зверь.

— А если ты не знаешь, какой зверь кричит?

— Я знаю все звериные голоса...

— Значит, ночью в лесу ты ничего не боишься?

— Ничего.

— И ты никогда не встречал там ничего неизвестного, что могло бы тебя испугать?

— Нет, я знаю все.

Этим поверхностным восприятием природы,— заключает Фольц,— и гордым и тупым заявлением «я знаю все» парализуется его воображение. Сверхчувственным существам нет места в его психике».

«Я пытаюсь узнать другим способом,— пишет он далее,— верят ли они в существование души или чего-либо подобного. Я спрашиваю:

— Видел ли ты мертвого человека?

— Да.

— Может ли он ходить?

— Нет...

— У него такие же члены, как и у тебя, но он не может двигать ими. Отчего же это происходит?

— Оттого что он мертв...

— Чем же отличается мертвый от живого?

— Он не дышит...

— А что такое дыхание?

— Ветер.

И все начинается сызнова, потому что я не хочу прямо поставить вопрос о душе.

В другой раз я спрашиваю кубу:

— Видал ли ты молнию?

— Да.

— Что это такое?

— Не знаю...

— Откуда берется молния?

— Сверху.

— Почему бывает молния?

— Не знаю.

— Можешь ли ты сделать молнию?

— Нет.

— Может ли какой-нибудь человек сделать молнию?

— Нет.

— Что же такое молния?

— Не знаю...

— Может быть, молния — животное?

— Нет.

— Может быть, гром — животное?

— Нет.

— Может быть, гром и молнию делает какое-нибудь животное?

— Нет.

В таком же роде были наши беседы о дожде и других явлениях природы, причем я старался узнать, имеются ли у них отвлеченные представления.

О высших существах кубу не имеют ни малейшего понятия... Десятки веков бесследно пронеслись над ними. И человеческие существа захирели и зачахли в грозном сумраке римба».

Так Фольц заканчивает свой рассказ. Очень уж ему, человеку религиозному, хотелось найти у кубу следы религии.

Первичное и воинствующее безбожис

Можно сомневаться в наличии в исторические времена племен без религии. Можно считать, что обнаруженные впоследствии элементы религии у племен, у которых Дарвин, Фольц и другие их не находили, являются не более поздними наслоениями, а ранее незамеченными особенностями этих племен. Но нельзя сомневаться, что у тех конкретных людей, которых изучали указанные исследователи, религиозных верований не было. Значит, если не у целых племен, то хотя бы у отдельных людей не было никаких религиозных представлений. Психологически это и является первичным безбожием, при котором у человека не только нет веры в сверхъестественные силы и явления, но он и не догадывается о возможности такой веры.

Подобное первичное безбожие можно наблюдать у наших школьников. Правда, безбожие это у них не всегда обоснованное и устойчивое. И в этом слабость атеистического воспитания.

Так, Евграф Дулуман, бывший богослов, порвавший с религией, писал, что он, считавший в школьные годы, что «бога нет», но не задумывавшийся над этим, под влиянием соседа священника легко превратился в верующего и стал студентом семинарии.

Пока религия существует на земле как социальное явление, каждый советский школьник должен

воспитываться как воинствующий безбожник и знать, с кем и с чем он должен бороться.

Психологические корни вторичного безбожия, или, что одно и то же, свободомыслия, так же как и близкого к нему атеизма, или воинствующего безбожия, заложены в чувстве сомнения. Но при близости понятий свободомыслия и атеизма между ними есть и различия. Для свободомыслия, которое проявлялось во все века и у всех народов, достаточно только чувства сомнения в официально принятых догмах. Атеизму этого мало, так как атеизм — это всегда мировоззрение, не оставляющее места для бога. Уже у самых первобытных народов проявлялось свободомыслие в виде отказа от принятой племенем религии. Правда, здесь часто основным мотивом являлась выгода, примером чему из более позднего времени являются легендарные раздумья князя Владимира перед крещением Руси: какая из предлагаемых ему религий выгодней. О победе меркантильных соображений над религией говорит и фраза Генриха IV «Париж стоит мессы!», принявшего католичество и ставшего фактическим королем Франции ценой отказа от протестантизма.

Сложнее проявление свободомыслия, например, у гавайского короля Камехамеха II (сына основателя королевской династии), который в 1819 году решил отменить все существующие табу, прекратить жертвоприношения, уничтожить святилища и идолов. Начал он с того, что сам, вопреки наиболее строгому запрету религии, вошел к своим женам и начал с ними есть за одним столом. А лет за десять до этого недалеко от островов Самоа и Фиджи, на островах Тонга, был вождь Финоу, которого жрецы считали безбожником, так как он не верил их рассказам о богах и уклонялся от выполнения обрядов.

Наряду с большим количеством памятников религиозных культов Древнего Египта, и в частности погребального культа и магии, сохранилась и «Песня арфиста», написанная около четырех тысяч лет назад. В ней высмеивалась вера в посмертное существование души. Сохранилась и «Беседа разочарованного со своим духом» с пессимистическими сомнениями в загробных благах, обещаемых религией.

Были и другие замаскированные атеистические высказывания. Так, в папирусе Нового царства было написано, как бог Ра заявляет богу Осирису:

— Если бы ты и не родился, ячмень и полба все равно существовали бы.

Сохранилась вавилонская рукопись «Разговор господина с рабом о смысле жизни», в которой есть такие слова:

— Не приноси жертвы,— говорит раб,— ибо они бесполезны; разве ты заставишь бога ходить за тобой, как собака?

Гомер высказывал немало весьма вольных мыслей о богах, а Ксенофану, жившему в Древней Греции в VI—V веках до н. э., принадлежат следующие строчки:

Если бы руки имели быки, или львы, или кони;
Если б писать, точно люди, умели они что угодно,—
Кони коням бы богов уподобили; образ бычачий
Дали б бессмертным быки; их наружностью каждый сравнил бы
С тою породой, к какой он и сам на земле сопричислен.

Дышат свободомыслием высказывания Эсхила в трагедии «Прикованный Прометей», где Прометей выступает как богоборец.

Эврипид в трагедии «Беллерофонт» писал:

— На небе боги есть... Так говорят. Нет! Нет! Нет их! И у кого крупица хотя бы есть ума,— не станет верить сказаньям старины...

В 307 году до н. э. афиняне посвятили гимн Деметрию Полиоркету, ставшему их правителем:

...Другие боги или далеки, или не имеют ушей,
Быть может, они вовсе не существуют или не смотрят на нас,—
Но ты перед нами
Не деревянный и не каменный, а телесный и живой.
И вот мы обращаемся к тебе с мольбою...

Лукиан Самосатский во II веке в ряде произведений высмеивал нелепость мифа о богах. Маркс имел все основания сказать, что боги Греции были смертельно ранены трагедиями Эсхила и им пришлось еще не раз умереть в «Беседах» Лукиана.

Римский философ и поэт Лукреций Кар оставил нам дидактическую поэму «О природе вещей», в которой он развивал материалистические и атеистические взгляды. Вот отрывок из нее:

Ныне не стрелами яркими дня и не солнца лучами
Надо рассеивать ужасы и помрачения духа,
Но изучением и толкованьем законов природы.
Первоначальное правило ставит природа такое:
Из ничего даже волей богов ничего не творится.
Страх суеверный, однако же, смертных настолько объемлет,
Что и в вещах, наблюдаемых здесь, на земле, и на небе,
Многое соизволеньем богов объяснить они склонны,
Главной причины явлений добиться никак не умея.
Раз мы уверены в том, что ничто создаваться не может
Из ничего, то вернее поймем мы предмет изученья:
Именно то, из чего могут вещи родиться, а также —
Где, каким образом зиждется все без участья бессмертных.

Этим замечательным словам уже более двух тысяч лет! Можно было бы еще немало сказать о свободомыслии Анаксагора, Демокрита, Гераклита, Сократа, Эпикура — «идейного вдохновителя» Лукреция Кара. Античная религия вообще относилась к богам запросто, «похлопывая их по плечу».

Воинствующий атеизм в своем развитии претерпел ряд этапов. От античного, через средневековый, до буржуазного и, наконец, марксистского.

Марксистский атеизм — последовательная система научных взглядов, не оставляющих никаких «лазеек для бога». Яркое и образное выражение К. Маркса дает социально-психологическое раскрытие сущности религии: «Религия есть *опиум* народа». Это изречение названо В. И. Лениным краеугольным камнем марксистского понимания религии.

Вторая сигнальная система действительности

«В начале было слово»,— говорит Евангелие от Иоанна (гл. 1, ст. 1).

В начале было дело — считает психологическая наука, доказывая, что только на основе предметной деятельности у человека образуется речь.

— В развивающемся животном мире на фазе человека произошла чрезвычайная прибавка к механизмам нервной деятельности. Для животного действительность сигнализируется почти исключительно только раздражениями и следами их в больших полушариях, непосредственно приходящими в специальные клетки зрительных, слуховых и других рецепторов организма. Это то, что и мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды как общеприродной, так и от нашей социальной, исключая слово, слышимое и видимое. Это — первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными. Но слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов. *Многочисленные раздражения словом, с одной стороны, удалили нас от действительности, и поэтому мы постоянно должны помнить это, чтобы не исказить наши отношения к действительности.* С другой стороны, именно слово сделало нас людьми, о чем, конечно, здесь подробнее говорить не приходится. Однако не подлежит сомнению, что основные законы, установленные в работе первой сигнальной системы, должны так же управлять и второй, потому что это работа все той же нервной ткани.

Приведенные слова принадлежат И. П. Павлову, создавшему учение о второй сигнальной системе. В них есть очень важная для психологии религии мысль, раскрывающая диалектику слова. Я ее выделил курсивом. Недаром, углубив ее, Павлов как-то сказал о второй сигнальной системе:

— А если она отрывается от первой сигнальной системы, то вы оказываетесь пустословом, болтуном и не найдете себе места в жизни.

Вторая сигнальная система — слово и понятие, создав из животного человека, вместе с тем создали ему опасность удаления от действительности. Но пока человек не овладел словом, ни о какой религии не могло быть и речи.

Отлет фантазии от жизни

На опасность, заключенную в слове, о которой И. П. Павлов писал в 1934 году, В. И. Ленин указал значительно раньше и непосредственно связал с происхождением религии. Уже в 1915 году, конспектируя книгу Аристотеля «Метафизика», он отметил в своих «Философских тетрадях», что для первобытного человека понятие, идея есть отдельные существа. Он видел в этом первобытный идеализм.

«Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога?»

Ленин двумя NB (нотабене — лат. «заметь хорошо») отметил эту свою запись, которая оканчивается словами, раскрывающими психологическую сущность происхождения религии: «Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (=религии) *даны* уже **в первой, элементарной** абстракции...».

И сразу же за этим Ленин раскрывал диалектический смысл слова, о котором позднее писал и Павлов: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (=понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (in letzter Instanz[1] = бога)».

Основным вопросом философии является вопрос об отношении мышления к бытию, сознания к природе, о том, что считать первичным — материю, природу или дух, мышление. Ленин показал зависимость первобытного идеализма, а в конечном счете идеи бога от абстракции.

Идеалистическое решение основного вопроса философии и признание первичным духа родилось как иллюзия мышления. Оно неразрывно связано с ре-

---

[1] В последнем счете.

лигиозной психологией и лежит в основе любой религиозной идеологии.

Материалистическое решение основного вопроса философии и признание первичным материи — это продукт познания мира. Оно лежит в основе атеистической идеологии.

История философии не знает ни одного философа-идеалиста, являвшегося последовательным атеистом, хотя бывали случаи, когда материалисты, в силу путаницы и непоследовательности своих взглядов и давления традиций, были религиозными людьми.

Гомология? Нет, аналогия!

Танцующие выбирают ровное и сухое место и встают в круг, иногда в два, иногда в три ряда. В центре круга — свободная площадка для танцев. На нее выбегает то один, то другой танцующий и пляшет, приседая и подпрыгивая, кланяясь и размахивая руками. Парный танец такой: танцующие становятся друг против друга, и один начинает кланяться, покачивая головой вверх-вниз, вверх-вниз; затем, хлопая руками, танцующий шагом прохаживается вокруг партнера. С каждым новым поворотом темп нарастает. И вот оба партнера, встав друг против друга, прыгают вверх, взмахивая руками. В прыжке левая нога — она держится слегка выше, чем правая,— энергично лягает воздух. В других случаях танцующие хватают с земли предметы и подкидывают их в воздух...

Вот описание другого танца — борьбы. Противники сближаются с высоко поднятыми головами и раскачиваются друг перед другом, расходятся, делают вольт направо, вольт налево. Снова сближаются, снова плавно повторяя одни и те же движения, снова один представляет зеркальное отражение другого. Первый акт танца длится минут пять. После перерыва соперники опять сближаются и плавно и ритмично то сплетаются, то опять расходятся. Финал танца всегда одинаков: он заканчивается борьбой. Миг силового напряжения — и один из соперников летит на песок. Сильнейший из борцов некоторое

время прижимает к земле брошенного противника, потом с гордо поднятой головой совершает как бы круг почета.

А теперь еще один танец — танец насекомого. Когда встречаются два паука-скакунчика, они разыгрывают небольшой спектакль. Вздымают в ярости кверху «руки» — передние свои ножки, раскрывают пошире челюсти, грозя друг другу страшной расправой, переходят в наступление, шаг за шагом сближаются — голова к голове; гневно блестят шестнадцать выпученных глаз (восемь у одного и столько же у другого). Все ближе и ближе их «лбы». Вот, упершись ими, словно бараны, все плотнее и плотнее прижимаются раскрытыми до предела ядовитыми крючками. Потом... мирно расходятся. Драки не ждите. Ее никогда не бывает. Это пантомима — бескровная битва самцов. Она символизирует схватку, которая не может состояться, потому что иначе все самцы-пауки в первые же весенние дни быстро бы истребили друг друга и их род прекратился бы...

Все три описания танцев я почти дословно переписал из книги биолога И. И. Акимушкина «И у крокодила есть друзья». В описании первого танца — журавлей я лишь вместо слова «крылья» написал «руки», а в описании второго танца — гремучих змей только опустил некоторые фразы. И эти чисто редакционные изменения создали полное впечатление, что речь идет о религиозных ритуальных танцах первобытных народов.

Основываясь на подобных впечатлениях, некоторые буржуазные ученые (например, Жан Гюйо) пытались утверждать, что религиозные чувства есть и у животных, от которых они будто бы перешли по наследству к человеку. Но журавль, гремучая змея и паук не связаны никакой общей наследственностью танца. Нет общей наследственности и у человека с журавлем и пауком. Значит, их танцы не гомологичны, как говорят биологи, а аналогичны. Как известно, рука человека, копыто лошади, крыло птицы и ласт дельфина гомологичны, т. е. общи по наследственному происхождению, но крылья птицы и бабочки аналогичны, т. е., не имея общего происхож-

дения, выполняют одинаковую функцию; они сформированы одинаковыми требованиями среды. Так же аналогичны инстинкты строительства гнезда у рыб, птиц, ос и осьминога.

Явления аналогии более сложны, чем гомологии, и потому еще мало изучены, они существуют не только в биологии, но и в этнографии, в психологии.

Для психологии религии очень важна историческая преемственность различных религиозных проявлений. «...Раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой»,— писал Энгельс.

Ритуальные танцы племен североамериканских индейцев и африканских племен, имеющие очень много общего, возникли по исторической аналогии. Ведь никакого общения между этими племенами не было. Поэтому преемственность в происхождении этих танцев предположить труднее, чем предположить аналогию.

Но сейчас меня интересует другой вопрос: есть ли вообще что-либо общее между ритуальными танцами различных племен, возникших независимо друг от друга, и ритуальными танцами животных?

Такая общность есть. Общим является психофизиологический механизм ритуального танца — нейродинамический стереотип. Именно он объединяет определенные движения, как правило незаконченные и утратившие свой первоначальный, прямой смысл. Журавль в своем танце как бы начинает взлетать, паук — как бы начинает кусаться, человек — как бы бросает копье. Во всех случаях это обломки когда-то целесообразных, законченных двигательных действий, это двигательный сон наяву.

Так что же, правы те буржуазные ученые, которые наделяют животных религиозностью? Конечно, нет! Бесспорно, танец животных ничего общего с религией не имеет. Да и у человека не любой ритуальный танец связан с религией. Но главное различие между танцами животных и людей в том, что у животного нейродинамический стереотип биологически обусловлен и прирожден, а у человека он социально

обусловлен и требует научения. Журавль, вылупившись из яйца в инкубаторе, будет уметь танцевать, а человек учится ритуальному танцу из поколения в поколение. Ошибка тех, кто говорит о религиозности животных, заключается в подмене аналогии, притом аналогии только в поведении (и в его психофизиологическом механизме) животных и человека, гомологией.

Религиозные нейродинамические стереотипы

По лесу шли пять женщин. Неожиданно раздался удар грома, и каждая из них, не думая, что делает, по-своему отреагировала на него. Одна вскрикнула, вторая схватилась за голову, третья побежала к дереву, а четвертая и пятая стали креститься. Но крестились они по-разному: одна «тремя перстами», а другая — по-староверски — двумя.

Каковы же были психологические механизмы этих различных реакций?

У первой «сработал» безусловный рефлекс; даже малый ребенок может дать подобную реакцию. Реакции остальных были приобретены. У второй это был оборонительный условный рефлекс. Еще более сложной была оборонительная реакция третьей, которая состояла из серии условных рефлексов, сложившихся в определенную систему, которую И. П. Павлов назвал нейродинамическим стереотипом.

Такими же нейродинамическими стереотипами по механизмам, но религиозными по содержанию были реакции крестящихся женщин.

Религиозные условные рефлексы, если они систематически повторяются в определенном порядке, могут складываться в определенную систему и становиться нейродинамическим стереотипом. Когда они сложились, достаточно одного пускового раздражителя, чтобы «сработала» вся система.

Все религиозные обряды и ритуалы, крестное знамение, как трех-, так и двухперстное, земные поклоны, все обряды и ритуалы церковной службы, так же как и религиозные танцы и камлание шама-

нов,— все это по своим механизмам нейродинамические стереотипы. Вот несколько высказываний И. П. Павлова, которые позволяют глубже их понять.

Раскрывая механизм образования нейродинамического стереотипа, И. П. Павлов отмечал в своих «Лекциях о работе больших полушарий головного мозга», что человеку, как и животному, постоянно приходится реагировать на повторяемые системы внешних воздействий, т. е. на так называемые внешние стереотипы.

— В окончательном результате,— говорил Павлов,— получается динамический стереотип, т. е. слаженная, уравновешенная система внутренних процессов. Образование, установка динамического стереотипа есть нервный труд чрезвычайно различной напряженности, смотря, конечно, по сложности системы раздражителей, с одной стороны, и по индивидуальности и состоянию животного — с другой.

А в докладе на X Международном психологическом конгрессе в 1932 году, специально посвященном динамической стереотипии мозга, он говорил:

— Мне кажется, что часто тяжелые чувства при изменении обычного образа жизни, при прекращении привычных занятий, при потере близких людей, не говоря уже об умственных кризисах и ломке верований, имеют свое физиологическое основание в значительной степени именно в изменении, в нарушении старого динамического стереотипа и в трудности установки нового.

Вся дальнейшая разработка учения о высшей нервной деятельности подтвердила эти мысли Павлова.

Образование нейродинамических стереотипов облегчает дальнейший «нервный труд». Их выполнение создает у человека положительные эмоции и чувство спокойствия; задержка же или тем более перестройка всегда вызывает отрицательные эмоции.

В религиозной же психологии роль динамического стереотипа очень и очень велика. Не только ритуальные танцы, но и вообще все религиозные ритуалы и обряды по своим механизмам — это нейродинамические стереотипы.

Биологизация и вульгарная социологизация

Однажды после лекции о психологии религии я получил в числе других две записки.

«Примерно сто лет назад английский этнограф-самоучка Эдуард Тэйлор в своей книге «Первобытная культура» писал о дикарях-философах, которые, раздумывая над происхождением сновидений, обморока, смерти, додумались до идеи души и создали религию. Не противоречат ли излагаемые вами взгляды марксистскому взгляду на религию как на социальное явление и не повторяют ли они ошибок взглядов Тэйлора?» — было написано в одной из них.

«В 1887 году французский философ-атеист Жан Гюйо в книге «Безверие будущего» писал о том, что зачатки религиозности свойственны и животным в виде «религиозного инстинкта». Он описывал опыты Роменса со своей таксой, которая впадала в религиозный экстаз, наблюдая, как лопались на ковре мыльные пузыри. Эти взгляды почему-то считаются ошибочными, а ведь то, что вы говорите, подтверждает их!» — писал кто-то другой во второй записке, явно пытаясь найти во мне единомышленника Гюйо.

Что можно ответить на эти записки?

Во-первых, у религии существуют не только социальные и исторические, но и гносеологические корни. А ведь именно психология и позволяет глубже раскрыть эти гносеологические корни. Нельзя сводить сознание человека к психике животных, но также неправильно их разрывать.

Во-вторых, называть взгляды Тэйлора и Гюйо ошибочными, как сделали авторы обеих записок,— это значит не понимать диалектики развития науки. Их взгляды во многом (но не во всем!) устарели и требуют дополнения и уточнения. Но полностью отбрасывать их неверно: ведь и Энгельс, например, высказывая очень глубокие мысли о происхождении идеи души, был близок к тому, что писал Тэйлор. Хотя, понятно, ни Тэйлор, ни Гюйо не были марксистами и не понимали ни диалектики соотношения бытия и сознания, ни диалектики развития сознания,

ни, наконец, диалектики соотношения всех корней религии.

У таксы проявлялся так называемый ориентировочный рефлекс, а не религиозный инстинкт, о котором писал Гюйо. Простейшее религиозное мышление первобытного человека — это, конечно, не философское мышление, о котором писал Тэйлор, а вообще только зачатки мышления.

Как мне удалось выяснить после лекции, человек, пославший мне первую записку, начал относительно недавно специализироваться по истории религии. Он учился в период широко распространенной недооценки психологии и ошибочного отождествления социальной психологии с заблуждениями буржуазных ученых. Думаю, что наш последующий разговор заставил моего юного собеседника пересмотреть многие взгляды, в которых был большой элемент догматизма.

Вторую записку мне послал молодой врач с широким кругом интересов, но явно биологизирующий человека и с этих неправильных позиций искаженно понимающий учение Павлова о высшей нервной деятельности.

И биологизирование и вульгарное социологизирование огромного и очень сложного комплекса вопросов, относящихся к религиозной психологии, одинаково вредно.

Религия и страх

Эскимосский шаман Ауа правильно говорил:

— Мы не верим, мы боимся... мы страшимся духа земли, который вызывает непогоду и заставляет нас с боем вырывать пищу у моря и земли... мы боимся нужды и голода в холодных жилищах из снега... мы боимся болезни, которую мы постоянно встречаем вокруг себя.

Ауа очень правильно подметил, и недаром эти его слова приводит в своей книге «Сверхъестественное в первобытном мышлении» французский философ-психолог и этнолог Люсьен Леви-Брюль (1857—1939), справедливо придававший большое значение эмоциональности первобытного человека.

А вот как оценивал роль эмоций в возникновении религиозных представлений другой крупный ученый.

— Религия основана, на мой взгляд, прежде всего и главным образом на страхе. Частью это ужас перед неведомым, а частью, как я уже сказал, желание чувствовать, что у тебя есть своего рода старший брат, который постоит за тебя во всех бедах и злоключениях. Страх — вот что лежит в основе всего этого явления, страх перед таинственным, страх перед неудачей, страх перед смертью. А так как страх является прародителем жестокости, то не удивительно, что жестокость и религия шагали рука об руку. Потому что основа у них обеих одна и та же — страх. В этом мире мы начинаем ныне понемногу постигать вещи и понемногу подчинять их с помощью науки, которая шаг за шагом прокладывает себе дорогу, преодолевая вражду христианской религии, вражду церквей и сопротивление всех обветшалых канонов. Лишь наука может помочь нам преодолеть тот малодушный страх, во власти которого человечество пребывало в продолжение жизни столь многих поколений. Наука может научить нас — и этому, я думаю, нас могут научить наши собственные сердца — перестать озираться вокруг в поисках воображаемых защитников, перестать придумывать себе союзников на небе, а лучше положиться на собственные усилия здесь, на земле, чтобы сделать этот мир местом, пригодным для жизни, а не таким местом, каким его делали церкви на протяжении всех этих столетий,— так говорил виднейший современный английский философ-гуманист Бертран Рассел в своей лекции «Почему я не христианин».

Демокрит, Критий, Эпикур, Лукреций Кар, Стаций в древние времена, затем Гоббс, Гольбах, Де Бросс, Юм, Гельвеций, Спиноза, а в России Аничков, Десницкий, Герцен, Писарев — все они считали, что страх и чувство бессилия человека перед устрашающими силами природы играли большую роль в происхождении религии. Маркс, Энгельс и Ленин также стояли на этой точке зрения.

Слова римского поэта Стация, жившего в I веке н. э., «страх создал богов» привел В. И. Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии», пока-

зав, что страх — это результат бессилия человека в борьбе с угнетающими его силами природы и общества.

«Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист»,— писал Ленин, показывая значение страха не только как одного из корней религии первобытного человека, но и религии человека капиталистического общества.

Страх ли создал богов?

— Конечно, тезис Стация «страх создал богов» сейчас считается общепринятым в нашей атеистической литературе, если страх понимать как результат бессилия. Но как его примирить с современными взглядами на жизнерадостность и беспечность первобытных племен? — спросил как-то меня молодой этнограф.— Конечно, психику неандертальца мы, по крайней мере сейчас, изучать не можем. Но Фольц исследовал племя кубу. Изучение недавно обнаруженного племени биндибу — самого примитивного из известных аборигенов Австралии — показало, что это очень жизнерадостные люди, «которые лишены чувства страха». По удачному выражению шведского этнографа, долго жившего среди папуасов, они проявляют «бесстрашие ребенка, не сознающего опасности». Есть все основания считать, что традиционный взгляд на «забитого» и «несчастного» первобытного человека не соответствует действительности. Скорее это были тоже жизнерадостные и детски-беспечные люди.

— Более того,— согласился я с ним,— ведь если бы это было не так, то наши предки просто не выжили бы и нас с вами не было бы.

Рисуемый современной этнографией облик перво-

бытного человека говорит о его большой эмоциональности. Но тезис Стация не предполагает необходимости беспрерывной боязливости или трусливости первобытного человека.

Древние греки не были ни трусливее, ни плаксивее нас, но отдельные проявления страха и горя у них были сильнее, чем у нас. Помните, как Гомер описывал горе по убитому Гектору его родителей, Приама и Гекубы, и всего войска:

...Терзала
Волосы мать. С головы покрывало блестящее сбросив,
Прочь отшвырнула его и завыла, на сына взирая.
Жалостно милый родитель рыдал. И по городу всюду
Вой раздавался протяжный, и всюду звучали рыданья.

Думаю, что подобная картина должна была быть и у еще более эмоционального первобытного человека. И не только при переживании горя, но и других эмоций, в том числе и страха. Хотя проявляться она могла и относительно редко. А ведь частого проявления страха для возникновения религиозного чувства и не надо. Даже один раз возникший страх может закрепиться на всю жизнь.

Ночные страхи

Одна из нередких жалоб, с которой матери приводят своих детей к психиатру,— это жалоба на их ночные страхи. Никаких других отклонений в здоровье и психике у ребенка нет и не было, и «вдруг» лет с пяти (а то и гораздо позже) он начинает бояться войти в темную комнату, бояться один спать, порой начинает просыпаться ночью с криком и дрожа от страха, а потом долго не может заснуть. Психиатры это состояние даже назвали особым латинским термином: «pavor nocturnus», что означает в переводе «страх ночной».

Нам нет необходимости здесь всесторонне разбирать все тонкости этого состояния. Но на трех сторонах вопроса, имеющих прямое отношение к психологии религии, остановиться следует.

Во-первых, подобные ночные страхи не только, бесспорно, должны были отмечаться и у первобытных племен, но и, пожалуй, отмечаться более часто и более резко выраженными. Ночь всегда более полна

опасности, чем день, а у первобытного человека, не только ребенка, но и взрослого, для ночных страхов больше реальных оснований, чем у современного городского человека. Нельзя забывать к тому же, что не только у первобытных племен, но и у древних народов эмоциональность была более выражена, чем у современного человека. Переживания ночных страхов способствовали появлению и усилению религиозных чувств и представлений. Иными словами, ночные страхи также явились одной из причин, способствующих появлению религиозной психологии.

Во-вторых, в дальнейшем, вплоть до настоящего времени, ночные страхи способствуют усилению религиозного чувства и усилению суеверий.

И наконец, третья сторона этого вопроса. Очень часто причиной детских ночных страхов являются страшные рассказы и сказки, пугающие детей. Мой дед, земский врач-психиатр, говорил, что в прошлом веке в Новгородской губернии и на Полтавщине, где ему довелось работать, он сталкивался с массовыми ночными страхами детей, вызванными религиозными рассказами их бабушек о муках Христовых, о страшном суде и о чертях с лешими и домовыми. Теперь подобные случаи не столь часты, но все же встречаются.

На краю бездонной пропасти

Однако страх является только одним из психологических корней религии. Основной корень, эту «тайну религии», впервые понял Людвиг Фейербах.

— Тайна религии есть, в конце концов, лишь тайна сочетания в одном и том же существе сознания с бессознательным, воли с непроизвольным,— говорил он.

И почти сразу после этого дал образ поразительной яркости:

— Человек со своим Я или сознанием стоит на краю бездонной пропасти, являющейся, однако, не чем иным, как его бессознательным существом, представляющимся ему чужим.

Ленин, выписав первую из приведенных фраз в свой конспект «Лекций о сущности религии» Фейер-

баха, как и ряд последующих, предварил их такими словами:

— *Превосходное, философское* (и в то же время простое и ясное) объяснение сути религии.

Действительно, далеко не все в психике человека осознанно. Например, автоматизированный навык выполняется неосознанно (или «бессознательно», как говорил Фейербах и как нередко говорят и сейчас). Ведь метко бросая камень, мы не осознаем, как именно мы это делаем. Не осознавал этого, конечно, и первобытный человек. И если древний грек считал, что копье, удачно попавшее в цель, за него метнула Афина Паллада, то первобытный человек, метко попавший камнем или стрелой в зверя, еще не придумав конкретного бога, уже чувствовал, по ту сторону осознанного своего «я», «нечто чужое», которое наделено магической, божественной, сверхъестественной (по-разному можно назвать) силой.

Но дело здесь не только в автоматизированных навыках, но и в других различных проявлениях бессознательного (неосознанного). Интуиция и творчество, переживаемые как «божественное озарение», ставят по этому же механизму над «бездонной пропастью» многих людей — от первобытного обитателя пещер до некоторых современных деятелей искусства. Непроизвольные судороги заставляют больного человека чувствовать кого-то «чужого», стоящего по ту сторону субъективно для него бездонной пропасти, отделившей бессознательное — непроизвольное — от осознанного его «я».

Попытки выразить все эти чувства словами, понятиями всегда сталкивались и сталкиваются до сих пор с той опасностью «отлета фантазии от жизни», которую Ленин определил как один из корней религии.

В дальнейшем я не раз буду напоминать о «бездонной пропасти» или о «тайне религии».

«Бездонная пропасть» — это бессознательное (неосознанное) в психике человека.

«Тайна религии» — это сочетание в одном и том же сознании человека осознанного и неосознанного.

«Они»

Известно, что Карл Маркс в «Капитале» очень образно сказал:

— Так как он родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: «Я есмь я», то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку.

Этим высказыванием Маркс развил и углубил мысль Людвига Фейербаха о соотношении «я» и «ты».

Но ведь для группы людей это соотношение принимает форму «мы и вы», «мы и они», причем, как убедительно доказывает советский историк и философ Б. Ф. Поршнев, «тщательный анализ приводит к неожиданному результату: «вы» (и соответственно «ты») — категория производная и отвечающая более поздней ступени, чем «мы» и «они»».

И для ребенка и для первобытного человека понятие «они» формируется раньше, чем «вы» и «мы». «Первым актом социальной психологии надо считать появление в голове индивида представления о «них»»,— пишет Поршнев несколько далее.

Это очень важный социально-психологический вывод, имеющий физиологические корни в ориентировочном рефлексе, рефлексе «что такое?». Но здесь нам важны не доказательства, подтверждающие правильность этих взглядов, а теснейшая связь этого понятия «они» с происхождением религиозной психологии. «Они» всегда кажутся более сильными, более могущественными, чем есть на самом деле. «Они» всегда вызывают страх. Это хорошо знают и энтографы и воспитатели детских садов. Для первобытного человека «они» — это та сила, которая побуждает кочевать и избегать контактов с другими племенами; «они» — это наиболее легкое объяснение всех непонятных неприятностей. «Они» именно потому «они», что те, о ком идет речь, непонятны, мало дифференцированны, и от них можно ждать чего угодно.

Вспомним, что «они» для первобытного человека,— это не только те, чужие, люди, которые «не мы»,

но и те «они», которые помогают или мешают брошенному ими камню или выпущенной стреле убить зверя. Эти «они» стоят по ту сторону «бездонной пропасти», о которой я уже говорил, употребляя образ Людвига Фейербаха.

Любое родившееся понятие хотя исторически и изменяется, но и закрепляется; а главное, имеет тенденцию в определенных условиях проявляться в своем исходном значении. Из понятия «они» с его эмоциональной окраской легко образуется и психология тотема, и психология фетиша, и психология чуринга, и психология анимизма, о которых я еще буду говорить, хотя, конечно, каждое из них формируется и в дальнейшем развивается под влиянием различных социальных и исторических условий. Общим для них (как и для любой религии, о чем будет идти речь в следующей главе) является вера в то, что «они» могут воздействовать на «меня» и «нас».

Практические взаимодействия «их» и «меня», «их» и «нас», включившиеся в производственные отношения, легли в основу истории человечества и сформировали науку, искусство, мораль и право. Но это же взаимодействие, укрепляя чувство веры в могущество «их», являлось одним из корней религиозной психологии.

Огнепоклонство

Современный человек, смотря на огонь костра, камина, печи, даже спички или газовой горелки (ведь только на спичке или в газовой горелке огонь сохранился в современном быту городского человека!), всегда склонен думать о вечном и преходящем, мечтать о самом сокровенном, самом человеческом. Ведь именно

> ...Огонь зажженного костра
> оповестил зверей о человеке...
>
> *(М. Волошин).*

— Только научившись добывать огонь с помощью трения, люди впервые подчинили себе неограниченные силы природы. Какое впечатление произвело на

мысль человека это гигантское открытие, еще показывают современные народные суеверия,— писал Людвиг Фейербах.

Почитание огня в том или ином виде было распространено в древности почти у всех народов мира: в Средней Азии, Закавказье, Индии, Иране, Перу, Древней Греции, Риме и т. д. В настоящее время культ огня сохранился у парсов в Индии и в Иране, родине и парсов и религии зороастризма (маздеизма). А. Ф. Писемский еще в XIX веке встретился в Азербайджане с маздеистами, для которых поклонение «вечному огню» — факелам горящего природного газа — является существенной составной частью их религии.

Праздник славян Ивана Купалы, еще недавно отмечавшийся в России, на Украине, в Белоруссии, так же как и аналогичный старинный праздник Лиго в Латвии, также связан с огневыми обрядами. Зажженная свеча перед иконой — это «жертвоприношение огнем», а «воскаждение ладаном» — это не только «благоуханная жертва», но и «очищение дымом». У летописцев не раз говорится, как татары окуривали дымом послов, «чтобы у них вылетели из головы дурные мысли». Известна смерть в татарской орде князя Михаила Черниговского (1246 г.) за отказ поклониться огню. И ведь до сих пор в деревнях жив предрассудок: плевать в огонь — грех!

Но ни в одной религии культ огня, огня-очистителя не сыграл такую трагическую роль, как в христианской, история которой не может не рисоваться современному человеку иначе как в багровом пламени костров инквизиции и изб самосожжения — огненных палов старообрядцев.

Тотем

Тотем — слово, заимствованное у североамериканских индейцев и вошедшее в науку в конце XVIII века. Тотем — это обычно животное или растение, которых племя или род считают своим предком. Индейцы считали, что само животное или растение — тотем и их изображения находятся в родственной связи с племенем.

Последующее изучение показало, что тотемизм — как одна из составных частей древних религий — в том или ином виде был распространен у всех народов мира. Археологические памятники показали, что тотемизм был уже у людей каменного века — в верхнем палеолите, т. е. несколько десятков тысяч лет назад. В наше время тотемизм наиболее распространен у австралийцев. Так, в Австралии племя диери состоит из родов: лягушки, крысы, летучей мыши, жука, дождя и т. д.

По умершему животному, являющемуся тотемом, носят траур и хоронят его с теми же почестями, что и людей — членов тотемической группы. Так было с улитками в Серифе, с волком в Афинах, кошкой, скарабеем, крокодилом, телкой и козлом в Египте, газелью в Аравии, гиеной у народов ваника в Западной Африке, коброй в Траванкоре, курицей в Южной Америке и т. д.

Как и в основе любой формы религии, в психологической основе тотемизма лежит искаженное фантастическое отражение в сознании людей условий их жизни. Первобытный человек рано стал осознавать господствующие в первобытных охотничьих общинах кровнородственные связи между членами этой общины. Отражение этих связей было бессознательно перенесено им и на животных, растения, на неодушевленные предметы, причем в качестве тотема обычно выбирались не любые животные, растения, а те, которые играли важнейшую роль в жизни племени.

Вера в тотем кое-где впоследствии перешла в веру в богов-полуживотных. Особенно большая «коллекция» таких богов была в Египте: бык-бог Апис, небесная корова — богиня Хатор, бог-Сокол — Гор, львиноголовая Сохмет, бараноголовый Хнум, шакалоголовый Анубис и т. д. В раннем христианстве Христа также изображали в виде ягненка, но и теперь сахарного ягненка прикрепляют на верх пасхи перед ее освящением.

Тотемы можно видеть на гербах средневековых рыцарей, и они сохранились как один из элементов гербов некоторых государств и городов.

Уже в самые отдаленные времена психология

тотемизма была тесно связана с психологией фетишизма. Недаром историки религии до сих пор не пришли к единому мнению — какая из этих форм религии возникла раньше. Но для психологии религии существенно важно то, что в тотемизме, как элементе религии, фантастически была отражена всеобщая связь явлений мира.

Посмотрите внимательнее, и вы найдете тотемы и сейчас кое у кого из знакомых в виде амулетов. Если ваш знакомый считает, что амулет ему «приносит счастье», это будет фетиш. Но если он чувствует только «таинственную связь» с амулетом, то психологически этот амулет будет скорее тотемом.

Фетиш

«Слово «фетиш», иначе, на языке негров, боссум, происходит от имени идола, которого они также называют боссум»,— писал в 1705 году голландский моряк Виллем Босман в своей книге «Путешествие в Гвинею». Но есть сведения, что уже в XV веке португальские моряки гвинейских божков называли фетишами — «сделанными».

У других народов такие божки назывались поиному. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, на меня смотрит своим глазом — кусочком бутылочного стекла (второй — просто дырочка) — эвенкийский фетиш шингкэн, привезенный из Уссурийского края.

Историки религии под фетишизмом понимают почитание единичных и притом обычно неодушевленных предметов. При этом одни из них считают его более поздней, чем тотемизм, формой религии. Но другие считают фетишизм наиболее ранней религией. Большинство же историков и этнографов сходятся на мысли, что фетишизм — это наиболее общий и наиболее постоянный элемент религии.

Но психология фетишизма далеко не всегда является проявлением только религиозной психологии. Ведь и каждому из нас, как, надо думать, и первобытному человеку, некоторые вещи совершенно реально «приносят счастье». Я говорю о сувенирах, которые французы совершенно правильно связали с

памятью, ибо souvenir — по-французски воспоминание.

Кто не испытывал чувства счастья при взгляде на предмет, напоминающий любимого человека или радостные события? И не вдохновляли ли на подвиги солдат, вызывая подъем, в свою очередь обеспечивающий удачу, фотографии любимых, хранившиеся в карманах фронтовых гимнастерок? Такое же счастье приносил средневековому рыцарю, идущему в бой, шарф его дамы, которым он повязывал свои латы. Надо ли удивляться, что он наделял этот шарф особой силой, родственной и другим амулетам, ладанкам, иконкам и т. д. А у первобытного человека очень сходная психология приводила к появлению тотемов и чурингов. Хотя, конечно, во всех этих случаях социальные условия накладывали свой отпечаток, определяя их различия и особенности.

Нельзя забывать, что психологу с явлениями фетишизма приходится сталкиваться и в патологии, в частности в сексуальной патологии, когда предмет, принадлежащий человеку другого пола, начинает вызывать у больного чувство различной силы, вплоть до дающей половое удовлетворение. И не надо думать, что это «совсем другое». Мы не знаем, проявлялась ли эта патология и у первобытного человека. Но между этой психопатологией и психологией тотемизма, амулетов, талисманов, сувениров и религиозного фетишизма есть много общего и много постепенных переходов, при всем различии содержания вызываемых ими чувств и идей.

К. Маркс назвал фетишизм *«религией чувственных вожделений»* и раскрыл ее психологическую сущность следующими словами: «Распаленная вожделением фантазия создает у фетишиста иллюзию, будто «бесчувственная вещь» может изменить свои естественные свойства для того только, чтобы удовлетворить его прихоть».

Следовательно, по своей психологической сути тотем, чуринг, фетиш, идол и амулет очень близки. Если в основе тотемизма лежит признание магической, вначале родственной, связи с определенным предметом, то фетишизм конкретизирует эту связь, наделяя тот или иной предмет магической силой.

Амулет, или талисман (что одно и то же),— это предмет, в который верят, что он приносит счастье, удачу. Объективно это чувство появляется как условнорефлекторная эмоция, вызванная предшествующими удачами.

Фетиш же — это предмет, имеющий эту силу якобы вследствие пребывания в нем духа, божества.

После образования мировых монотеистических религий религиозная психология вернулась к канонизированным амулетам. В христианстве ими являются кресты, иконы, мощи, ладанки, нательные кресты; в исламе — «черный камень» Кааба в Мекке и гробницы святых — так называемые мазары; в буддизме — священные ступы.

В ряде религий Западной Африки фетишем может быть любой предмет: поразивший воображение человека камень необычной формы, кусок дерева. Если фетиш специально делается в виде человеческой фигуры, это будет идол. Вещь, приносящая удачу,— это амулет. За удачу фетиш благодарят жертвой (моему шингкэну за удачную охоту кровью зверей мазали рот). За неудачу либо наказывают, либо просто выбрасывают, заменяя новым. Психологически очень интересен африканский обычай: прося о чем-либо фетиш, в него забивают гвоздь, надеясь, что боль от гвоздя поможет фетишу легче запомнить, о чем его просят, и потому лучше выполнить просьбу.

Чуринг

Чуринг на языке одного из австралийских племен — это камень или кусок дерева, который якобы может быть двойником, вторым телом человека. В том или ином виде такие чуринги были у всех народов и во все века.

Возможно, что, украшая стены пещер рисунками зверей, первобытный человек отождествлял свой рисунок с убитыми зверями или теми, которых хотел убить.

Вера в возможность погубить человека, проткнув сердце восковой куклы — его чуринга, прошла через многие века и до сих пор существует не только у

первобытных народов. В сибирской тайге в начале 30-х годов я видел женщину, которая ворожила над фигурками из глины. Это были чуринги ее пациентов, которых она заочно лечила. К слову сказать, она сама и другие жители села считали ее хорошей христианкой.

Иконы и статуи богов по своей психологической сущности очень близки чурингам. Ведь каждый из этих предметов не сам по себе получает сверхъестественную силу, а именно потому, что он двойник того, кто уже ею наделен.

В повести М. Коцюбинского «Тени забытых предков» есть эффектная сцена: Иванко, герой повести, подслушивает, как колдун Юра путем магического действия над его изображением (чурингом) «сживает его со свету». Аналогичная сцена есть и в известном романе «Королева Марго» Александра Дюма. Да что говорить, во время войны, когда люди часто обменивались фотографиями, мне не раз приходилось слышать, что это — «дело рискованное», так как, если портрет попадет в руки врага, он сможет «навести порчу» через него на оригинал. Отсюда и вера в то, что волосы и ногти нельзя выбрасывать, а надо сжигать.

Во французском языке даже есть глагол «envoûter», означающий «портить», «околдовать кого-либо, прокалывая его восковое изображение». Современный французский писатель Морис Дрюон в своем историческом романе «Яд короны» из хроники «Проклятые короли» красочно, исторически правдиво и подробно описывает эту процедуру «анвутирования» одним кардиналом короля Людовика X. Интересно, что, прежде чем кардинал проткнул иглой восковую фигурку, она была окрещена по всем правилам церкви, даже с крестными отцом и матерью!

«Мы с тобой одной крови — ты и я»

Идея заклинания, поставленного в заголовке и взятого мною из «Книги джунглей» Редьярда Киплинга, так же как и сама идея мистического кровного родства, связана с психологией тотемизма. Не только

в средние века обмен мечами означал магическое «побратимство»; я застал этот обычай в аулах горного Кавказа в виде обмена кинжалами.

Но идея кровного родства связана и с культом крови. Яркий красный цвет и, главное, смерть после потери крови не могли не привлечь внимания человека.

Африканские пигмеи, готовясь к совместной и опасной охоте, наносят себе одной и той же стрелой кровавые раны. С культом крови связаны ритуальные убийства. Совместное убийство, например, у папуасов связывает убийц кровным родством. Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» в фрагменте «Валерий Публикола» описывает, как участники заговора против республиканского строя Рима совместно убили раба и на его крови клялись в верности своему делу. Аналогичен старинный ритуал «кимотори» у японских самураев.

Психологически связано с культом крови и ритуальное людоедство. А его элементы сохранились ведь и в таинстве причастия, в котором вино превращается в кровь Христову, а просфора — в его тело, причем верующий в это таинство должен съесть тело и выпить кровь Христову.

Я помню верующую девочку, которая настолько верила в причастие и настолько ясно представляла себе, что занимается людоедством, что ее во время причастия всегда начинало тошнить, что доставляло ей большие моральные страдания.

История знает многие преступления, корни которых уходят в психологию культа крови.

Венгерская графиня Елизавета Батори, жившая в XVII веке, ежедневно в течение нескольких лет умывалась... человеческой кровью. Она верила, что свежая кровь поможет ей стать красавицей. Много крепостных девушек стали жертвами этого культа крови.

Олицетворение

Ночевала тучка золотая
на груди утеса великана...

Красивый, яркий образ дал Лермонтов, вообще любивший олицетворение природы! А вот еще:

Терек воет, дик и злобен...

или:

Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой...

— Искусство не требует признания его произведений за *действительность*,— писал Людвиг Фейербах.

Вряд ли кто упрекнет поэта за красивый образ. А вот И. П. Павлов штрафовал своих сотрудников, когда они говорили: «собака подумала» или «собака пожелала». Эта антропоморфизация психической деятельности собаки, т. е. приписывание ей отсутствующих у нее свойств человеческой психики, по справедливому мнению ученого, мешала объективному изучению ее высшей нервной деятельности.

Корни антропоморфизма, сливаясь с олицетворением или персонификацией — представлением о предметах неживой природы и свойствах человека как о живых существах, уходят к сознанию первобытного человека, к «краю бездонной пропасти».

— Силы природы представляются первобытному человеку чем-то чуждым, таинственным, подавляющим. На известной ступени, через которую проходят *все* культурные народы, он осваивается с ними путем олицетворения. Именно это стремление к олицетворению создало повсюду богов,— так писал Энгельс в подготовительных работах к «Анти-Дюрингу».

История донесла рассказ о древнеперсидском царе Ксерксе, повелевшем наказать плетьми море, разметавшее его корабли. Но ведь так же и поныне ребенок, ушибившись о какой-либо предмет, бьет его, приговаривая: «Вот тебе! Вот тебе!» Психологически оба случая аналогичны.

Интересно, что древнегреческая мифология сохранила в памяти народа ту историческую последовательность, в которой идеи разных богов появлялись в религиозной общественной психологии. Сначала появилась идея о богах, непосредственно олицетворявших силы природы: Уран — небо, Гея — земля, Гелиос — солнце, Селена — луна, Борей, Зефир — ветры и т. д. Пожалуй, первый «абстрактный» бог был Хронос — время. А боги-олимпийцы во главе с Зевсом родились позже. Среди них были боги, оли-

цетворявшие психические явления: Мнемозина — богиня памяти, Гипнос — бог сна, Морфей — сновидений.

Я помню немало людей, веривших (теперь их уже почти не осталось), что гром вызывает колесница Ильи Пророка, катающегося по облакам.

Олицетворение — обязательное и весьма существенное явление религиозной психологии. Оно всегда связано с верой в то, что олицетворено, и часто со страхом, вызвавшим это олицетворение. В конечном счете все боги, которых создало человечество,— это олицетворенные силы природы или качества самого человека.

— Бог есть то, чем человек хочет быть,— говорил Л. Фейербах.

Олицетворение породило мифы. Миф — это не отдельный олицетворенный образ, а целый рассказ. В отличие от сходной с ним сказки, миф порождается объяснительным мотивом — стремлением людей к объяснению тех или иных окружающих их явлений.

Битва богов

Так он вещал — и возжег неизбежную брань меж богами.
К брани, душой не согласные, боги с небес понеслися.
Гера к ахейским судам, и за нею Паллада Афина,
Царь Посидон многомощный, объемлющий землю, и Гермес,
Щедрый податель полезного, мыслей исполненный светлых.
С ними к судам и Гефест, огромный и пышущий силой,
Шел хромая; с трудом волочил он увечные ноги.
К ратям троян устремился Арей, шеломом блестящий,
Феб, не стригущий власов, Артемида, гордая луком,
Лета, стремительный Ксанф и с улыбкой прелестной Киприда...
Но едва олимпийцы приблизились к ратям, Эрида
Встала свирепая, брань возжигая; вскричала Афина,
То пред ископанным рвом за великой стеною ахейской,
То по приморскому берегу шумному крик подымая.
Страшно, как черная буря, завыл и Арей меднолатный,
Звучно троян убеждающий, то с высоты Илиона,
То пробегая у вод Симоиса, по Калликолоне.
Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.
Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
Грянул над ними; а долу под ними потряс Посидаон
Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.

Все затряслось, от кремнистых подошв до верхов
многоводных
Иды: и град Илион, и суда меднобронных данаев.
В ужас пришел под землею Аид, преисподних владыка;
В ужасе с трона он прянул и громко вскричал, да над
ним бы
Лона земли не разверз Посидон, потрясающий землю,
И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.
Так взволновалося все, как бессмертные к брани сошлися!
Против царя Посида́она, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;
Против Арея — с очами лазурными дева Паллада;
Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;
Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста — поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных —
Скамандром.
Так устремлялися боги противу богов...

Это описание Гомером в «Илиаде» битвы богов под стенами Трои. Поведение богов здесь ничем не отличалось от поведения греческих воинов. В те времена человек полностью и в деталях переносил на созданных его воображением богов свою человеческую сущность.

Первый культ

По краю ямы вокруг погребения были расставлены врытые в землю пять или шесть пар рогов редкой породы крупного черного козла. Так выглядело, по словам известного советского археолога А. П. Окладникова, погребение мальчика — неандертальца семи — десяти лет, найденное в 1938 —1939 годах в гроте Тешик-Таш на высотах Байсуктау Гиссарского хребта в Южном Узбекистане.

Что означали эти рога, установленные вокруг могилы, являющейся наиболее древним из известных памятников культа?

Было ли это древнее жертвоприношение? И кому? Богам или душе умершего? А может быть, это только эстетическое стремление украсить могилу предметами, получившими особую ценность вследствие затраченного на их добывание труда? Было ли такое погребение случайным творчеством убитых горем

родителей или это уже закрепившийся культ? На все эти вопросы наука пока еще окончательного ответа не имеет.

Но бесспорно можно утверждать, что это — наиболее древний, времен палеолита, памятник не только культуры, но и зачатков культа погребения.

Культура — от латинского слова «cultura», что значит обращение, развитие, образование, совокупность достижений общества в его духовной жизни.

Культ — от латинского «cultus», что значит поклонение — совокупность обрядов, которым приписываются магические свойства. Я специально даю эти определения потому, что иногда считают, что слово «культура» происходит от слова «культ». Это не так.

Тешик-ташское погребение первобытного человека — человека, жившего первобытным стадом около ста тысяч лет назад,— это зачатки еще не дифференцированного культа, от которого пошли и другие дошедшие до нас религиозные культы.

Магия

— Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его,— писал В. И. Ленин.

Стремление к творчеству родилось и упрочилось у человека в процессе труда. Оно и сделало человека властелином земли и космоса.

Но на первых шагах своего пути, когда человек чувствовал себя стоящим «на краю бездонной пропасти», о чем я говорил словами Фейербаха, он зачастую неизмеримо переоценивал свои силы, наделив себя сверхъестественными качествами. Так родилась еще одна форма религии — магия, т. е. вера в сверхъестественные возможности людей (потом она была перенесена и на животных и на предметы). Вначале человеку казалось, что эти качества есть у каждого. Но практика подсказывала, что их легче находить не у себя, а у другого человека — колдуна, знахаря, волшебника либо у животного или предмета — фетиша.

Магия родилась в процессе деятельности человека и всегда связана с различными видами деятельности. Есть магия лечебная, предохранительная, половая

(любовная), метеорологическая (погоды), вредоносная, военная, промысловая, в том числе охотничья, рыболовная, земледельческая, скотоводческая и т. д.

— Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа,— писали Маркс и Энгельс в труде «Немецкая идеология» в 1845—1846 годах. И это полностью относится к магии, раскрывает ее психологическую суть.

Г. В. Плеханов справедливо считал, что магия основывается «на недостаточно ясном различии между тем, что происходит в голове человека, и тем, что совершается в действительности», что она «смешивает объективные явления с субъективными».

Магия уже существовала у народов, еще не додумавшихся до мифа о таинственном всесильном существе, господствующем над человеком, т. е. до мысли о боге. По крайней мере, крупнейший английский этнограф Джеймс Фрейзер, собравший и обобщивший огромный этнографический материал, считал именно так.

Остатки магии дошли до нашего времени в виде различных поверий, и в частности в виде заговоров. Религиозная старушка знахарка, с которой я столкнулся в начале 30-х годов у места слияния Аргуни и Шилки в Амур, умела останавливать кровь. Помолясь, она начинала шептать заговор:

Идет баба по перегороду,
За собой нить волочет,
Нить порвалась, кровь унялась.

Или так:

Гром не грянет,
Кровь не каплет,
Кобыла устала
И кровь у раба божьего
Стала.

Правда, она прикладывала к ране какие-то листья, но и она и ее пациенты были уверены, что без заговора они «силы не имеют».

В приведенных заговорах, как и в большинстве других, психологически интересна связь отдельных фраз по случайным ассоциациям по сходству.

Напоминаю, что под ассоциацией в психологии понимают отражение в сознании взаимосвязей предметов и явлений действительности. Ассоциации по сходству бывают, когда образы предметов и явлений или мысли о них вызывают представление о чем-либо сходном с ними. Так, гром вызывает представление о капающем дожде. Уставшая кобыла или порванная нить — об остановке. Появление в сознании ассоциаций всегда удивляет человека. И именно в этих непонятных связях создающие и произносящие заговоры видели их магическую силу.

Магический медведь

Когда исследователь пещер Н. Кастере в 1922 году проник в очень труднодоступную обширную пещеру Монтеспан в Северных Пиренеях на юго-западе Франции, он нашел там многочисленные следы первобытного человека.

Это были «следы» и в прямом и в переносном смысле этого слова.

На глинистом полу пещеры сохранились отпечатки ступней ног взрослых людей и подростков 13—14 лет. На стенах он увидел многочисленные весьма художественные и реалистичные изображения лошадей и бизонов. Это была уже не новость. Такие пещерные рисунки людей верхнего палеолита были уже найдены в 1863 году в пещере Альтамира в Северной Испании и еще во многих местах.

Но посреди пещеры Монтеспан Кастере увидел вылепленную из глины фигуру медведя. Медведь был вылеплен без головы, но поблизости от торса Кастере нашел медвежий череп, который когда-то, когда был еще головой медведя, был прикреплен к глиняному торсу.

На фигуре медведя и на черепе были видны следы ударов. В пещере оказались и другие глиняные фигуры животных, также со следами ударов.

Теперь сомнений нет — пещера Монтеспан являлась местом культовых церемоний и магических охотничьих обрядов людей, живших 30—40 тысяч лет до н. э., людей первобытнообщинного общества Мадленской культуры верхнего палеолита. Возможно, что здесь же совершался обряд посвящения подростков в охотники. Это позволяет предполагать сохранившиеся следы ног на полу пещеры.

У гиляков Нижнего Амура и Сахалина еще в начале нашего века существовал культ медведя. Они верили, что у каждого рода есть свой медведь — сородич. Медвежонка с почетом выкармливали и выращивали, а когда он вырастал, то на специальном празднике и со специальными ритуалами его расстреливали из луков. Но не сами члены рода, тотемически связанные с ним, а приглашенные из другого рода. Последние его и съедали и шкуру его получали, а голова и кости предавались торжественному погребению.

Видимо, нечто аналогичное совершалось более 30 тысяч лет назад в пещере Монтеспан.

Магия имен

Старого князя Болконского в романе «Война и мир» Л. Н. Толстой назвал Николаем Андреевичем, а его внука, сына князя Андрея — опять Николенькой. И это не случайно. Таков старинный русский (да и не только русский) обычай чередовать имена поколений, называя внука именем деда, а внучку — бабушки.

В основе этого обычая лежала магия имен. Ведь по христианскому обычаю человек праздновал не только день своего рождения, как празднуем и мы, но и «день ангела», «соименного кому святого», как определял слово именины в своем «Толковом словаре» Владимир Даль. Человек, получивший имя святого, считался связанным с этим святым некими особыми связями. «Свой святой» был покровителем и скорее прислушивался к молитвам, чем «чужой».

Даже не задумываясь над переселением души своего отца в названного его именем сына, человек этим актом всегда хотел «сохранить дух предков» в своем роду, передать характер своего отца своему сыну. То же, конечно, относится и к связи своей матери и дочери, через общее имя.

И дело здесь ведь совсем не в том, чтобы чаще слышать дорогое имя, как делаем мы, называя чьим-либо именем, например, улицу. Именно потому, что верил в магию имен, Павел I, поскольку его жену звали Марией, приказал (говоря словами К. Симонова):

> Впредь Машками, под страхом палок,
> не сметь ни коз, ни кошек звать...

Павел I был далеко не первым человеком, считавшимся с магией имен. В Древнем Египте был запрет — табу произносить вслух имя фараона. Иудейская религия запрещает произносить имя бога Ягве, что перешло и в христианскую религию в виде заповеди: «Не упоминай имени господа бога твоего всуе».

Стойкость культов

Евхаристия, т. е. таинство причастия,— важнейший культ христианской религии, и «преломление хлеба», о котором упоминается и в талмуде, и «принесение верующим святых даров», входящее в христианское богослужение,— все они происходят от древних, дохристианских культов. Причащение молоком и медом существовало в Египте, Африке, Риме, и даже Одиссей смесь из меда и молока приносил в дары мертвым. Крещение — тоже языческий обряд.

В Лондоне, в Британском музее, есть копия изваяния царя Сирии Шамши-Адада, сына Салманасара, жившего за 800 лет до н. э. На шее у него висит каменный крест; крест встречается у этрусков. А самим христианам в III веке н. э. он был еще чужд. Об этом свидетельствуют слова латинского автора III века Феликса Минуция, который писал: «Что касается крестов, то мы их совсем не почитаем: нам не нужны они, нам, христианам; а вы язычники, вы, для

которых священны деревянные идолы, вы почитаете деревянные кресты, быть может, как части ваших божеств...»

— Как известно, во всех религиях заклание, жертвы, по возможности, самопожертвования составляют самую сущность богослужения, культа,— писали Маркс и Энгельс.

Проявления культов в виде ритуалов чрезвычайно стойки и именно потому так легко и незаметно переходят из одной религии в другую.

Но только ли религиозные ритуалы стойки? Это ведь свойство всех обычаев, традиций, вообще всех явлений общественной психологии. Некоторые воинские традиции, например, не менее стойки, чем религиозные культы.

Четыре минимума

Лев Яковлевич Штернберг, этнограф и историк религии, в 1936 году в своей книге «Первобытная религия в свете этнографии» писал:

«Мы должны найти такое определение, которое удовлетворило бы всякой стадии и всякой форме верований, которое одинаково бы подходило и к верованиям самоеда, секущего своего идола, когда его охота неудачна, и к верованиям финикиян, сжигавших на кострах своих детей в угоду божеству, и к верованиям вавилонян, отдававших в храм Астарты своих дочерей и жен проституироваться, отдаваясь первому встречному чужестранцу, и к религии христианина, которая требует, чтобы люди полагали жизнь свою за ближнего, и к религии буддизма, в основе которой лежит в сущности полнейший атеизм...»

Меня в этих образных словах интересуют не характеристики различных религий и даже не необходимость найти наиболее точное из всех определений религии, число которых, согласно подсчетам любителей статистики, достигает 75. Здесь Л. Я. Штернберг, как и ранее Э. Тэйлор, искал «минимум религии», в котором я считаю более правильным видеть не минимум религии как социального явления, а элемент структуры индивидуального сознания, необходимый

и достаточный, чтобы утверждать наличие религиозной психологии.

Таковым элементом является чувство веры.

Об этом я буду говорить еще подробно в следующей главе. А пока, как говорится, «примем это на веру».

Но и другие формы сознания имеют свои «минимумы» в указанном понимании этого слова. Причем, в отличие от минимума религии, являющегося, как мы видели, иллюзией сознания, его «побочным продуктом», шлаком, всплывающим на поверхность неокрепшего сознания, три других минимума, постепенно развиваясь и совершенствуясь, обеспечивали человечеству путь его прогресса.

Минимумом науки является знание. Знание всегда результат познания, результат интеллектуальных психических процессов: ощущения, восприятия, мышления и памяти. Наука всегда является системой знаний и не терпит внутри этой системы противоречий. Знания проверяются практикой и всегда, в принципе, могут быть проверены повторными или дополнительными наблюдениями или экспериментами.

Минимумом морали является осознание норм взаимоотношения между людьми, ответ на вопрос, «что такое хорошо и что такое плохо».

Минимумом искусства является «эффект участия».

В конкретных явлениях общественной психологии, начиная от первобытного человека и по настоящее время, религия, наука, нравственность и искусство тесно переплетались. Ведь голова у человеческого индивидуума одна и сознание у него одно. Попытки «разложить по полочкам» эти четыре формы индивидуального сознания всегда могут быть только условны.

Эффект участия

Одним из первых в истории кинофильмов, снятых братьями Люмьер, был фильм «Прибытие поезда». Когда появившийся в глубине экрана паровоз устремлялся на зрителей, все в зале вскакивали, спасаясь от него. Впечатление от нового вида искусства

было усилено тем, что и паровозы были еще пугающей диковиной. Когда стала создаваться теория кино, появился термин «эффект участия». Другие называют это явление «эффект присутствия», но его суть от этого не меняется.

На стене пещеры нарисован медведь. 15—20 тысячелетий отделяют нас от времени, когда человек его изобразил, стараясь запечатлеть запомнившийся образ зверя, на которого он охотился и еще собирается охотиться. Французский археолог Эллена́ в 1938 году и немецкий археолог Маттес в 1957 году нашли изображения человеческих голов и фигурки животных, которым было значительно больше лет. Теперь «коллекция Маттеса» насчитывает несколько тысяч экспонатов. Но до сих пор еще не получено доказательств того, что они являются продуктами первобытного искусства, а не природными явлениями или случайными «отходами» при изготовлении орудий. Эллена́ умер в 1961 году, так и не дождавшись признания своих находок. Но если доводы Маттеса подтвердятся (а они кажутся вескими), то это будет значить, что искусство имеет почти такой же возраст, как и само человечество.

Я думаю, что Маттес прав. Человек в своей предметной деятельности, пытаясь изготовлять орудия труда и жилища, пытаясь убить зверя, должен был с самого начала или очень скоро (конечно, по археологическим часам!) пытаться изобразить его, воплотить в виде результата своего труда, сохранить и для себя и для других в виде фигурки, рисунка, танца, песни. Было ли это 20 или 200 тысяч лет назад, сейчас для нас важно не это. Важно, что в первобытном искусстве, как и во все последующее время, был эффект участия.

Произведение искусства становится для того, кто его создает, а потом и для того, кто его воспринимает, реальностью. Сделанная фигурка — это уже не кусок камня, а «медведь». В танце «страуса» танцор уже не человек, а страус. Великий актер Николай Черкасов, играя профессора Полежаева, становился замечательным ученым, «депутатом Балтики», обаятельнейшим человеком, а в фильме «Петр I» он был трусливым и жалким царевичем Алексеем.

И не случайно об актере говорят — «играет». Между искусством и детской игрой есть глубокая психологическая общность. Что является более глубокой психологической сущностью детской (да и не только детской!) игры, чем то, что дети называют замечательным словом «понарошку»? Два составленных стула становятся «понарошку» поездом, кукла — дочкой, палка — ружьем, которая может стать и конем. Но ведь эти чудесные превращения не отодвигают предметы в некие абстракции. Поезд, кукла, ружье или конь — для ребенка это реальные вещи, присутствие которых ребенок так же реально воспринимает, как и взрослый, смотрящий на экран и видящий там не загримированного артиста Николая Симонова, а участвующий вместе с Петром I в Полтавской битве.

Хотя искусство всегда адресуется больше к чувству и на чувство опирается, его объектом, как и у науки, является реальный мир. Мир запечатлеваемый, преображаемый и неразрывный как с творцом произведения искусства, так и со зрителем, воспринимающим произведения искусства и всегда по-своему доделывающим его.

Ширококрылых вдохновений
Орлиный, дерзостный полет,
И в самом буйстве дерзновений
Змеиной мудрости расчет.

Эти строчки Ф. И. Тютчева, по мнению Римского-Корсакова, являются сущностью музыки Бетховена. А я думаю, что они как нельзя лучше раскрывают сущность психологии любого искусства.

Религия и искусство

На стене пещеры первобытный художник нарисовал буйвола, пронзенного дротиками. Трудно сомневаться, что это произведение искусства имело для его творца и зрителей магический смысл. Может быть, этот рисунок был сделан при подготовке к охоте. Но даже если это было сделано после удачной охоты, то он закреплял удачу и для следующей охоты. В этом случае это была зафиксированная

радость, которая не должна исчезнуть и смениться огорчением, хотя, конечно, первобытный человек так не философствовал.

Значит, в этом рисунке есть и элемент искусства, которого здесь значительно больше, чем второго элемента — элемента религии. Но и второй элемент в них тоже есть. Орнамент, которым гончар украшал посуду, когда-то имел только смысл украшения, но потом получил и магический смысл: он должен был обеспечить прочность посуды. Потом орнамент и на посуде и на одежде стал отгонять злых духов.

В мифах, которые созданы человеком много позднее, есть уже все четыре элемента: религии, искусства, морали и науки, поскольку многие из них содержат элементы нравственных норм поведения и элементы объяснения причинно-следственных отношений, ответов на вопрос «почему?». Попытки разорвать эти элементы единого целого и считать мифы только религиозным явлением или только «предысторией науки» неправильны. То или иное явление человеческой культуры всегда целостно и обобщает входящие в него элементы, каждый из которых имеет свои психологические корни.

Один из психологических корней религии, общий для нее с наукой, связан с ориентировочным рефлексом и с возникновением второй сигнальной системы. Есть и психологический корень, общий для религии и для искусства. Этим корнем являются эмоции, и в частности эстетическое чувство — чувство прекрасного. Это чувство, лежащее в основе психологии искусства, смыкается со времен первобытного человека и по настоящее время с религиозной психологией. Вся история культуры показывает, что многие рисунки, фигуры, танцы, песни первобытного человека на каком-то этапе получали смысл религиозного культа.

Пещерные рисунки лошади, медведя или буйвола были прототипом и иконы, и иллюстрации учебников, и картины живописца. А из ритуального танца вокруг убитого мамонта произошли по исторической гомологии и все религиозные процессии, и строевые марши современных армий, и балет.

Но это не значит, что искусство произошло из религии.

«Выводить искусство из религии значит предполагать предсуществование последней, значит относить религию к самому начальному периоду существования человека,— справедливо говорит старейший советский исследователь первобытной культуры М. О. Косвен в своей книге «Очерки первобытной культуры».— По своей сущности,— продолжает он,— по своему содержанию первобытное искусство во всех его различных видах является не чем иным, как формой выражения связанных с трудовой деятельностью человека восприятий, чувствований, настроений и мыслей».

Возникнув раньше религии, искусство не ставило задачи объяснения мира, окружающего человека. Оно пошло по своему пути — пути изображения мира, стремления зафиксировать его, показать другим людям. Однако нельзя забывать, что, начиная с пещерных рисунков и танцев над убитыми зверями (или врагами) и кончая росписью Сикстинской капеллы в Ватикане Микеланджело и киевского Владимирского собора Васнецовым, музыкой заутрени, искусство нередко и само служило религии и покупалось ею.

Религиозное и эстетическое чувство

Если родившись вместе, минимум религии и минимум науки по самой психологической сути познания и веры были враждебны друг другу, то религия и искусство в своей психологической сути не имели и не имеют столь четких противоречий, опираясь на близкие чувства. Вот почему «Мадонна» Рафаэля, «Троица» Рублева и хоралы Баха нас до сих пор глубоко волнуют. Поэтому же и поныне искусство нередко так легко теряет опору на реальность и скатывается в дебри мистики и абстракционизма.

Но между чувством, лежащим в основе религии (религиозным чувством), и чувством, лежащим в основе искусства (эстетическим чувством), также есть не только различие, но и противоречия. Эстетиче-

ское чувство относится к той группе чувств, которую со времени Канта называют «стеническими эмоциями», т. е. эмоциями, поднимающими жизнедеятельность, активизирующими деятельность человека, мобилизующими его силы. Религиозное же чувство, в его чистом виде, чаще проявляется как астеническая эмоция, снижающая жизнедеятельность и дезорганизующая поведение, демобилизующая человека. Это не значит, что чувство веры у волевого человека, доходя до уровня аффекта, не может проявляться и как стеническая эмоция, в виде религиозного экстаза и религиозного фанатизма.

Но даже проявляясь как стеническая эмоция в форме фанатизма, религиозное чувство дезорганизует деятельность человека, в частности вступая в конфликт с эстетическим чувством. Это подтверждает тот факт, что они разные чувства, которые могут и усилить одно другое, но могут и вступать в конфликт.

В церкви Ильи Пророка

— В самом центре современного Ярославля, там, где сейчас раскинулась многолучевая звезда Советской площади, три века тому назад стоял своеобразный купецкий городок, из-за башен, из-за каменных стен которого поднималась многоцветная, многокупольная, устремленная в небо двумя шатрами церковь Ильи Пророка (1650).

На первый взгляд можно было бы подумать — монастырь, но за оградой стояли не кельи монахов, а торговые лавки да «анбары» с товарами. Ну и церковный подклет забыт не был и, как говорится, от добра ломился.

Крепкое купецкое гнездо, и среди этой шумной торговой суеты, как слезинка алмаза в базарной пыли, чудесная Ильинская церковь.

...Именно в этом памятнике в полной мере был найден тот художественный образ храма, который можно назвать ярославским стилем. Усложненные приделами храмы были известны на Руси и раньше, достаточно вспомнить ни с чем не сравнимый муд-

рый композиционный узел Василия Блаженного, завязанный с гениальной силой Бармой и Постником, завязанный так, что ни одной детали нельзя стронуть с места, не нарушив единого архитектурного аккорда...

Привольно раскинулся храм Ильи Пророка. Центральный куб окружен как бы случайными пристройками, но, чем дольше вглядываешься, тем яснее и яснее видишь единство, и в этом единстве великолепное, поразительное многообразие...

Так описывает этот замечательный памятник русского зодчества Михаил Рапов в своей недавно вышедшей книге «Каменные сказы».

Прекрасно сохранившиеся фрески, сплошным ковром покрывающие стены и своды храма, были выполнены, как гласит сохранившаяся надпись, в 1680—1681 годах пятнадцатью мастерами во главе со знаменитыми тогда Гурием Никитиным, Силой Савиным и Дмитрием Семеновым.

Вот библейская сцена воскрешения пророком Елисеем сына сунномитянки. Но художники «загнали» эту сцену куда-то в угол, посвятив всю фреску в целом жатве и изобразив на ней не библейских жнецов, а своих современников в современных костюмах и с русскими серпами. Эта фреска, как и фреска «Пахота», как и многие другие,— гимн труду. На ней прошлое стало сегодняшним. Так, на фреске о браке в Кане Галилейской на женихе и невесте русские подвенечные уборы. Не только реалистично, но и натуралистично изображена блудница, наказываемая за свои прегрешения. И уже совсем на грани приличия, никак не вяжущейся с канонами иконописи, изображены женщины, забавляющиеся с чертями на фреске «не введи нас во искушение».

Рассматривая фрески в Успенском соборе Московского Кремля, В. И. Ленин сказал:

— Что запечатлено на стенах? Жизнь народа. Труд, страдания, жертвы, отвага, ум, подвиг народа. Кто запечатлел? Русские мужики...

Эти слова можно отнести и ко многим другим церковным росписям. Ведь их делали люди из народа, и отражали они на фресках жизнь народа, выражали его мысли и надежды.

Всадник

(Фреска)

Темноликий и огневолосый,
Весь в лучах уходящего дня,
Прорываясь сквозь сумрак белесый,
Над обрывом он вздыбил коня.
И глаза его в сумрачном блеске,
Разгораясь, как темный алмаз,
С полустертой столетьями фрески
Неотступно летели на нас...

Живописца в монашеской келье,
Видно, мучили странные сны,
Если он не ушел от похмелья
Забродившей в душе старины.
И, должно быть, каноны святые
Нарушая, он вспомнил о том,
Как рубился с ордою Батыя
На таком же коне боевом.

И тогда, словно гул издалече,
Захлестнув заповедный предел,
В нарастающем грохоте сечи
Донеслось к нему пение стрел.
И возник перед ним, как виденье,
Этот всадник на голой стене,
Уносящийся вихрем в сраженье
Со стрелою, застрявшей в броне.

Он схватил свои кисти в восторге,
Чтоб навеки тот миг удержать,
Словно некогда сам, как Георгий,
Вел на недругов русскую рать.
В полумраке пустого собора,
Про еду забывая и сон,
Он писал то, что встало для взора
Из клубящейся дали времен.

Он писал — не для тьмы и покоя,
Не для нимбов и ангельских крыл,—
Он в отважное сердце героя
Неуемную страсть перелил.
И летит его всадник крылатый,
Всех архангелов краше стократ,
Принимая на светлые латы
Бурной жизни победный закат.

Эти строки Всеволода Рождественского так полны психологического смысла, что их пока не хочется даже комментировать. Лучше перечитаем их еще раз...

Богомаз

Он по дорогам пошатался вдоволь
Среди крестьянских стонущих телег.
Стыдливые, краснеющие вдовы
Его к себе пускали на ночлег.
И, накормив наваристыми щами,
Кисеты доставали с табаком:
Кури, кури — радушно угощали —
Пускай в избе запахнет мужиком.
Они постели не спеша стелили,
Перед божницей каялись в грехе,
Избавить от соблазна их просили,
И засыпали на его руке.
А по утрам он снова в церкви новой,
Накинув ремешок на волоса,
Вдыхая полной грудью дух сосновый,
Привычно поднимался на леса.
И вот под кистью сочной, как малина,
Дышали губы алые в упор,
И дева, непорочная Мария
По-вдовьи робко опускала взор.
И даже мудрый праведник Никола,
Сложив в благословении персты,
Прищурившийся, дерзкий и веселый,
Смотрел с семиаршинной высоты...
И грузный поп, промыть велевший окна,
Вдруг враз терял размеренность шагов:
На стенах храма узнавал он, охнув,
В святых — знакомых баб и мужиков.

Поэт Геннадий Серебряков в этих стихах, так же как и Всеволод Рождественский, показывает, как повседневные, житейские влияния закономерно, психологически верно отражались в творчестве художника, создающего религиозное произведение.

Слияние в произведениях религиозного искусства реального и религиозного проявлялось со времен скальных магических рисунков первобытного человека, в которых он изображал раненого зверя, ожидая, что «так и будет», и веря, что рисунок поможет этому. Многим позже эту закономерность отметил фанатичный итальянский религиозный реформатор Савонарола.

— Вы наряжаете богоматерь, как ваших куртизанок, и придаете ей черты ваших возлюбленных,— гневно упрекал он великих художников эпохи Возрождения, его современников.

И он не ошибся. Религиозный Рафаэль, прежде чем создать свою замечательную икону «Сикстинскую мадонну», сделал с натуры большое число женских портретов — этюдов, черты которых повторены в мадонне. Рембрандт писал свою мадонну с нидерландской крестьянки. Андрей Рублев в своих иконах показал гуманизм и обаяние русского человека.

А когда И. Н. Крамского, выставившего свою картину «Христос в пустыне», спросили, кого он на ней изобразил, он ответил:

— Это не Христос. То есть не знаю, кто это, это выражение моих личных мыслей.

В последних пяти словах, которые мог бы сказать каждый настоящий художник, создавший произведение на религиозную тему, разгадка соотношения психологии религии и психологии искусства. Художник — живая личность. И эту личность нельзя разрывать и говорить: вот здесь Рублев религиозный человек, а вот здесь он реалист. В творчестве религиозных мастеров искусства всегда сложно переплетались и религиозная психология и психология искусства. Но и в том и в другом случае корни искусства были в земном. При этом одним, как Боттичелли, религия мешала, другим — как Рафаэлю, она не мешала, а третьим — как Рублеву — даже помогала.

Миф о душе

— Уже с того весьма отдаленного времени, когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея объяснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения, не есть деятельность их тела, а какого-то особого начала — души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти,— уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру. Если она в момент смерти отделяется от тела и продолжает жить, то нет никакого повода придумывать для нее еще какую-то особую смерть. Так возникло представление о ее бессмертии...

В этих словах Энгельс кратко и четко объяснил происхождение мифа о бессмертии души, мифа, ко-

торый в той или иной «редакции» является составной частью почти всех религий.

А индейцы племени дакота наделили человека четырьмя душами, причем когда человека убивают, то первая душа остается у тела, вторая уходит в селение, третья витает в воздухе и только четвертая удаляется в страну душ.

Разум всегда протестовал против смерти человека, еще недавно полного сил. У всех народов есть легенды о воскрешении из мертвых с помощью «живой и мертвой воды», волшебных снадобий или «святого слова». Миф о бессмертной душе давал иллюзию бессмертия. Отсюда же родилась и вера в привидения.

Спор о душе

Кого только не сводит случай в дороге и о чем только не говорят попутчики! Я, тогда еще молодой врач, но уже не один год занимавшийся психологией, ехал на Дальний Восток в купе со священником, старым врачом и философом.

Всю дорогу священник и мой коллега спорили о душе. Священник (а это был эрудированный богослов), не разделяющий понятия духа и души, упрекал Аристотеля, впервые разделившего их, в непоследовательности. Священник защищал наличие двух начал — божественной души и материального тела, причем, как идеалист, душу он считал первичной, а тело — только органом, функцией души. Как служитель религии, он доказывал бессмертие души, аргументируя свои высказывания не только цитатами «отцов церкви», но и философов-идеалистов, начиная от Платона и Гегеля и кончая современными буржуазными.

Врач защищал Аристотеля, доказывая, что его трактат «О душе», по существу, явился первым сочинением по психологии. Он называл душу «невестой без места», так же по памяти приводя цитаты, показывающие, что древние философы помещали душу сначала в кровь, потом в грудь, наконец, в голову.

— Современная же физиология высшей нервной

деятельности,— говорил он,— признает только динамическую локализацию психических функций, считая, что функция сознания — это функция мозга в целом и потому сознание не имеет своего особого центра.

Философ, не вмешиваясь в спор, поддакивал врачу. Однако, когда врач стал доказывать, что душа человека — «это только сумма рефлексов», и на ряд примеров богослова о проявлении у человека добра, красоты, долга, совести начал отвечать стандартной фразой: «Это условный рефлекс, как у собаки, и ничего больше!» — философ вмешался в спор.

Но каково же было мое удивление, когда спорить он начал... с врачом.

— Не нужно упрощать,— сказал он.— Вы вульгаризируете Павлова, который на одной из своих сред говорил: «Они же вообразили, что будто дело стоит так, что это вроде мешка, где навалены картофель, яблоки, огурцы и т. д. Но никто никогда так не думал. Раз вы имеете организм, то ясно, все элементы взаимодействуют друг с другом, как в химическом теле водород, кислород и углерод действуют, смотря по тому, как они размещены в молекуле. Никто не говорил, что это есть сумма. Раз это система, то элементы, конечно, взаимодействуют друг с другом, а наше дело начинать изучение с взаимодействия их».

— Нельзя забывать,— продолжал мой спутник-философ,— и о словах, сказанных Энгельсом, хотя по другому поводу, но применимых к тому, о чем мы сейчас говорим: «Открытие, что теплота представляет собой некоторое молекулярное движение, составило эпоху в науке. Но если я не имею ничего другого сказать о теплоте кроме того, что она представляет собой известное перемещение молекул, то лучше мне замолчать».

— Быть монистом и признавать, следовательно, единство мира, быть материалистом и, следовательно, признавать первичность материи над духом — это еще не все,— продолжал философ.— Надо быть диалектическим, а не вульгарным материалистом. Человек так далеко в процессе своего исторического развития ушел от животного, такой огром-

ный исторический духовный путь проделал в развитии общественного сознания, что его индивидуальное сознание по своему содержанию стало принципиально отличаться от психики животного. При единстве механизмов высшей нервной деятельности (корковой нейродинамики) животных и человека содержание психических явлений у человека и животного различно. И я не вижу ошибки и не считаю только образным выражением, когда о человеке говорят: «Это человек большой души!» Я считаю полезнее нравственное содержание сознания человека назвать душой (конечно, не божественной и не бессмертной), чем отождествлять его с психикой животного.

— Ну, а о том, как душу понимает религия, к сказанному Энгельсом добавить нечего,— кончил он.

Подросток становится воином

Австралийцы в ту пору, когда их начали изучать европейцы, сохранили наиболее архаический в истории человечества первобытнообщинный строй. Условия жизни в полной изоляции от других народов, в природных условиях, дающих возможность существовать охотой и собиранием растений, отсутствие хищных зверей, благоприятный климат — все это очень задержало их историческое развитие. Историки и этнографы считают, что у австралийцев они встретились с наиболее древними формами религии из всех современных народов.

Им свойствен тотемизм — как отражение кровнородственных общинных связей, вера во вредоносную магию — как отражение межплеменной розни, табу — как часть охотничьей и лечебной магии — как отражение бессилия перед природой и болезнями. У них есть только зачатки идеи о племенных духах — богах и только зачатки индивидуальных тотемов и духов покровителей. Поэтому знахарство у них имеет только элементы шаманства. Поэтому у них нет святилищ, а есть только тайники для хранения тотемов. Нет жертвоприношений и молитв, а есть только заклинания.

Австралийцы живут небольшими, недифференцированными общинами — ордами. Расчленение труда в общинах связано только с половым и возрастным различием, с выделением руководящего слоя стариков, но еще без выделения жрецов.

Особый социально-психологический интерес представляет вопрос о мотивах, побуждающих ряд общин одного рода у австралийцев собираться вместе для совершения определенных обрядов. Оказывается, наиболее систематически и наиболее повсеместно они собираются для выполнения родовых ритуальных обрядов по одному мотиву — для посвящения подростков в воины. Этот обряд посвящения этнографы называют инициацией. Мотив инициации не зависит от условий природного существования или от социальной организации людей. Но с тех пор как люди стали людьми и научились так или иначе оценивать не только свое настоящее и прошлое, но и свое будущее, проблема, названная на современном языке «проблемой кадров», приобрела для них большое и непреходящее значение. Она и стала наряду с групповой охотой (австралийцам не нужной) одним из мотивов создания обычаев, становящихся ритуалом.

Социально обусловленным обычаем при инициации вначале являлась проверка и улучшение в процессе инициации физической крепости, моральной стойкости и закаленности юношей, развития у них охотничьих и боевых навыков. До сих пор в ритуал инициации входят (у разных племен и народов различные по конкретному содержанию) достаточно длительные испытания подростков и их истязания: испытания силы, качества навыков и, главное, выдержки при истязаниях.

Поэтому в обряд инициации в его безрелигиозной части входят нанесение порезов, выщипывание волос, выбивание зубов, испытание огнем. Для обеспечения длительного полового воздержания и одновременно для истязания у подростков производится обрезание.

Но в дальнейшем у народов, стоящих на более высокой ступени развития, например у современных полинезийских племен островов Тонга в Тихом оке-

ане, обряды инициации приобретают уже в основном ритуальный характер. Юноши прыгают с высоких специально построенных вышек, привязываясь к лианам, не позволяющим им разбиться. В Западной Африке юноши не только прыгают с большой высоты в воду, в водопады, но и выполняют символические прыжки во время ритуальных танцев. Они не только наносят себе реальные удары ножом, но и совершают чисто символические движения, получившие магическое значение.

Удар мечом плашмя коленопреклоненного пажа при посвящении его в рыцари во времена средневековья, обряд конфирмации у католиков и протестантов, совершаемый в 7—16 лет в настоящее время, это тот же символический ритуал инициаций.

Анимизм

Разделив тело и душу и установив иллюзорную фантастическую связь между собой и миром, т. е. «стоя на краю бездонной пропасти», человек не мог не наделить душами и все окружающее. Так, или примерно так, возникла еще одна форма религии — анимизм.

Анимизм — это одухотворение природных явлений, вера в то, что за каждым предметом природы скрывается невидимый дух, который управляет предметом.

Анимизм сложился на заре человеческой истории. Вначале человек одухотворял всю природу, все окружающее (религиозно-мистический пантеизм). Так, в религии древних греков гамадриады — нимфы дерева умирали тогда, когда рубили дерево. Позднее человек создал образ дриад, которые уже переживали смерть дерева. Додонийский дуб вначале был самим Зевсом, потом «вместилищем Зевса», и наконец оказалось, что Зевс живет не только в этом дубе.

Анимизм является логическим развитием олицетворения, идеи о «живой» природе: коль у человека есть душа, следовательно, она есть у всех явлений природы — ведь они тоже живые. Нам это

кажется нелепым, но ведь Ксеркс, царь персидский, приказал наказать плетьми море. Для него это было логично. Вместо самого солнца Гелиос становится богом солнца, возящим его на колеснице по небу, а Гея — «душой земли».

Так взамен смутных, неясных представлений о связи между явлениями и предметами окружающего мира создается стройная и логичная, с позиций общественной психологии той ступени развития человечества, и очень поэтическая картина окружающего мира. Нельзя забывать, что без этой «одухотворенной» картины мира, созданной человечеством, не было бы ни сказок, ни поэзии. Все эти многочисленные живые существа, населявшие, благодаря человеческой фантазии, мир, стали неиссякаемым источником образов для поэтов всех времен и народов до сегодняшних дней и надолго еще останутся ими.

Разумеется, созданная картина мира была весьма далека от истинной. Но ведь для человечества она тогда была единственно возможной. Ведь другой картины человечество просто не могло себе создать. Неправильную картину можно исправить и дополнить, что и делало человечество в дальнейшем, идя, конечно, не прямым путем, а зигзагами. А из ничего ничего не создается. Потому сама попытка человечества объяснить мир, представить его как единое целое в античной мифологии была шагом вперед по сравнению с более древними представлениями.

Античную мифологию я взял для примера, как более широко известную и сыгравшую более заметную роль в последующей истории культуры. Но сказанное относится и к другим религиям древнего мира. Да и не только древнего. Вот яркий пример анимизма в мировоззрении простого охотника начала XX века, описанный путешественником В. Арсеньевым в произведении «По Уссурийскому краю»:

«...Кабан, убитый гольдом, оказался двухгодовалой свиньей. Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

— Его старый люди,— сказал он про кабана с клыками.— Его худо кушай, мяса мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом.

— Его все равно люди,— повторил он,— только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай! Все равно люди.

Для меня стало ясно. Воззрения на природу этого первобытного человека были анимистические, и потому все окружающее он очеловечивал...»

«Пантеистикон»

«Пантеистикон» — так философ-материалист и один из основоположников английского свободомыслия Джон Толанд назвал в 1720 году свою книгу. Он писал в ней, что под богом следует понимать природу, вселенную, «силу и энергию целого». Он и в предыдущих своих книгах «Христианство без тайн» (1696) и «Письма к Серене» (1704) выступал против официальной церкви, а в этой выступил уже против деизма в целом.

От этой книги пошел термин «пантеизм», хотя этот взгляд, отождествлявший бога с природой, корнями уходит очень в давние времена — в древнеиндийскую и древнегреческую философию. С самого начала и по настоящее время пантеизм бывает как идеалистический, исходящий из бога, тождественного природе и творящего все дела, которого якобы можно познать только путем веры, так и материалистический — исходящий из познаваемой, но обоготворяемой природы.

Законченную философскую систему материалистического пантеизма создал Джордано Бруно (1548—1600). Признавая творческую активность материи, изменения которой порождают все многообразие действительности, Бруно допускал вместе с тем наличие «мировой души» и всеобщей одушевленности природы. За эти свои взгляды Джордано Бруно восемь лет просидел в тюрьме и был сожжен церковниками на костре.

Наделение всей природы способностью ощущать и мыслить называется гилозоизмом. Его разделяли Спиноза, Дидро, Геккель.

Анимизм, гилозоизм и пантеизм психологически близки между собой, хотя по своим идеям, конечно, не тождественны.

Их общая ошибка в метафизическом, а не диалектическом мышлении: либо душа вне природы, либо душа — это и есть природа.

Душа в ее научном понимании — это человеческое сознание. Об этом мы уже говорили и еще специально будем говорить в главе шестой. «...Нелогично утверждать, что вся материя сознательна,— цитировал В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» философа К. Пирсона, сразу же возражая ему,— но логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения». В этом суть диалектики сознания!

Человек недооценил себя

Практика не раз подсказывала первобытному человеку, что он переоценил себя, наделив себя магическими свойствами. Он лицом к лицу стоял перед природой, справляться с которой ему было нелегко. Чаще приходилось ему чувствовать себя побежденным, чем победителем.

Так бытие человека эксплуататорского общества создавало условия для появления у него идеи о всемогущем боге. Это было понято еще Людвигом Фейербахом, так писавшим о человеке и о боге:

«То, чем он сам не является, но чем он хотел бы быть,— это он представляет себе исполненным в своих богах; боги — это желания людей, которые мыслятся как осуществленные в действительности, которые превращены в действительные существа; бог есть стремление человека к счастью, нашедшее свое удовлетворение в фантазии».

Но когда идея о боге достаточно оформилась, она быстро стала средством самооправдания бессилия, она приводила к недооценке своих возможностей.

— *Основу* религии составляет чувство зависимости человека: в первоначальном смысле природа и есть предмет этого чувства зависимости, то, от чего

человек зависит и чувствует себя зависимым,— писал Л. Фейербах.

Появившаяся из чувства зависимости, религия узаконивала это чувство, усиливала его, снижала активность борьбы. Так образовался порочный круг, выйти из которого и отдельному человеку и человечеству в целом было нелегко. Вначале это рожденное религией чувство относилось к природе, потом, когда общество стало классовым,— к власть имущим классам.

— Бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами также неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.,— говорил В. И. Ленин.

Так религия становилась «опиумом народа», и именно за это так и называл ее К. Маркс.

Табу

На острове Рарои (архипелаг Туамо-Ту) ловушки для рыб теперь заброшены, так как их воруют. Когда Бенгт Даниельссон, один из спутников Тура Хейердала на Кон-Тики, спросил местных жителей, почему же раньше их не воровали, он услышал в ответ:

— В старину жрецы объявляли ловушки табу, и никто не смел трогать улов. Просто и хорошо! Но теперь никто не верит в табу.

Табу — слово полинезийского происхождения и в переводе означает запрет. Это слово теперь применяют этнографы всего мира для названия различных религиозных запретов, являющихся составной частью всякой религии.

Наиболее известное применение табу — это запрет магометанам есть свинину и пить вино, а евреям — есть «не кошерное» мясо (мясо животных, умерших с невыпущенной кровью). Но и в христианстве немало табу: десять заповедей, перешедшие в христианство из иудаизма и, как написано в Библии, данные богом Моисею на горе Синай, в значительной степени представляют собой табу. Ведь недаром и по-древнерусски заповедь — это запрет.

Есть скоромное по субботам и во время «великого поста», входить женщине и собаке в алтарь, стоять в церкви в шапке — все это табу, перешедшие в христианство из других религий.

Ритуал «съедания тотема», как и ритуальное людоедство, имели для первобытного человека магический смысл. Большой интерес представляют явления «магии наоборот», еще очень мало изученные. Есть основания думать, что психологически в ее основе лежат механизмы «ультрапарадоксальной фазы», открытые И. П. Павловым. Он показал, что в деятельности коры головного мозга бывает такой период (фаза), когда те раздражители, которые раньше вызывали торможение, дают положительный эффект, а положительные — тормозной. Это дало возможность понять, почему в определенных случаях у детей появляется особое состояние, обычно понимаемое как упрямство, а по существу являющееся проявлением состояния ультрапарадоксальной фазы их коры головного мозга, известным в науке под названием «негативизма». Ребенка зовут — а он отворачивается, говорят «дай», а он прячет за спину то, что держит в руке, и т. д.

Запрет поедания тотема и широко распространенный до сих пор запрет произношения слов — эти примеры магии наоборот — были связаны и с появлением табу и с его проявлением, сохранившимся по настоящее время. Что такое поговорка «Ни пуха ни пера», как не табу на пожелание удачи, спасение от глаза?

Какова психологическая сущность табу?

Психологическая основа табу вначале была общa с уже известной нам психологической основой тотема и магии. Запрет основывался на вере в магическую связь между явлениями и ожидание сверхъестественного наказания за нарушение табу.

Но в дальнейшем жрецы использовали, расширили и узаконили ряд табу, имеющих бытовой (как в случае, которым я начал этот рассказ), а иногда и гигиенический смысл. «Второзаконие» — последняя книга пятикнижия Моисея, входящего в Библию, почти сплошь состоит из поданных как откровение бога гигиенических правил.

Колдуны и жрецы

В своем чистом виде колдун и жрец — это представители различных религиозных «специальностей».

Колдун — представитель магии, он якобы наделен силой, позволяющей влиять на судьбы других людей и на природу. Колдун, кудесник, знахарь, чародей, волшебник, ведьмак, ведун — все это «близкие специальности». Женщину, занимавшуюся магией, называли колдуньей, кудесницей, чародейкой, знахаркой, волшебницей, ведьмой, ведуньей.

Напомню, что во времена инквизиции на одного колдуна приходилось около тысячи ведьм. И это не только потому, что женщина слабее и ее легче было обвинить и вынудить признаться в несовершенных действиях. Истеричность и большая религиозность женщин сильнее способствовала, как мы увидим дальше, эпидемиям демонизма и кликушества.

А вот слова Н. Н. Миклухо-Маклая, помогающие понять происхождение веры в колдунов:

— Туземцы уверены, будто я могу летать, жечь воду в море (когда хочу, разумеется), притягивать и прекращать землетрясения, не говоря уже о таких мелочах, как, например, изменение направления ветра, прекращение дождя и т. д. и т. п. Туземцы так свыклись с мыслью о том, что Маклая никогда нельзя убить, что Маклай никогда не умрет, что для них уже само собой явилось убеждение о моей необычной старости.

Жрец — служитель богов, священнослужитель. Он «промежуточная инстанция» между людьми и богами. Жрецы быстро научились использовать преимущества своего положения в свою пользу или в пользу тех, кто обеспечивал их благами жизни,— эксплуататоров. Жрецы быстро стали (а в более новых формах и до сих пор являются) создателями, хранителями и проповедниками религиозной идеологии.

Но это разделение специальностей колдуна и жреца в достаточной степени условно. Вначале, например в лице шамана, эти профессии были совмещены: шаман являлся и колдуном и жрецом одно-

временно. Потом они стали разделяться, но и то не всегда и не до конца. Жрецу, в том числе и священнику православной церкви, всегда присущи черты колдуна. Ведь он освящает воду и превращает вино и хлеб «в кровь и тело Христово».

«Молот ведьм»

Так называлась книга, изданная в 1487 году немецкими монахами Генрихом Инститорисом и Яковом Шпренгером в качестве руководства «охоты за ведьмами».

В этой «позорнейшей книге в истории человечества», как ее назвал Горький, переиздававшейся до 1669 года 29 раз, содержалось подробное описание пыток, которыми надо добиваться признаний обвиненных в ведовстве.

Как известно, в средние века официальная церковь признавала существование колдунов и ведьм. Достаточно сказать, что только с 1481 по 1826 год в Испании инквизицией было сожжено 340 921 человек. Не менее жестоким преследованиям подвергались люди, заподозренные в занятиях магией, и в других европейских странах. В немецком городе Оснабрюке в XVI веке насчитывалось около 700 женщин, из них за один год было сожжено 400 «ведьм». Немало людей, заподозренных в колдовстве и порче, погибло и в России. Хотя Петр I издал приказ о том, что порчи не существует и что обвинение в порче часто служит орудием личной мести, в 90-х годах XVIII века в районе Кракова по приговору суда было сожжено 14 «колдуний». Даже в 1879 году в Новгородской губернии по инициативе священника была сожжена крестьянка Аграфена Игнатьева за то, что она «злыми чарами испортила урожай».

ФРГ славится ведьмоманией и поныне. В 1961 году гамбургская газета «Бильдцайтунг» писала, что «в Западной Германии существует около 60 000 ведьм». В ФРГ до сих пор в год бывает около 70 процессов над колдунами и около 20 над «охотниками за ведьмами», причем суды часто выносят оправдательные приговоры убийцам ведьм. А на соответствующий запрос в бундестаге министр юстиции ответил:

— Лучше, чтобы люди придерживались суеверий, чем подпадали под влияние коммунистической идеологии.

Комментариев не требуется!

Бог сменяет богов

— Верую во единого бога отца, вседержителя, творца неба и земли...— так начинается символ веры православной церкви.

Все основные (мировые, как их назвал Энгельс) религии сейчас проповедуют идею единого бога — монотеизм.

К этим религиям относятся: христианство, следы которого были уже в I веке до н. э., ставшее мировой религией в IV веке и исповедуемое, по данным зарубежной статистики, 29% населения земли; ислам, возникший в VI—VII веках, который исповедует 16%; буддизм, возникший в VI—V веках до н. э., который исповедует 19% человечества.

Но и много раньше, до возникновения этих мировых религий, человечество, перенесшее на богов организацию своего общества, выделяло из семьи богов одного главного: у египтян это были последовательно Гор, Пта, Амон, Ра и, наконец, объединивший двух последних единый Амон-Ра; у ассирийцев — Ашшур; у мексиканцев — Кетцалькоатль; у греков — Зевс; у римлян — соответственно ему Юпитер; у японцев — Аматерис; у славян — Перун.

Процесс этого выделения был не так уж прост и схематичен. «Права» Зевса, например, не распространялись на владения Посейдона. Ведь и в Греции того времени не было единой монархии. Недаром Гомер в «Илиаде» вкладывал в уста Посейдона такие слова удельного князя:

...Три нас родилося брата от древнего Крона и Реи:
Он — громодержец и я, и Аид, преисподних владыка;
Натрое все делено, и досталося каждому царство:
Жребии бросившим нам, в обладание вечное пало
Мне волношумное море, Аиду подземные мраки,
Зевсу досталось меж туч и эфира пространное небо;
Общею всем остается земля и Олимп многохолмный.
Нет, не хожу по уставам я Зевсовым; как он ни мощен,

С миром пусть остается на собственном третьем уделе;
Силою рук он меня, как ничтожного, пусть
не стращает!

Как сказал Ф. Энгельс, «единый бог никогда не был бы осуществлен без единого царя. Единство бога есть только копия единого восточного деспота».

«Вследствие олицетворения сил природы возникли первые боги, которые в ходе дальнейшего развития религии принимали все более и более облик внемировых сил, пока в результате процесса абстрагирования — я чуть было не сказал: процесса дистилляции,— совершенно естественного в ходе умственного развития, в головах людей не возникло, наконец, из многих более или менее ограниченных и ограничивающих друг друга богов представление о едином, исключительном боге монотеистических религий»,— писал он в другом месте.

Но христианство так и не стало последовательным монотеизмом. Единобожие христианства колебалось догмами о трех ипостасях единого бога: бога-отца, бога-сына и бога — духа святого. Народ фактически не признавал монотеизма, молясь каждому святому отдельно и лично ему, а не как представителю единого бога.

Русский солдат, молившийся о даровании победы Георгию Победоносцу, а об исцелении — святому Пантелеймону и о сохранении дома скотины — ее покровителям Фролу и Лавру, не только не желал утруждать этими частными вопросами «самого бога», но и был убежден в больших возможностях каждого из них оказать ему соответствующую его просьбам «специализированную помощь». Эта психология верующего русского солдата еще времен русско-японской или первой мировой войны ничем по существу не отличалась от психологии греческого воина, молившегося Марсу или Эскулапу, или пастуха — Пану.

Но уже не в психологии народа, а в догматах христианской религии монотеизм снимается признанием богоравной богородицы и признанием дьявола. Отказ же от дьявола лишил бы христианскую религию идеи борьбы добра и зла, т. е. лишил бы ее морального содержания, за которое религия всегда крепко держится.

Без истории нет теории

Нужно ли знать религиозную психологию в ее прошлом и помогает ли понимание психологических корней религии пониманию психологии современных верующих?

— Безусловно нужно и помогает,— отвечу я кратко, если нужен краткий ответ.

— А как же иначе, ведь еще Кузьма Прутков поучал: зри в корень! — мог бы ответить я шутливо.

И действительно, только понимание психологических корней — и даже более того — психофизиологических механизмов отдельных явлений религиозной психологии у людей прошлого может объяснить многие и гомологичные и аналогичные явления настоящего.

Обычно говорят о необходимости различия логического и исторического подхода к любому, в том числе и к религиозному, явлению. Но исторический подход — это изучение явления в его становлении и развитии. А это ведь одно из основных требований диалектической логики.

О чем я говорил в этой главе?

Я говорил о предыстории и возникновении религиозного сознания и его психофизиологических механизмах. Но эти механизмы не исчезли из головы современного человека. И ему свойствен «отлет фантазии от жизни», и он иногда стоит «на краю бездонной пропасти», испытывает неуверенность и страх. Все это как в силу исторической гомологии, так и в силу аналогии формирует у него религиозную психологию, толкает его в направлении религиозной идеологии.

Я говорил о тотемах, чурингах, фетишах и табу, об олицетворении и магии, об анимизме и пантеизме, о политеизме и монотеизме как об общественно-психологических явлениях. Но все эти явления не исчезли, а только переформировались, приняли несколько иной вид, и в психологии современного верующего. И, не разобрав их в историческом плане, трудно понять ряд религиозных пережитков, о которых речь пойдет в главе пятой.

Я говорил об изменении религиозных представлений и об изменении взглядов на религию. Не случайно говорят, что без истории нет теории.

И наконец, не скрою, я хотел, чтобы современный верующий задумался над единством своей веры с любой другой, со времени первобытного человека, над общностью психологии различных священнослужителей, при всем различии существующих и существовавших религий. Поэтому я и говорил о четырех минимумах, о которых более подробно речь пойдет в следующей главе.

Глава III

ПСИХОЛОГИЯ ВЕРЫ

Глубоко верно!

— И метафизический бог есть не что иное, как краткий перечень или совокупность наиболее общих свойств, извлеченных из природы, которую, однако, человек посредством силы воображения, именно таким отделением от чувственной сущности, от материи природы, снова превращает в самостоятельного субъекта или существо...

Эти слова Людвига Фейербаха В. И. Ленин выписал в свои «Философские тетради» и на полях отметил двумя нотабене: «NB глубоко верно! NB».

Минимум религии

Я расскажу о занятном моем споре с одним священником по вопросу о «минимуме религии», т. е. о том явлении общественной психологии, которое объективно определяет наличие религиозности, хотя бы в самой незначительной степени, у любого человека, любого племени и народа. При этом я с ним спорил, а он пытался найти во мне единомышленника.

Очень неглупый и широко образованный человек, он умело пользовался ссылками на литературу, в том числе и на атеистическую. Хотя он был верующим христианином, он сразу признал, что религия, конечно, не сводится к христианству.

— Наиболее прав Эдуард Тэйлор,— сказал он (и в этом была одна из занятных сторон спора, так как этот английский этнограф, которому и принадлежит введение в науку термина «минимум религии», был атеист). Впрочем, не он первый стал говорить об анимизме как вере в духовные существа, управляющие людьми. Об этом, пожалуй, первым сказал немецкий физиолог Г. Шталь, умерший в 1734 году. Но он первый сказал, что анимизм и есть минимум религии. Г. В. Плеханов тоже ведь считал анимизм необходимым элементом всякой религии. Вот и здесь,— священник снял с полки «Краткий научно-атеистический словарь» издания 1964 года,— написано на странице двадцать третьей: «Нет религии без анимизма».

— Но,— возразил я,— австралийцы не наделяли чуринг душой или духом, да и тотемизм может не иметь элементов анимизма. Современный шофер, верящий в плохую примету, скорее всего в душу не верит. Вас, священника, может устраивать, что тотемизм и суеверия не связаны общностью религиозной психологии с христианством. Но я, психолог, не могу отказаться от признания этой связи.

— Тогда,— сказал он и открыл словарь на странице 496-й,— попытаемся оба договориться, что признание сверхъестественного «является непременным элементом религиозного мировоззрения и основным определяющим признаком самого понятия религии», т. е. что оно и является минимумом религии.

— Теперь вы ближе к истине, но напрасно вы начали читать не с начала фразы,— сказал я собеседнику.— Начало-то ее вот какое: «Вера в сверхъестественное, существование которого опровергается всеми данными науки, является и т. д.». Но я написал бы в этой фразе не «данными науки», а «данными науки и практики». Меланезиец верит в ману — таинственную безличную силу, а австралиец — в чуринг, но сравнивать свою веру с наукой, понятно, не может. Кроме того, признав сверхъестественным то, что про-

тиворечит сегодняшнему уровню науки, мы дадим возможность в любом научном споре упрекать противника в религиозности. Мы ведь не все законы природы уже знаем.

— Так, значит, вы вообще отрицаете наличие минимума религии? — прервал меня собеседник, отвлекая от того, с чем спорить он не мог.

— Нет, признаю,— отвел я его возражения.— Вера — вот что является минимумом религии. Энгельс в «Анти-Дюринге» показал, что «всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных». Это определение религии не может быть до конца понятно, если его не сопоставить со следующими словами Энгельса: «...Религия может продолжать свое существование как непосредственная, т. е. эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, природным и общественным». «Фантастичность отражения» в религиозной психологии человека и объясняется эмоциональной формой отражения. Когда сознание человека сталкивается с бессознательным, тогда знание и заменяется верой.

Человек может знать или не знать. Человек может ошибаться. Но только когда у него знания заменяются верой, можно говорить о проявлении у него религиозной психологии. Попробуйте мне возразить, не войдя в противоречие с «отцами церкви»! — предложил я.

И с этим мой собеседник не мог не согласиться.

Сверхъестественное

Чтобы минимум религии определять через сверхъестественное, надо прежде всего раскрыть и определить это понятие.

Владимир Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» писал, что «сверхъестественный... всякий случай, где духовная сила вызывает вещественное, чувственное явление». Конечно,

он в это понимание вкладывал не тот смысл, который Ленин вложил в слова: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его», пояснив словами «т. о. мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его». Даль, как человек религиозный, в свои слова вкладывал тот смысл, о котором С. И. Ожегов в своем «Словаре русского языка» в 1952 году писал одним словом «чудесный», повторяя Даля.

Но есть у Даля и другое определение сверхъестественного — «все то, что не подходит под известные нам законы природы». Так его понимают и некоторые исследователи, вставляющие это слово в определение минимума религии. Но это чрезвычайно неточное определение понятия.

Вряд ли можно всех химиков, современников и учителей молодого, а впоследствии знаменитого, Лавуазье считать религиозным только потому, что они признавали флогистон, позже отвергнутый ими.

В XVIII веке Парижская академия наук приняла решение «не принимать к сведению» сообщений о падении «небесных камней», ибо это вещь совершенно невозможная с точки зрения науки и «является не чем иным, как суеверием». Тогда метеориты рассматривались как сверхъестественные явления.

Много лет явления гипноза считались сверхъестественными, а известный писатель-юморист Аркадий Аверченко в начале нашего века высмеял их в рассказе, так и названном «Оккультные науки».

Влияние магнита на человека, о котором Франц Месмер писал в Парижскую академию наук в 1774 году, в 1784 году было полностью отвергнуто «как несуществующее» комиссией, в состав которой входили и Лавуазье, и Франклин, и врач Гильотен. А теперь, почти двести лет спустя, изучение влияний магнита на организм начато опять.

Можно ли астрономов, изучавших в XVIII веке метеориты, считать имеющими минимум религии и, следовательно, религиозными людьми? Конечно, нельзя! Потому это определение сверхъестественного не раскрывает сущности явления.

Определение сверхъестественного должно быть

объективным и таким, чтобы его можно было растолковать каждому. Причем следует отметить, что разные люди по-разному относятся к тем или иным явлениям и некоторые не видят сверхъестественного там, где оно есть.

Так, человек, который верит в лешего или в русалку, не считает их сверхъестественными явлениями. Многие из них лешего «своими глазами видели». Мне приходилось беседовать со старым забайкальским охотником, который говорил:

— Не знаю, есть ли на свете обезьяны, может, их и выдумали, а вот лешего я своими глазами видел, и не один раз...

Для древних греков в битве богов под Троей не было ничего сверхъестественного. Да и современный религиозный человек не считает существование бога сверхъестественным, когда говорит:

— Ну конечно же бог есть, потому я в него и верю!

Вот почему я думаю, что определения «сверхъестественного», данные В. Далем, а за ним и другими, устарели и не раскрывают его сущности. Думаю, что сверхъестественное надо определять иначе. Примерно так:

Сверхъестественное — это то, что по своей сути не может быть познано и реальность чего не может быть доказана, так как оно порождено верой, и что потому не существует.

Поэтому говорить: «вера в сверхъестественное» — это все равно что говорить: «вера в то, во что можно только верить». А ведь это «масленое масло».

Наука беспрерывно уточняет законы природы, не выходя за свои пределы — пределы современных, но все расширяющихся знаний. Даже в случае ошибок. Она всегда противостоит религии, как внешнему и враждебному для нее и социальному и психологическому явлению.

Вера в веру

Вера — основной психологический элемент религиозного чувства и одно из основных понятий религиозной идеологии. Не удивительно, что богословы

всех времен и народов уделяли ей много внимания. Посмотрим, какое содержание вкладывали в это понятие идеологи христианской церкви?

Исходным определением веры у христиан является определение, приписываемое апостолу Павлу: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр., гл. 11, ст. 1). Доктор богословия ректор Киевской духовной академии архимандрит Антоний в 1862 году в книге «Догматическое богословие» дает такое определение: «Это суть истины, недоступные опыту и превышающие разум человеческий, чем отличается вера от знания».

В полном соответствии с догматами православной церкви, но более четко и понятно он указывает, что религия заключает в себе такие истины, которые невозможно понять человеческим разумом и опытом и которые, следовательно, постижимы только верою.

В Первом послании к коринфянам (гл. 2, ст. 5) сказано, что вера утверждается не на мудрости человеческой. Богословы учили сотни лет в соответствии с этим. Так, например, в 1900 году в церковном сборнике «Сеятель» было написано:

— Нужно останавливать порывы разума и твердо верить, что истина то, чему учит святая церковь, хотя бы мы и не понимали этого.

А Мартин Лютер (1483—1564) так говорил о вере:

— Все члены нашего символа веры кажутся для разума глупыми и смешными... Потому не следует домогаться, возможна ли данная вещь; но следует так говорить: бог сказал, и потому случится даже то, что кажется невозможным. Ибо я не могу ни увидеть, ни понять этого, но ведь господь может невозможное сделать возможным и из ничего сделать все.

Датский богослов и философ Сёрен Кьеркегор (1813—1855), родоначальник модной сейчас на Западе философии экзистенциализма, писал:

— Вера требует... верить, вопреки рассудку.

И совсем относительно недавно, в 1956 году, это же было повторено на страницах «Журнала Московской патриархии»:

— Невозможность полного постижения разумом содержания догматических истин составляет одно из основных положений православного богословия.

Профессор богословия А. И. Введенский в книге «Психология веры», изданной в Троице-Сергиевской лавре в 1899 году, писал не менее четко, что вера есть покоящаяся на немыслимости уверенность в бытии бесконечного.

Но наиболее последовательно и четко определил сущность веры Тертуллиан (160—222), римский раннехристианский богослов, сказав: «Credo, quia absurdum»,— «верю, потому что абсурдно».

И не думайте, что эта формула глупа или смешна. Ведь она вооружила всех богословов непреодолимым доводом, который более подробно можно изложить так:

— Вы говорите, что бога нет и что доказывать его бытие абсурдно? А я потому и верю, что он есть. И доказательства мне не нужны!

Так ведь и ребенок на вопрос: «Почему ты не хочешь?» — отвечает:

— Не хочу, потому что не хочу!

И спорить с ним бесполезно.

А атеисты часто и до сих пор пытаются развенчать веру «лобовой атакой» переубеждения. Почему же тогда я пишу эту книгу и спорю с верующими? Почему я, зная, что вера искажает отражение мира и делает человека глухим к голосу рассудка, все же рассчитываю, что книгу эту прочтут верующие и что она поможет им увидеть мир и самих себя такими, каковы они есть?

Я отвечу на этот вопрос. Но отвечу немного позже.

А пока давайте выясним, что такое рассудок, разум, сознание.

Происхождение сознания

Богословы считают, что сознание — это «искра божья». Здесь они уже опять говорят с наукой на разных языках. Что же наука знает о происхождении сознания?

Наука есть система знаний и требует, чтобы каждое ее понятие определялось через другие, более общие и уточнялось смежными с ними.

— *Взаимодействие* — вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся

материю в целом... Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади него нечего больше познавать,— писал Энгельс в «Диалектике природы».

Древние греки понятие взаимодействия обожествили в виде Хаоса, родившего землю — Гею, любовь — Эрос, мрак — Эреб и ночь — Ньюкту, от которых уж потом произошли и другие боги и все существующее. Религия дальше этого красивого образа не пошла. Энгельс же показал путь научного исследования любого явления:

«Чтобы понять отдельные явления, мы должны *вырвать* (выделено мною.— *К. П.*) их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а *в таком случае* (эти слова выделил Энгельс.— *К. П.*) сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие».

Одним из проявлений взаимодействия является отражение. Простейшая форма отражения — это физическое отражение: палец нажал на глину — остался след; лучи света отразились от зеркала. Много можно привести форм физического отражения, но речь не о них.

Более сложная форма отражения появилась на земле вместе с жизнью. Это биологическое отражение — так называемая раздражимость живого вещества. Форм биологического отражения, обусловливающего самые различные взаимоотношения организма и среды, существует не меньше, чем форм физического отражения.

Но речь также не о них.

Одной ветви живых существ — растениям осталась свойственна только эта форма отражения — раздражимость, определяющая их жизнедеятельность. Но у второй ветви — у животных начала развиваться, кроме того, еще более сложная форма — рефлекторное отражение, определившее появление всех, подчас очень сложных, инстинктивных форм поведения. Ветвь животного мира, иногда называемая беспозвоночными, научное название которой первичноротые (двумя ее вершинами явились головоногие моллюски и насекомые), так в основном и не получила более сложной формы отражения. Только зачатки, неко-

торые элементы последних есть и у них в виде простейших навыков.

Зато у отделившейся от них почти в самом начале развития животного мира ветви вторичноротых начала развиваться условнорефлекторная или психическая форма отражения.

Вершиной этой ветви явился человек. Под влиянием труда и общения в труде у человека возникла вторая сигнальная система отражения действительности. Вместе с нею сформировались мышление, речь и чувства. Человеческая психика стала сознанием.

Сознание — это не добавление к психике человека, не отдельный ее элемент или часть. Сознание — это очеловеченная трудом психика. У животных сознания нет, но их психику Энгельс очень образно назвал предысторией сознания.

— Сознание... с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди,— сказал Маркс.

— Наше сознание и мышление, каким бы сверхчувственным оно не казалось, является продуктом вещественного, телесного органа, мозга,— подчеркнул другую его сторону Энгельс.

При чем же здесь «искра божья»?

Знание и вера

Религиозная идеология исходит из идеалистического решения основного вопроса философии и признает дух первичным по отношению к материи.

Религиозная психология исходит из чувства веры. Что же такое чувства с точки зрения психологии?

Эмоции и чувства — это формы психического отражения мира. Наряду с ощущениями, восприятиями, мышлением, памятью и волей. Но у них есть и свои особенности. Отражая объективные отношения, человек переживает эмоции и чувства как свое собственное отношение к миру.

Эмоция — это отражение мира в его отношении к биологическим потребностям. Поэтому эмоции есть и у животных. Чувства, или, как их иногда называют, социальные эмоции,— это отражение мира в его

отношении к социальным потребностям человека. У животных чувств нет. Чувство всегда, в той или иной степени, связано со второй сигнальной системой.

Роль чувств в психологии религии и, следовательно, сущность веры понимаются не всегда правильно. В своей книге «Эстетическое чувство и религиозное переживание» Е. Г. Яковлев, например, пишет, что к религиозным эмоциям более уместно применять термин «религиозное переживание», мотивируя это тем, что они неустойчивы и неопределенны.

С этим нельзя согласиться. Чувство веры у религиозного человека может быть стойким качеством его личности и даже чертой характера. Вспомним сподвижницу протопопа Аввакума боярыню Морозову, увековеченную В. И. Суриковым, или Лизу из «Дворянского гнезда» Тургенева.

Так же нельзя согласиться и с теми, которые утверждают, что те чувства, с которыми связана религия, это не какие-нибудь особенные религиозные чувства, что они могут сопутствовать любой другой идеологии. Сторонники этой точки зрения, например И. А. Крывелев, категорически отвергают мнение о существовании религиозного чувства. Но ведь ни какой другой идеологии чувство веры не свойственно. Все другие идеологии опираются на знания.

Знание — есть система понятий, усваиваемых человеком при помощи мышления и памяти. А мышление в психологии определяется как психическая деятельность, направленная на обобщенное и опосредованное познание объективной действительности путем раскрытия связей и отношений, существующих между познаваемыми предметами и явлениями. Иногда говорят короче: мышление — это отражение связей между явлениями и предметами.

Два полюса

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только в е р и т ь.

Правда, красиво? И очень патриотично!

Да! Бесспорно. Федор Иванович Тютчев, которому

принадлежат эти строки, был замечательным поэтом-художником и патриотом. Но он был глубоко верующим человеком, а как философ был последовательным идеалистом. Это его четверостишие очень убедительно показывает психологическую сущность веры.

А вот другой полюс — полюс знания:

— В условиях социализма и строительства коммунистического общества, когда стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства и всей общественной жизни, когда теория повседневно претворяется в практику, первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма, как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов.

Так записано в Программе КПСС. Насколько этот полюс красивей, мощней, перспективней! Понятно, программу партии стихами не пишут. Но когда-нибудь поэты эти мысли переложат в прекрасные ритмичные строфы. А дела, вершимые на основании этих сухих слов, давно уже насыщены яркими человеческими эмоциями.

Без человеческих эмоций жить нельзя

В одной записке, присланной мне во время лекции, было написано следующее:

«Я все же осмелюсь утверждать, что коммунизм — это вера. Разумеется, коммунизм является уверенностью, опирающейся на знания, когда речь идет о выборе наилучшего пути человечества ко всеобщему счастью. Тут коммунизм опирается на твердые знания о законах развития человеческого общества, и коммунист убежден, что путь, по которому он идет, наиболее верен.

Ну, а сама цель — благо всего человечества — не основана разве на вере, на вере в то, что всеобщее благо — благо всех людей на земле есть цель жизни каждого, что смысл жизни человека в том, чтобы все свои силы и энергию отдавать для достижения этого блага, не жалея при этом ничего, в том числе и самой жизни. Ведь на земле есть немало людей,

которые скажут: «Позвольте! Ну, предположим, коммунизм — действительно лучший путь к счастью человечества. А зачем мне заботиться о счастье человечества, подвергая себя опасностям и лишениям? Мне и без этого хорошо!» Что вы можете сказать такому человеку и какими знаниями, какими логическими доводами сможете убедить его?!

И с другой стороны, было немало случаев, когда люди из обеспеченных семей (Энгельс!) меняли спокойную и полную довольства и комфорта жизнь на жизнь профессионального революционера, полную опасностей и лишений, ибо они верили, что цель их жизни — освобождение всего человечества.

Владимир Ильич Ленин мог, окончив юридический факультет, стать присяжным поверенным, жить в довольстве и не обращать внимания на то, как живут труженики России. Но он верил, что смысл его жизни — в борьбе за благо всего народа, и начал жизнь, полную тревог и опасностей, подвергаясь ссылке и тюремному заключению, взамен возможной спокойной жизни в достатке.

Думаю, нет нужды еще доказывать, что, если в выборе способа достижения цели, коммунизм есть уверенность, основанная на знаниях, то в выборе самой цели он является верой. Ибо выбрать цель жизни на основании одних знаний невозможно!»

Вторая записка состояла из цитат:

«Наука невозможна без веры. Под этим я не имею в виду, что вера, от которой зависят науки, является по своей природе религиозной или влечет за собой принятие каких-либо догм обычных религиозных верований, однако без веры, что природа подчинена законам, не может быть никакой науки» (*Норберт Винер.* Кибернетика и общество. М., ИЛ., 1958, стр. 195).

«Человек должен верить... и никакой запас формальных знаний в области новейшей физики, математики и даже литературоведения не поможет духовно нашему «интеллектуалу». Знать или верить? Верить и знать!» (*П. Симонов.* Человек верит. «Наука и жизнь», 1965, № 5, стр. 73).

Оканчивалась записка одним словом: «Разъясните!»

— Я буду отвечать на обе записки сразу и начну с последних слов Павла Васильевича Симонова — так начал я.— Верить и знать! Ну конечно же! Это ведь перефразированные слова Ленина. «Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины». А ведь «человеческие эмоции» — это и есть чувства. Потому и страстная речь увлекает. Потому люди и шли за пылающим сердцем Данко и поднимаются в бой за командиром, завоевавшим их доверие. Доверие — это ведь чувство. Здесь правильно все... кроме слова «вера», заимствованного из лексикона религиозных людей. То же и в записке о коммунизме и в цитате Винера, в которых и слово, и понятие «убеждение» подменены словом «вера».

Убеждение — это эмоционально окрашенное знание, связанное со стремлением осуществления его. В психологическую структуру убеждения входят все три компонента: интеллектуальный, эмоциональный и волевой. Вот почему мысль Винера я выразил бы иначе:

— Без убеждения в познаваемости законов природы не может быть никакой науки. Одних мыслей и чувств для науки мало, нужна, кроме того, еще воля.

А о коммунизме автор первой записи замечательно написал. Нужно только слово «вера» заменить словом «убеждение» (что я и сделал, перечитав еще раз присланную записку).

Одна вера или две?

И в быту и в литературе принято различать «веру вообще» и «религиозную веру». Так, у верующего В. Даля в «Толковом словаре», изданном в 1880 году, было написано: «Вера — уверенность, убеждение, твердое сознание... отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существа бога». Но и «Словарь русского языка» атеиста С. И. Ожегова в 1952 году дает два смысла слова «вера»:

1. Убеждение, уверенность в чем-нибудь...

2. Мистическое представление о существовании бога; то же, что и религия.

Но, как видно из этих словарей, первый смысл имеет в русском языке более точные выражения понятий, которые нет никакого основания продолжать смешивать со вторым, основным смыслом слова. Основным и психологически и исторически.

Я считаю, что «вера вообще» и «религиозная вера» — это одно и тоже чувство. Двух вер нет. То, во что человек верит, для него не сверхъестественно, а не познаваемо. То же, что он может познать разумом, не является для него объектом веры. Поэтому я и считаю веру обязательным элементом религиозной психологии. И не случайно «религиозный человек» и «верующий человек» являются синонимами. Поэтому же «верующему» значительно легче сменить одну религию на другую, в том числе и на суеверие, чем стать атеистом.

Как эмоциональная форма отражения действительности, вера не анализирует реального мира, подменяя объективное субъективным, действительное — желаемым; но, как включенное во второсигнальное понятийное отражение, она усиливает заложенную в понятиях двойственность, раскрытую В. И. Лениным, и усиливая тем «отлет фантазии от жизни».

Коротко веру можно определить как чувство, являющееся обязательным компонентом структуры религиозного сознания, создающее иллюзию познания и реальности того, что создано фантазией с участием этого же чувства.

Такое понимание веры вытекает из научного понимания сущности эмоций и чувств. Но оно согласуется и с эмпирически найденным пониманием веры самими богословами. Следовательно, оно дает возможность объективно определить наличие и минимум религии и религиозности, как черты личности, в каждом конкретном случае.

Я думаю, что в этом не только теоретический, но и практический смысл такого понимания веры. Оно указывает путь борьбы с искажением верой познания мира.

А исправлять любые искажения познания — разве это не основная задача науки?

А вы видели Эйфелеву башню?

— Как же вы можете утверждать, что Эйфелева башня есть, раз вы ее не видели? А вы это утверждаете! Почему? Да потому, что верите тем, кто вам о ней говорит. Верите книгам. И я тоже верю нашему пресвитеру. Тоже верю книге евангелию. Значит,— здесь голос говорившего приобрел торжественность, свойственную прокурорам, указывающим на неопровержимую улику,— значит,— повторил он для усиления впечатления,— различия между нами нет. И я верю, и вы верите.

Я прислушался к разговору пенсионеров, гревшихся в лучах весеннего солнца. Интересно было, что ответят собеседники на его тираду.

— Ни верить, ни доверять вообще никому нельзя,— жестоко перебил его другой, также, видимо, развивая уже высказанный ход мыслей.— Ты дай мне доказательства, документик, фотографию, авторитетно заверенную, тогда уже не верить тебе буду, а соглашусь с тобой. И что Эйфелева башня есть, соглашусь, и что ты не виновен, соглашусь. В моем следственном деле с верой, как и с религией, надо всячески бороться.

— И докторам верить нельзя,— зло прошамкал третий.— А то предложит кто-либо новое лекарство, все сразу развесят уши. Вон сколько говорили о красном стрептоциде, а потом запретили его.

Все они «не туда тянули». Я не стал бы спорить со стариками, их все равно не удалось бы переубедить: и баптиста, и следователя старой закваски, и больного-хроника, винящего в своих болезнях врачей, а не любимую им водку. Но к их словам прислушивался не только я, но и молодежь. И мне пришлось включиться в беседу, чтобы уже не для них, а для их слушателей поставить все на свое место. Ведь в этой беседе были поставлены вопросы о роли в науке и в практике понятий веры и доверия.

Наука и опирающаяся на нее практика (в том числе и судебная) требуют доказательств. Основным научным доказательством является возможность повторной проверки: повторного наблюдения, повторного эксперимента, повторного вычисления. Но в

науке многое опирается и на доверие: доверие ученому, что он действительно поставил описываемые эксперименты и видел их результаты.

Вера, уверенность и доверие — это совершенно различные психологические явления, имеющие только общий корень в их словесном обозначении. Этот общий корень родился в прошлом в результате сближения этих понятий в угоду религии и вопреки их психологической сущности.

Уверенность — это отсутствие сомнений, основанное на знании. Уверенность близка убеждению, но последнее всегда связано со стремлением осуществлять на практике то, в чем человек уверен.

— Суеверие есть уверенность, на знании не основанная. Наука борется с суеверием, как свет с потемками,— говорил Д. И. Менделеев в одной из лекций.

Доверие — это ожидание от человека поступков, соответствующих моральным мотивам поведения. Доверие основывается на знании характера человека и, следовательно, вероятного его поведения.

А в юридической науке существует понятие «презумпция невиновности». Человек считается невиновным до той поры, пока его виновность не доказана. Доказывать надо именно виновность, а не невиновность, как считал один из спорящих пенсионеров. Презумпция невиновности опирается на знание человеческой сущности, для которой преступность является отклонением, а не нормой.

В науке недоверие, а вернее, сомнение в выводах ученого возникает только тогда, когда его доказательство малоубедительно или когда есть контрфакты, т. е. факты, позволяющие делать противоположные выводы. Получение контрфактов всегда способствует развитию науки (в частности, и медицины, о которой говорил один из спорящих стариков). Ибо противоречия есть основная, движущая сила развития.

Я знал, что Эйфелева башня есть (а не верил в то, что она есть) раньше даже, чем увидел ее на фото, в кино и «своими глазами». Знал потому, что доверял людям, ее видевшим, и не имел никаких фактов, противоречащих моему доверию.

Священник и врач

И врача, и священника часто называют «целителями душ». Давно уже в отечественной медицине установлено правило — лечить больного, а не болезнь.

А больной, как и вообще любой человек, не только организм, но и личность. В. М. Бехтерев, сам бывший замечательным целителем и вместе с тем учителем многих и многих врачей, говорил:

— Если больному после беседы с врачом не стало лучше, это не врач!

Беседа со священником, с раввином, с муллой, со жрецом, если они соответствуют требованиям своей профессии, также облегчает страждущую душу. Ведь именно в этом (хотя не только в этом, конечно) психологический смысл их наличия в любой религии.

Чем больше вера религиозного человека, тем бóльшую помощь ему приносит беседа с священнослужителем. Но ведь больше помогает и тот врач, которому больной больше доверяет. Неверие в помощь медицины и недоверие врачу (их редко различают) снижают эффект лечения. Это общеизвестно.

Но если разобраться глубже, то нигде так отчетливо не видно психологическое различие веры и доверия. Общение со священнослужителем опирается только на веру. Если верующий думает:

«Моему соседу исповедь (молебен, жертва, причастие и т. п.) помогла, значит, и мне поможет», то он уже не верующий, а рассуждающий. Такая мысль недопустима и религиозными догмами рассматривается как грех.

Другому молебен мог не помочь, на то воля бога, а ты верь, что тебе он поможет,— вот суть побуждения верующего к сближению со священником и через него с богом.

А врачу, как представителю медицинской науки, больной должен доверять. Доверять знаниям врача, его опыту, желанию помочь больному, и это доверие должно опираться на знания, что медицина и данный врач уже многим помогли, что врач обладает нужными знаниями и потому поможет и в данном случае. Доверие к врачу, как и всякое доверие, будет опираться на рассуждение, на оперирование опреде-

ленными понятиями, рождающими чувство, а не исходящими из чувства веры.

Конечно, некультурный, «темный» больной может, в большей или меньшей степени, к своему доверию врачу примешивать и веру в него. Конечно, есть и поныне врачи, окружающие себя ореолом шамана, действующим на впечатлительных больных. Так ведь это от некультурности тех и других и противоречит сущности отношений врача и больного. Юрий Герман в романе «Я отвечаю за все» очень хорошо показал протест передового врача против такого шаманствования.

Формирование уверенности

Отец учил сына плавать. И вот ловкий волейболист стал похож на деревянную марионетку. Не только в реке, но и на берегу, когда он только подходил к воде, движения его становились некоординированными, резкими, он не замечал окружающего и переставал отвечать на оклики. У него появилась напряженность — этот бич освоения новых видов деятельности, всегда связанный с неуверенностью.

Парень хотел научиться плавать, но ничего не мог поделать с собой: напряженность не проходила, даже усиливалась. Тогда я решил вмешаться.

— Все это,— сказал я ему,— происходит у тебя от неуверенности в своих силах, от страха утонуть. Войди в воду по грудь и, задержав дыхание, попробуй нырнуть и достать со дна камешек. Думаю, тогда ты поймешь, что вода держит человека, и люди обычно тонут, наглотавшись от страха воды.

Парень послушался и старательно начал нырять, но вода его выталкивала на поверхность. Так он на деле убедился, что человек может держаться на воде. Он перестал бояться воды, поверил в свои силы, и напряженность прошла. Уверенность помогла ему быстро научиться плавать.

Этот случай не только показывает путь формирования уверенности, но помогает лучше понять ее психологическую структуру.

У молодой матери в глухой таежной забайкальской деревне заболел первенец. Его простудили, совершая обряд крещения, и мне, совсем молодому врачу, нетрудно было поставить диагноз воспаления легких.

До районной больницы было километров тридцать, и я уговаривал мать срочно везти туда ребенка. Но доводы ее свекрови оказались сильнее моих:

— Молись, Евдокия, и бог поможет!

Всю ночь обе женщины молились: старая почти машинально, молодая же исступленно каялась в грехах своих, истово просила прощения и помощи, доводя себя до экстаза. Я провел всю ночь у кровати ребенка, и под утро он заснул. Заснула и молодая мать, поверившая, что молитва ее помогла и ребенок теперь выздоровеет. Она спала, и лицо ее светилось радостью.

Весь следующий день она опять молилась. Но уже не исступленно, а умиротворенно, с чувством глубокой благодарности и окрепшей веры...

К вечеру ребенку стало хуже, и ночью он умер. Я ждал вспышки горя, отчаяния у матери. Но она покорно смирилась с потерей.

— Господи боже мой! Ты дал, ты и взял. На то воля твоя,— продолжала молиться она...— Ему у тебя лучше, а меня ты наказал за грехи мои...

Это была логика, полностью подчиненная религиозному чувству. Смерть ребенка только укрепила ее веру.

Конечно, в подобных случаях бывает и так, что мысль «молился, молился, а бог не помог» вызывает чувство сомнения, иногда протеста или даже озлобления. Все эти чувства убивают веру, и человек на всю жизнь может после такого потрясения стать атеистом.

Но бывает и такой конец, как был здесь. Вера, укрепившаяся временным улучшением состояния ребенка, оказалась настолько сильна и вызвала такое душевное спокойствие и радость, что даже смерть ребенка не смогла их нарушить, и чувство горя

только усилило чувство веры. Нейрофизиолог в этом случае скажет:

— Чувство веры, ставшее доминантным, после улучшения состояния ребенка, по закону доминанты, открытому А. А. Ухтомским, усилилось не очень сильным горем, вызванным смертью ребенка.

Доминанта — это временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе, который обладает способностью притягивать и накапливать приходящие в мозг возбуждения и тормозить работу других его центров.

В борьбе разума и веры разум физиологически находится в худшем положении, так как эмоциональные доминанты чаще бывают сильнее, чем интеллектуальные. Поэтому вера формируется не доводами, а чувствами, вызываемыми этими доводами. Уничтожается она также не доводами, а путем создания более сильной эмоциональной доминанты.

Нужны ли переименования?

Понятие — это категория историческая, и содержание понятий с течением времени, обогащаясь новыми знаниями, меняется. В этом суть науки и ее главное достоинство.

Но понятие обозначается словом. И слова несравненно инертней понятий. В этом тоже их природа, и насилие над ней, вроде попыток называть калоши «мокроступами», к добру не приводило. Все знают, что такое геометрия, и не считают ее «землемерием», хотя это слово — точный перевод слова «геометрия». Сейчас успешно развиваются профессиональная и военная отрасли педагогики, и никто не собирается переименовывать эту науку. Хотя в точном переводе с греческого педагогика — это «дитяведение», никто не думает, что рабочие или солдаты — дети.

По мере изменения понятий слова тоже изменяют свой первоначальный смысл. И это не плохо. Плохо только смешивать новое и старое понятие и, говоря о геометрии, вкладывать в нее смысл землемерия. Ведь об этом и Энгельс говорил:

— Подобные этимологические фокусы представ-

ляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое они получили путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своего происхождения.

Поэтому нет никаких оснований и для замены добротных русских слов: доверие, уверенность, проверка, верно, верный, вероломный, вероятность и многих других, от них производных. Просто надо понимать, что их смысл не соответствует смыслу корня «вера», как это считалось когда-то.

Что дает вера?

Вот запись проповеди, прочитанной ксендзом в Грузджянском костеле Литовской ССР 19 августа 1962 года. Ее мне прислал из Шауляя товарищ И. Анычас.

Тема проповеди — «Что дает тебе вера?».

— Есть люди, которые отрицают веру, которые не понимают, зачем нужна вера. Что значит вера для меня? — так начал ксендз.

1. Вера — честь моего прошлого.
2. Вера — сила моей нынешней жизни.
3. Вера — цель и надежда моего будущего.

Во-первых, вера — честь моего прошлого. Что говорит безверие о нашем прошлом? Безверие говорит, что человек — обыкновенная частичка материи, составленная из элементов. Человек — это частицы воды, белков, азота и т. д. Человек — наподобие тех кучек, которые образует ветер из листьев и песка. И появился человек случайно, под действием каких-то сил. Сначала появились простые формы жизни, позже развилось живое существо, затем — обезьяна, и лишь благодаря какой-то случайности из обезьяны появился человек,— вот как безверие принижает человека. Мы гордимся подвигами наших предков, наших родных; их портретами заполняем альбомы, их портреты висят на стенах. Давайте повесим на стену нашего предка — обезьянку и будем гордиться ею! Вот как безверие позорит человека, принижает его! А что говорит вера?

Вера говорит, что человек — создание бога; бог создал человека на себя похожего, он, послав на землю своего сына Иисуса Христа, спас человечество от греха и отворил ему ворота в вечное царство небесное. Вера *возвышает* человека, защищает его честь. Вот что значит вера — честь моего прошлого.

Дальше, вера — сила моей нынешней жизни. Теперь в нашей жизни больше горя, нужды, чем радости и счастья. Что говорит безверие? Безверие гласит: терпи нужду и горе, бедствуй и создавай счастливую жизнь на земле. Я знаю юношу, который, будучи ребенком, подорвался после войны на мине и был сильно изувечен. Теперь этот юноша лежит прикованный к постели, он не в силах ни встать, ни повернуться на бок и терпит большие муки. Юноша лишь усмехнется, если безверие посоветует ему терпеть и в дальнейшем и ждать лучшего будущего, несмотря на то что надежды нет никакой. Или еще пример. Девушка заболела туберкулезом костей. Надежды на выздоровление также нет никакой. И вот к ней приходит ксендз. Он говорит ей, что эти муки посланы, может быть, самим господом богом, чтобы через нее, через ее муки и других воскресить к правильной жизни. Девушка понимает смысл своих страданий. Вера *придает ей силу*. Или еще один пример, из жизни св. ксендза Иона Боско. Он жил со своей уже старой матерью. Однажды ксендз Боско собрал с улицы ватагу ребятишек и поселил их в своем доме. Дети были очень непослушны. Старушка мать, не в силах выносить больше их злые проделки, решила покинуть сына и вернуться в свою лачугу. Тогда ксендз Боско привел мать в комнату, где был крест с распятым Христом, и показал его ей. Старушка сказала: «Сынок, я забыла об этом». Так и вам, братья и сестры во Христе, стоит только войти в комнату с распятым Христом, как сразу же становится легче терпеть нужду, горе. Стало быть, вера — сила вашей нынешней жизни.

Наконец, вера — цель и надежда моего будущего. Когда жизнь хороша, кажется, что для человека нет ничего невозможного: он летит самолетом, вращается в пространстве и т. д. и т. д. Однако, как я уже говорил, нужды и горя в жизни значительно больше, чем

радости и счастья. Безверие отрицает существование бога, отрицает вечный потусторонний мир. Но никто, в том числе и безверие, не может отрицать одно, а именно смерть. Что дает человеку безверие? Оно утверждает, что человеческая жизнь кончается здесь, на земле, что смерть — конечный предел. Никакого просвета, никакой перспективы. Правда, безверие поощряет создавать счастливую жизнь здесь, на земле. Но зайдите в любую квартиру, и вы не найдете ни одной семьи, которая жила бы без забот и горя. И вот, промучившись на земле 60 лет, человек должен так и умереть, этим кончается его тяжелый жизненный путь. А что говорит вера? Вера говорит, что после смерти человека *ждет вечное счастье*. Братья, сестры во Христе, укрепляйте веру, молитесь, чтобы все заслужили вечную счастливую посмертную жизнь.

Так что же значит для нас вера? Это честь нашего прошлого, сила нашей нынешней жизни, цель и надежда нашего будущего.

Так кончил ксендз.

Я привел проповедь умного ксендза, ни слова не изменив, только выделил некоторые слова курсивом. Но теперь перечитайте эту проповедь, заменяя везде слово «вера» на слово «опиум» или «наркотик». Почти каждый наркоман согласится с такой подменой понятий и подтвердит, что именно по этим причинам, о которых говорится в проповеди, он и употребляет наркотик. Наркотик возвышает его («пьяному море по колено!»), дает силы забыть о горе («с горя напился!») и укрепляет надежду («пьяный все видит в розовом свете»).

Неглупая проповедь. Неглупая потому, что правильно излагала привлекательность веры для ищущего в чем-то утешения.

Верим ли мы в искусство?

Автор письма предлагал продолжить «спор о вере», начатый со мною на одной из лекций, когда он писал в записке о вере в коммунизм. Теперь он писал об искусстве:

«Искусство, как и религия, основано на вере — на вере «в условность». Зритель (слушатель, читатель и т. д.) должен временно верить в реальность изображаемых художником событий, верить в то, что «это было, и было именно так». В свою очередь художник должен верить в свой вымысел, в то, что изображенное им действительно было, что его герои действительно жили и т. д. Иначе у него вряд ли выйдет что-либо путное.

И вера эта, как правило, противоречит знаниям. Пример: я сижу в кинозале и смотрю знаменитый шедевр режиссера Эйзенштейна «Иван Грозный». И я, и остальные зрители на время сознательно идем на «самообман», как бы не обращаем внимания на то, что говорят нам знания и органы чувств. Мы воспринимаем происходящее на экране как наблюдаемую нами действительность; мы словно переносимся в эпоху Ивана Грозного и делаемся свидетелями изображаемых на экране событий. А между тем разум говорит нам, что перед нами даже не разыгранная актерами сцена, а просто-напросто холст с меняющимся изображением. И на экране перед нами вовсе не Иван Грозный, умерший более 350 лет назад, а артист Черкасов, наш современник. И все сцены, происходящие на экране, были разыграны актерами и засняты после долгих репетиций и проб. А между тем мы воспринимаем события на экране как реально происходившие, словно мы — невольные свидетели сцен из жизни далекого прошлого.

И все потому, что мы, на время, заглушили в себе «голос разума», поверили в реальность происходящего.

Возьмем трагедию Пушкина «Борис Годунов». Никто не знает, был ли убит царевич Димитрий по приказу Годунова; большинство ученых нашего времени отвечает на это отрицательно. Но Пушкин в своей трагедии показал терзания убийцы-Годунова, он решил этот вопрос по-своему. И вот, читая (или смотря в театре) сцену, изображающую душевные муки царя Бориса, даже ученый-историк, знающий, что «этого не было», должен — хоть на время — поверить в виновность Годунова, иначе он не может по-настоящему воспринять эту сцену. Поверить —

вопреки своим знаниям, несмотря на то, что он, может быть, написал работу, доказывающую непричастность Годунова к убийству.

Более того, нередко полностью вымышленные герои начинают жить «полнокровной жизнью»: люди начинают верить в их реальность. Можно привести длиннейший список — от Отелло и Дон-Кихота до Шерлока Холмса.

Известно немало случаев, когда симпатии к вымышленному литературному герою доходят до курьезов. Одному из друзей Вальтера Скотта так полюбился герой романа «Айвенго», что он заболел, когда герой этот погиб. И Вальтеру Скотту пришлось впоследствии «воскрешать» этого героя, придумав малоправдоподобные обстоятельства его спасения. И таких примеров много... До сих пор я приводил примеры литературные и театральные, как наиболее яркие. Но ведь все вышесказанное относится и к другим видам искусства.

Можно исписать примерами еще не один десяток страниц, но думаю, что и так ясно — одной из главных черт искусства и его восприятия является вера в реальность происходящего. Причем вера эта нередко сливается с временной верой в «сверхъестественное». Возьмем хотя бы «Фауста». Большинство читателей (или зрителей) уверены в том, что черта нет; думаю, что и сам Гёте был далек от веры в то, что можно «продать душу» черту. Однако на время чтения пьесы мы «забываем» об этом и воспринимаем появление Мефистофеля как реальность.

Современный театр на известном этапе развивался под влиянием религии не только потому, что он вырос из древнегреческих «дионисий», но и потому, что первые пьесы были неразрывно связаны с той же мифологией — уже в чисто литературном отношении.

Поэзия «обязана» религии очень многим — и не только тематически, но и, прежде всего, тем, что поэтические произведения во многом используют элементы религиозной психологии. Нельзя представить себе поэтические произведения без олицетворений, к примеру».

Вот что я ответил ему на это письмо.

— Многое из того, что Вы пишете об искусстве, по моему мнению, верно. Неверным я считаю только попытку вывести искусство из религии и тезис: «Искусство, как и религия, основано на вере». Как и в записке, которую Вы прислали мне после лекции, так и в письме Вы называете верой то, что психологически ею не является. Я помню Вашу записку и свой ответ. Тогда Вы подменяли верой нравственное чувство. Теперь верой подменяете эстетическое чувство.

То, что мы видим на экране или на сцене, заставляет нас соприсутствовать с людьми и событиями. Мы их воспринимаем как в жизни и сами как бы присутствуем, как бы принимаем участие в разворачивающихся событиях. Это и есть эффект участия, который Вами так хорошо описан. Чем талантливей пьеса, игра актеров, работа режиссеров, тем этот эффект отчетливей.

Но при чем тут вера? Вы ведь сами считаете, что это какая-то другая вера — «вера на время». Причем эта «вера» доставляет эстетическое наслаждение. Эта «другая вера» просто «другое чувство» — эстетическое чувство, опирающееся на эффект участия. А историк, о котором Вы писали, отнюдь не изменял, хотя бы и на время, своего мнения об историческом Борисе Годунове и не начинал сомневаться в том, что написал верную статью. То, что его захватило, даже потрясло, просто не имело ничего общего с историческим Борисом Годуновым. Ведь это была игра. Это было «понарошке», как очень точно и образно говорят дети. Если он музыкален, он мог и фальшивую ноту услышать, и оригинальную трактовку отметить, и это могло не помешать впечатлению в целом.

А вера — это не «понарошке». Половинчатой веры быть не может. Рассуждения и оценка в вере отсутствуют. Иными словами, у чувства, которое Вы хорошо описали, и у веры лишь одно общее: то, что они — чувства.

Шаляпин никого не заставлял поверить в черта, хотя и многим менее талантливый актер заставляет любого атеиста соприсутствовать «именно с этим» (и притом только с этим) Мефистофелем и в минуты эстетического наслаждения просто не думать, черт

это поет или не черт. Конечно, чувство здесь «заглушает разум». Но это ведь свойство любого чувства, а не только веры.

А что искусство и религия на определенных этапах истории были тесно связаны, это верно. Но связь не есть тождество.

Идеология и психология

На архипелагах Полинезии еще недавно можно было наблюдать поучительную картину. Маорийские жрецы, например, считают, что вначале был бог Пу (корень). От него произошел Коре (пустота), от Коре — По (ночь). От супружеской пары По и Ао (свет) произошел Ранги (небо) и Папа (земля). Четкая картина происхождения стройной иерархии пантеона богов, напоминающая древнегреческие мифы.

На других островах жрецы рассказывали несколько иные, но также стройные космогонические мифы о так называемых культурных героях — полубогах и полупредках людей. Более того, на Новой Зеландии у жрецов существовал тайный культ единого великого бога Ио — силы, от которой все зависит и которая лежит в основе всего.

Эти сложные и по-своему стройные системы взглядов составляли религию жрецов. Передавая ее из поколения в поколение, жрецы превносили ее в сознание народа как религиозную идеологию. А простому полинезийскому народу было не до этих сложных мифов и великих богов. У них в каждой общине, иногда в каждой семье были свои местные племенные божества, близкие им и связанные с ними конкретными отношениями, системой табу и пережитками тотемизма. Мифы жрецов народ часто слушал просто как сказки и не всегда в них верил.

Но так было не всегда и не везде. Простейшие мифы как форма народного творчества создавались еще до выделения жрецов. Сами названия таких мифов говорят о цели их составления: дать объяснения повседневно наблюдаемым явлениям. Вот, например, названия мифов племени Бауле:

«Отчего одни собаки дикие, а другие домашние».

«Отчего хамелеон может менять свою окраску».

«Почему паук живет в чужих домах».

«Откуда у рака твердая оболочка».

«Почему шимпанзе не живет вместе с людьми».

«Почему леопард пожирает газелей».

«Почему люди и звери смертны».

«Как был создан мир и как люди попали на землю».

Такие мифы, отвечающие на вопросы «отчего» и «почему», создавались самим народом, и их можно встретить в любой стране. Вначале в них проявлялась религиозная психология. Лишь позднее они стали «обрабатываться» жрецами и превращаться в религиозную идеологию. Но народ часто возвращал их в сферу общественной психологии уже в виде сказок.

Психологическое различие мифа и сказки в том, что миф всегда имеет объяснительное значение и претендует на то, чтобы его считали истиной. А сказка на это не претендует. Хотя в сказке тоже всегда есть своя идеология. Как сказал Пушкин:

— Сказка ложь, да в ней есть прок,
Добрым молодцам урок.

Но непосредственный элемент психологии в сказке всегда более значительный, чем элемент идеологии. А в мифе наоборот.

В отличие от религии полинезийских жрецов, в религии полинезийского народа был бо̀льший элемент непосредственной общественной психологии — религиозной психологии, чем элемент идеологии.

— Этот факт лишний раз показывает, что от чего зависит: не жречество складывается вследствие того, что нужно служить великим божествам, а, наоборот, образы божеств и связанные с ними мифы складываются жрецами.

Слова эти принадлежат известному советскому специалисту по религии и этнографу С. А. Токареву. Его книга «Религия в истории народов мира» содержит много интересного материала и по психологии религии.

Разными мерками

В «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» царской России, изданном в 1845 году, в параграфе 182, было записано: «Изобличенные в так называемом кощунстве, то есть язвительных насмешках, доказывающих явно неуважение к правилам или обрядам церкви православной или вообще христианства, приговариваются к заключению в тюрьме на время от 4 до 8 месяцев».

Очевидно, таких случаев было немало. Однако не надо думать, что случаи кощунства являются проявлением психологии атеизма. Дело здесь не так просто. Кощунство может иметь место и у глубоко верующих и проявляется по механизму, близкому к тому, который заставил Отелло задушить Дездемону. Еретик — это скорее не атеист, а отвергающий официальные концепции бога. Как бы понимая это, подобное отклонение в религиозной психологии каралось не так уже строго. Зато вмешательство в религиозную идеологию мерилось иной меркой и каралось очень жестоко. В том же «Уложении», в параграфе 184, было указано: «За отвлечение через подговоры, обольщения и иными средствами кого-либо от христианской веры православного или другого вероисповедания в веру магометанскую, еврейскую или иную, не христианскую, виновные приговариваются к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от 8 до 10 лет».

Государство, опиравшееся на религию, всегда внимательнее следило за религиозной идеологией, чем за религиозной психологией.

Кто не работает, тот не ест

В евангелиях есть немало моральных высказываний, под которыми подписался бы современный советский человек. Например: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь; оскверняет человека не то, что входит в него, а то, что выходит из его уст; не ищи сучка в глазу брата своего, а сначала вынь бревно

из своего собственного; дерево познается по его плодам и т. д.

Против ряда других образов ни современный, ни прогрессивный человек прошлого не стал бы возражать: не следует вливать новое вино в старые мехи; никто не может служить одновременно двум господам и т. д.

Но есть в евангелии места аморальные, с точки зрения современного советского человека. Так, Иисус без основания не отпускает ученика для похорон его отца (Матфей, гл. 8, ст. 21—22). Сам он публично отрекается от матери и братьев (там же, гл. 12, ст. 47—50). Многократно повторяется, что имущему надо еще прибавить, а у неимущего отнять и то, что имеется (Матфей, гл. 13, ст. 12; гл. 25, ст. 29; Марк, гл. 4, ст. 25; Лука, гл. 8, ст. 18; гл. 19, ст. 26).

А есть там и такие высказывания:

— Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много (Лука, гл. 12, ст. 47).

— Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: «пойди скорее, садись за стол»? Напротив, не скажет ли ему: «приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить» (Лука, гл. 17, ст. 7, 8).

Законно возникает два вопроса: как столь противоречивые моральные высказывания могли попасть в одну и ту же книгу и как этих потрясающих противоречий (впрочем, как и очень многих других фактических) могли сотни лет не замечать сотни миллионов людей?

На первый вопрос дает ответ история религии, доказавшая, что евангелия писались не ранее середины II века разными людьми и потом многократно переписывались и дополнялись.

Второй вопрос относится к психологии религии и объясняется законом апперцепции восприятия. Согласно этому закону восприятие всегда определяется прошлым опытом и общим содержанием психологической жизни человека. В данном случае опыт каждого человека определял его желание, и каждый понимал евангелие так, как хотел, и обращал внимание только на то, что его наиболее устраивало.

В этом отношении очень интересна история изречения, поставленного мною в заголовок, с большим мастерством раскрытая академиком Р. Ю. Виппером в книге «Возникновение христианской литературы».

В 1873 году в Константинополе была найдена рукопись «Учение двенадцати апостолов», получившая сокращенное название «Дидахе» (от первого слова ее греческого названия). Написана она была не позже начала II века н. э., но почему-то не вошла в евангелия.

Так вот в «Дидахе», в главах XII—XIII, этот моральный принцип подробно сформулирован, притом в полном соответствии с реальным бытом групп ремесленных мастеров того времени, подчинявшихся законам трудовой повинности. Из «Дидахе» этот принцип, более кратко и поверхностно, был в дальнейшем скопирован во Втором послании к фессалоникийцам (гл. 3, ст. 10) и вошел в Библию.

А в дальнейшем рабовладельцы, помещики или капиталисты, будучи верующими христианами и зная, что нигде в евангелии нет ни одного слова об освобождении рабов на земле (а не на небе!), но не раз говорится о лени рабов, трактовали, в силу апперцепции, это изречение в том смысле, что не надо-де досыта кормить раба, крепостного или рабочего, так как все они, конечно, лентяи. Отсюда же делался — а кое-кем и до сих пор делается — вывод: раз человек не может себя и семью прокормить, значит, он плохо трудится и, значит, он вообще неполноценный. Известно широко распространенное в господствующем классе США убеждение, что в Америке только лентяй не может стать миллионером.

И эта созданная социальными условиями апперцепция укрепляла религиозную психологию, в свою очередь укрепляясь авторитетом религиозной идеологии.

Апперцепция

Апперцепция, о которой шла речь в предыдущем рассказе, вообще играет весьма существенную роль в религиозной психологии. Стоит вспомнить стихотворение А. С. Пушкина «Вурдалак». Помните?

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой
Весь в поту от страха бледный,
Чрез кладбище шел домой.
Бедный Ваня еле дышит;
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит —
Кто-то кость, ворча, грызет.
Ваня стал — шагнуть не может.
Боже! Думает бедняк,
Это, верно, кости гложет
Красногубый Вурдалак.
Горе! Малый я не сильный:
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.
Что же? Вместо Вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

Сила закона апперцепции очень велика, а число случаев ее проявления в психологии религии поистине необозримо. Ведь оценка всех примет и гаданий и вера в них всегда связаны с апперцепцией. Более того, она непрекрыто узаконена религиозными канонами и догмами.

Как делаются догмы

Вера и догма также немыслимы друг без друга, как две стороны монеты. Христианство стало догматическим в 325 году, когда на Никейском соборе был принят так называемый никейский символ веры и в 381 году на Константинопольском соборе 12 догм были признаны «во веки неприкосновенными и неизменными».

Догма — слово греческое, в древней Греции так называли государственные указы. В христианстве догма определяется как положение, принимаемое на веру без доказательства.

Догмы могут быть не только в религии, но религия без догм быть не может. Психологически в догматизме проявляется некритичность и шаблонность мышления. Наука враждебна догматизму во всяком его виде и проявлении, потому она враждебна и религии.

Чем, например, как не узаконенной апперцепцией, являлась провозглашенная Ватиканским собором в 1870 году анафема тому, «кто будет говорить, что человеческие науки должны быть развиваемы в таком духе свободы, чтобы позволено было считать их утверждения истиной даже в том случае, когда они противоречат богооткровенному учению». Иными словами, оценка достижений наук, с точки зрения Ватикана, должна производиться только с точки зрения соответствия их «богооткровенному учению».

Правда, современная религия несколько иначе относится к науке, но об этом еще будет идти речь.

Хотя религиозная догма провозглашается божественной, устанавливается она, конечно, людьми и отражает самые что ни на есть земные интересы церкви. Это очень ярко было продемонстрировано на XXI Вселенском соборе католической церкви в 1964 году, в частности при обсуждении восьмой, посвященной богородице, главы схемы «О церкви». Сутью спора была борьба за «подчищенную» религию, более приемлемую для сознания среднего человека буржуазных стран. Но принял спор форму обсуждения места богородицы в христианской догматике и свелся к обсуждению ее титула. Причем все прилагательные, а недостатка в них не было, один за другим раскритиковывались обновленцами, стремящимися стереть грани между католиками и протестантами.

Интересно, что прилагательное, называющее ее «соискупительницей» (т. е. участвующей в искуплении совместно с Христом), было отвергнуто в силу того, что этот титул устраняет «бесконечную дистанцию» между богом и человеческой девой.

Предложение назвать ее «посредницей» было раскритиковано как двусмысленное. Предложение «поместить ее между Христом и церковью» было отвергнуто после сравнения с... акведуком. Совсем анекдотичные, но весьма резонные возражения были выдвинуты обновленцами против названия богородицы «матерью церкви». В богословии церковь считается матерью христиан, а если мадонну объявить матерью церкви — это значит согласиться с тем, что верующим она доводится... бабушкой. Но папа

Павел VI не принял во внимание этого соображения и в речи при закрытии собора провозгласил все-таки деву Марию «матерью церкви».

И дело не просто в том, что ей надо было дать какой-нибудь титул. Красноречивой и благочестивой и благоговейнейшей молитвой в ее честь папа посрамил обновленцев и поддержал экзальтированных почитателей мадонны, в основном итальянцев, испанцев и португальцев.

Зато на этом соборе, по инициативе обновленцев, было принято решение не чинить особых препятствий при браках католиков не только с христианами-некатоликами, но даже и с некрещеными. Также уменьшен был срок поста перед обрядом причащения до... одного часа!

Так религиозная догматика глубоко перестраивается в соответствии с духом времени и требованиями жизни.

Теплой заступнице мира холодного

Мама!

Это первое слово, которое обычно ребенок начинает говорить. Мать, кормящую его, он первую узнает, ей дарит свою первую улыбку. И все же человечество давно поняло, что любовь матери к детям более крепка и сильна, чем детей к матери.

Даже птенцы стремятся вылететь из гнезда раньше, чем у кормящей их матери затормозится инстинкт кормления.

Самки животных инстинктивно заботятся о потомстве, только пока оно не выросло; материнская любовь человека, подкрепленная условнорефлекторными эмоциями и эмоциональной памятью, никогда не гаснет. В этой любви большую роль играет чувство победы. Вы́носить, родить, вырастить и воспитать ребенка — сколько в этом побед матери, не забываемых ею никогда. Именно потому свой ребенок всегда кажется матери «лучше всех».

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя...

Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости, и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Так писал о материнской любви Н. А. Некрасов. Но чувства, описанные им в этих стихах, свойственны всем временам и народам.

Чувство любви детей к матери и по содержанию и по происхождению родственно благодарности. Муж закономерно привносит в свое чувство к жене любовь своих детей к ней и свою любовь к своей матери. В образе матери люди давно представляют родину и переносят на нее свои чувства к матери: любви и благодарности.

Чувство любви к матери нашло свое преломление и в религиозном чувстве, и потому его можно рассматривать как один из психологических корней религиозного чувства.

Ребенок, будь то ребенок первобытных людей или людей двадцатого столетия, привыкает опираться на защиту матери, чувствовать ее заступничество даже перед отцом, повиноваться ее воле, верить (в точном смысле этого слова) в ее могущество, в ее надежность. Когда человек становится взрослым, эмоциональная память сохраняет эти чувства, у одних более цельно, у других — обломками. Эти чувства подросток может перенести на духов, богов, о которых он слышал от старших. И они закрепляют у него идею о богах-заступниках.

Культ богоматери в христианстве наиболее отчетливо выявляет этот корень религиозной психологии. Недаром величайшие художники человечества всегда использовали образ мадонны, чтобы запечатлеть земную человеческую любовь женщины к своему ребенку. Но чаще они использовали образ материнской любви для изображения мадонны.

Вера против науки

Что наука и религия непримиримы, еще недавно провозглашали сами богословы. Более того, это впервые было сказано ими. Ведь именно папе Павлу II принадлежат слова, сказанные в середине XV века:

— Религия должна уничтожить науку, ибо наука — враг религии.

М. В. Ломоносов в своем «Письме о пользе стекла» писал:

Под видом ложных сих почтения богов
Закрыт был звездный мир через множество веков,
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры.

Здесь надо было бы дать целый ряд рассказов об астрономе Галилео Галилее, которого духовный суд в 1633 году заставил отречься от идеи о вращении Земли; о философе Джордано Бруно, которого духовный суд восемь лет держал в тюрьме, а потом в 1600 году публично сжег за его научные труды на костре. Надо было бы рассказать истории гибели Сократа, Гипатии, Улугбека, не забыть и о Сервете, Везалии. И еще о многих, многих других, имена и дела которых сейчас чтятся всем прогрессивным человечеством.

Но я ограничусь несколькими менее известными примерами.

Папа Пий IX в 1864 году издал «Список заблуждений», в котором подверг проклятию все демократические свободы, научные открытия, социализм и коммунизм.

XX Вселенский собор в Ватикане в 1869—1870 годах провозгласил: предать анафеме всякого, кто будет считать утверждения науки истиной тогда, когда они противоречат религиозному учению.

В 1929 году в Ватикане был составлен новый большой список выдающихся деятелей культуры, книги которых строжайше запрещались для верующих. В этом списке имена Вольтера, Бальзака, Гейне, Л. Н. Толстого, Золя...

Совсем недавно папа Пий XII, неоднократно выступавший с заявлением, что «церковь — друг науки», отметил, что «церкви приходится вмешиваться в

науки, чтобы предостеречь их от ошибок против веры». Он под угрозой отлучения от церкви запретил верующим католикам чтение коммунистической литературы.

Видимо, многие еще помнят прошумевший на весь мир «обезьяний процесс» в Америке, когда в 1925 году учителя Скопса в штате Теннесси судили и заключили в тюрьму за преподавание дарвинизма. В штате был принят закон, запрещающий преподавание дарвинизма на том основании, что он отрицает догму о божественном сотворении мира.

Но наиболее последовательным все-таки был папа Григорий IX. Он специальной декреталией в 1231 году запретил мирянам чтение... «священного писания». Слушай, что тебе говорят, верь, а сам не рассуждай даже над «священным писанием».

Но теперь времена не те. В последние годы отношение отдельных религиозных людей и религии в целом к науке начинает существенно меняться. Верующие начинают понимать, что спорить с выводами науки нелепо, и всякие «обезьяньи процессы» и анафемы еще более губят авторитет религии.

Потому церковь в последнее время ищет пути примирения религии с наукой, пути использования науки для укрепления религии. Вместе с тем некоторые буржуазные ученые в своей борьбе с марксизмом и коммунизмом пытаются опереться на различные проявления религиозного сознания (иногда пассивности, иногда фанатизма и т. д.)

Иными словами, сейчас отмечаются взаимные попытки контакта религии и науки, но в ее наиболее реакционных формах.

Но это только новый этап смертельной, непримиримой борьбы как науки с религией в общественном сознании, так и научного мировоззрения, опирающегося на знания и мышление, с религиозной психологией, опирающейся на веру, в сознании отдельных людей. Эмоции могут помешать мышлению, но только временно. В конечном итоге у здорового человека всегда мышление берет верх над эмоциями.

Исход этой борьбы предопределен. Там, где наука делает шаг вперед, религия отступает.

«Не верю»

Под таким заголовком 25 апреля 1964 года в «Литературной газете» была опубликована статья, опровергающая опыты ученых над так называемым «феноменом Розы Кулешовой».

Советский журналист, увы, забыл, что не только вера враждебна знанию. Неверие, являющееся по существу проявлением веры, но с отрицательным знаком, также враждебно знанию.

— Вера и неверие — это лишь различные стороны одного и того же психологического факта... Напротив, в сомнении мы видим сильный, хотя и временный, разрыв со всякой верой,— писал в 1902 году богослов П. П. Соколов. И это верно.

А. П. Чехов в рассказе «Письмо к ученому соседу», высмеивая безграмотное и самонадеянное неверие в науку, написал от имени невежды Василия Семи-Булатова крылатые слова, ставшие формулой неверия:

— Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда.

Но есть еще одна формула неверия, отождествляющая его с верой.

— Защищая свой разум против такого сумасшествия, человек должен иметь веру, крепкую как алмаз, так, что, даже будучи не в силах объяснить фокус, с помощью которого была достигнута иллюзия, он при всех обстоятельствах должен оставаться при своем убеждении, что в целом вся штука есть ложь и невозможность.

И та и другая формула неверия — это не что иное, как проникновение религиозной психологии в науку. Никакой принципиальной разницы с формулой Семи-Булатова здесь нет. И тут и там вера подменяет знание. И та и другая формула противна науке и тормозила ее развитие, ибо агностицизм, т. е. признание непознаваемости чего бы то ни было,— это элемент религиозной психологии.

Представитель науки не может сказать:

— Не верю!

Так же как он не может сказать:

— Верю!

Он может сказать:

— Знаю!

Или:

— Не знаю, но должен узнать! Проверить.

Вот почему я никогда не говорю, что «не верю в бога». Я знаю, что его нет, что он выдуман людьми, и знаю, почему идея о боге появилась у людей. И почему она так долго держится.

В этой гипотезе я не нуждался!

Когда астроном Лаплас преподнес Наполеону свою книгу «Изложение системы мира», тот сказал ему:

— Господин Лаплас, Ньютон в своей книге говорил о боге, в вашей же книге, которую я уже просмотрел, я не встретил имени бога ни разу?

— Гражданин Первый консул,— ответил Лаплас,— в этой гипотезе я не нуждался!

В этом диалоге, который сохранила нам история, очень отчетливо проявляется столкновение религиозной психологии с психологией ученого, для которого идея бога является ненужной ему гипотезой.

Не отрицать, а давать замену!

Кончилась гражданская война, и начиналась культурная революция. В Харькове, тогда столице Украины, группа передовых ученых организовала научно-просветительное общество, получившее название «Институт распространения естествознания», сокращенно — ИРЕ.

Группа ученых-энтузиастов различных специальностей (не могу не назвать зоолога И. К. Тарнани — бессменного председателя правления ИРЕ, его заместителя ботаника В. В. Стахорского, географа А. М. Покровского, астрономов Н. П. Барабашева и Б. П. Остащенко-Кудрявцева, гидробиолога М. П. Маркова, энтомолога Г. В. Каховского, охотоведа П. В. Толкачева, гистолога В. В. Шмельцера,— всех не перечислишь!) и объединявшаяся вокруг них молодежь не только создали в особняке, который выделил институту Наркомпрос, «музей местной природы»

(термин «краеведение» тогда еще не был в ходу), но, главное, организовали там систематические лекции «по мироведению». Афиши рисовала и расклеивала молодежь, и большой зал особняка всегда был полон. Лекции читались и на заводах, в учреждениях, домах отдыха. Даже в ночлежном доме!

Мы вели большую антирелигиозную работу (я пишу «мы», потому что, начав в 1921 году работать в ИРЕ препаратором, я получил в 1924 году право читать лекции и был избран секретарем правления). На лекциях, на которые очень часто приходили верующие, бывало, вспыхивали горячие споры; иногда организовывались специальные дискуссии.

Нашим лозунгом в антирелигиозной работе были слова, поставленные заголовком этого рассказа. Эта мысль сформулирована и подробно обоснована мною в 1926 году в статье «Работа ИРЕ в области антирелигиозной пропаганды» в антирелигиозном сборнике, выпущенном ЦК КП(б) Украины.

Я уверен, что лекции этих известных в Харькове ученых сыграли бóльшую роль в антирелигиозной работе, чем доклады малоподготовленных лекторов на тему «Есть ли бог?», на которые, понятно, ни один верующий не приходил, а собиравшаяся молодежь получала не научные сведения, вытесняющие религиозные представления, основанные на чувстве, а только плохо обоснованное отрицание религиозных представлений.

Нам уже тогда было ясно, что в структуре религиозной психологии чувство веры занимает главное место. Мы понимали, что всякое чувство всегда гораздо легче вытесняется другим чувством, чем «опровергается» логическими доводами. Обставляя высококвалифицированные лекции показательными опытами, демонстрацией диапозитивов, мы вытесняли слепое чувство веры чувством интереса, стремления к познанию, гордостью за науку.

Откровенные признания

Для тех, для кого религия была только продуктом невежества, всегда неразрешимым был вопрос: почему же некоторые ученые верят в бога?

А они верят.

И верят притом далеко не единицы.

В начале нашего века французский философ Леруа (тот самый, которого громил Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме») установил, что среди известных биологов — религиозных 18%, а среди физиков, химиков и психологов — 30%. В 1927 году в США были опубликованы сведения, что из американских ученых верят в бога: физиков — 50%, биологов — 39, психологов — 32, социологов — 29%.

Тот факт, что многие ученые в прошлом в той или иной форме верили в бога — а ряд буржуазных ученых и поныне продолжает в него верить,— говорит о том, что человек не только продукт своего образования, но прежде всего продукт среды, в которой он живет и воспитывается. Вот несколько откровенных признаний, помогающих лучше понять психологию этих ученых.

— Вера нам нужна, мы ее ищем. Нужно что-то спокойное, что поддержало бы нас в этом пестром хаосе повседневной жизни, на что мы могли бы опереться,— говорил физик Макс Планк.

— Я признаю необходимость религии, сказками обманывающей воображение человеческой скотины, которую стригут. Нужно, чтобы рабочие верили, что нищета — это золото, на которое можно купить небесное спасение, и что всеблагий бог ниспосылает им нищету для того, чтобы предоставить им в наследство царство небесное,— говорил знаменитый физиолог Поль Бер.

— Только на основе веры в бога возможно выступать против теории классовой борьбы, возникшей в конечном счете из безбожия. Вера в бога дает нам для этой борьбы такую силу, что не потребуется никакой другой помощи. Из веры в бога, и только из нее, вытекают все взгляды и условия, необходимые для преодоления теории классовой борьбы,— открыто заявлял экономист Зомбарт.

Даже страстный борец с церковью Вольтер, которому принадлежат слова в ее адрес — «раздавим гадину!», рассматривал веру в бога как своего рода узду для народа. Этот взгляд привел его к мысли:

— Если бы бога не было, его следовало бы выдумать!

Однажды за ужином в присутствии Вольтера д'Аламбер и Кондорсе стали защищать атеизм; тогда «фернейский патриарх» поспешно удалил из столовой прислугу, а после этого сказал:

— Теперь, господа, вы можете продолжать ваши речи против бога; я не желаю, чтобы мои слуги зарезали и обокрали меня нынешней же ночью, поэтому я предпочитаю, чтобы они вас не слушали.

Этот случай приводит Г. В. Плеханов со слов Маллэ дю Пана. Если верить Генриху Гейне, то и Кант считал, что для его лакея Лампе необходима вера в воздушные замки на небе.

Нельзя не согласиться с Бертраном Расселом, который, сообщив о выступлении крупных физиков и биологов с заявлением, что новые завоевания науки якобы опровергли старый материализм и содействовали восстановлению религиозной истины, делает вывод:

— То, что они заявили для поддержки традиционных религиозных верований, они сказали не в своем ученом качестве, а скорее в качестве граждан, заботящихся о защите частной собственности.

Верил ли в бога Павлов?

Академик И. П. Павлов, создатель завоевавшего весь мир учения о высшей нервной деятельности, был сыном рязанского протоиерея и внуком сельского дьячка и, следовательно, вырос в религиозной семье. Известно, что иногда он со своей женой, Серафимой Васильевной, ходил в церковь. Отсюда пошел до сих пор еще поддерживаемый церковниками слух, что Иван Петрович якобы был верующим человеком.

Но это полностью опровергается его собственными, совершенно недвусмысленными словами.

— Я ведь сын священника, вырос в религиозной среде, однако, когда я в 15—16 лет стал читать разные книги и встретился с этим вопросом, я переделался,— говорил он на одной из «клинических сред».

И это не было случайной фразой. В другое время,

раньше, он высказал эту мысль почти теми же словами:

— В 14—15 лет я прочел Чернышевского и был поражен реальностью и силой мыслей, и я в три дня переделался.

Вопреки желанию отца, он из семинарии перешел на естественный факультет университета. Своей невесте он прямо писал:

«Сам я в бога не верую и никогда не молился».

Вот несколько высказываний о Павлове его учеников. Ближайшая сотрудница и друг его Мария Капитоновна Петрова писала:

«Я в течение 25 лет находилась в постоянном контакте с ним, много раз слышала его высказывания по этому вопросу. Он, конечно, был атеист и иным быть не мог».

Л. Н. Федоров рассказывал, что один слушатель задал Ивану Петровичу такой вопрос:

— Уважаемый Иван Петрович! Я приехал за две тысячи верст, чтобы спросить у вас, есть ли бог?

И Павлов ответил:

— Если вы у себя поблизости не нашли подтверждения существования бога, то какая у вас уверенность в том, что вы найдете это подтверждение вдали за две тысячи верст? Глупо на это тратить время.

Вся суть разработанного Павловым учения о высшей нервной деятельности, вся суть его непримиримой драки с идеалистами — психологами и физиологами несовместима с религиозным мировоззрением.

Жена Ивана Петровича, религиозный человек, также сказала у его могилы, что Иван Петрович был неверующим и что вся его работа была направлена к отрицанию религии. Ведь только из уважения и любви к ней он соблюдал известную видимость религиозных обрядов. Так, на одной из «сред», накануне праздника пасхи, он сказал:

— Наступают каникулы, я человек неверующий, но я привык к определенному жизненному стереотипу и в лабораторию ходить не буду, а кто хочет, может ходить или не ходить.

Большой интерес представляет следующее высказывание Ивана Петровича о происхождении

религии, полностью совпадающее с марксистскими взглядами:

— Когда человек впервые превзошел животное и когда у него явилось сознание самого себя, то ведь его положение было до последней степени жалкое: ведь он окружающей среды не знал, явления природы его пугали, и он спасал себя тем, что выработал в себе религию, чтобы как-нибудь держаться, существовать среди этой серьезнейшей, могущественнейшей природы.

Павлов глубоко и правильно объяснял проявления религиозности больных:

— Мне казалось бы (и это вполне естественно), что раз человек обижен жизнью, раз у него несчастье такое, что нет надежды на счастье, благополучие и т. д., то что тут удивительного, что человек обращается к религии и рассчитывает на помощь свыше.

А вот что сказал Иван Петрович Павлов по поводу другой больной:

— Тогда, конечно, будешь от такой дрянной действительности больше удаляться, будешь мечтательной, будешь религиозной, потому что религия существует не для радостных, для веселых; в жизни она не нужна, это присказка, а для таких она какая-то надобность, это выход известный.

Я думаю, что сказанного достаточно, чтобы получить правильное представление о взглядах на религию И. П. Павлова.

Ignoramus или ignorabimus?

— Можно с правом сказать, что неудержимый со времен Галилея ход естествознания впервые заметно приостанавливается перед высшим отделом мозга или, общее говоря, перед органом сложнейших отношений животных к внешнему миру. И казалось, что это — недаром, что здесь — действительно критический момент естествознания, так как мозг, который в высшей его формации — человеческого мозга — создавал и создает естествознание, сам становится объектом этого естествознания. Так начал Иван Петрович Павлов свой доклад «Естествознание и мозг» в

1909 году на съезде естествоиспытателей и врачей. Это был гимн непререкаемой мощи науки.

Этим Павлов продолжил жаркий спор, который начал в конце прошлого века немецкий естествоиспытатель Эрнст Геккель с Эмилем Дюбуа-Реймоном. Спор вошел в науку под названием, которое я дал этому рассказу.

В 1872 году физиолог Дюбуа-Реймон свою публичную речь «О границах познания природы» закончил словами:

— В отношении к загадкам телесного мира естествоиспытатель давно уже привык с мужественным ограничением высказывать свое ignoramus (не знаем.— *К. П.*). По отношению к загадкам, что такое материя и сила, и каким образом они могут мыслить, он раз и навсегда должен решиться на гораздо более тяжелое признание, выраженное приговором ignorabimus (не узнаем.— *К. П.*).

Эрнст Геккель горячо возражал Дюбуа-Реймону и его сторонникам, активно борясь против тезиса ignorabimus. Его книга «Мировые загадки» «пошла в народ». «Популярная книжечка сделалась орудием классовой борьбы»,— говорил о ней В. И. Ленин, высоко ее ценивший.

И Дюбуа-Реймон и Геккель оба говорили о семи «мировых загадках», две из которых относятся к физике, две — к биологии и три последних — к психологии:

1) сущность материи и силы;
2) происхождение движения;
3) происхождение жизни;
4) целесообразность природы;
5) возникновение ощущения и сознания;
6) возникновение мышления и речи;
7) свобода воли.

Но Геккель страстно и убедительно доказывал, что о них о всех можно сказать только: пока не знаем. И в этом споре, конечно, он был прав. Недаром против него ополчились все темные силы церковников, не остановившиеся ни перед ложью и клеветой, ни даже перед покушением на его жизнь.

— Не знаем, но узнаем,— говорили Геккель и Павлов.

Павлов с возмущением говорил о буржуазных психологах-идеалистах:

— У них, по-видимому, имеется желание, чтобы их предмет оставался неразъясненным, вот какая странность!

Великий русский биолог Климент Аркадьевич Тимирязев также горячо спорил с учеными, разделявшими взгляды Дюбуа-Реймона, адресуя им негодующие слова:

— Какой-то мистический экстаз невежества, бьющего себя в грудь, радостно причитая: «Не понимаю! Не пойму! Никогда не пойму!»

Из сказанного видно родство идеалистической философии и религии. Так было с самого начала их появления и так будет до полного ухода их обеих в прошлое.

То, что для Дюбуа-Реймона было загадкой, современным психологам в значительной степени уже понятно. И именно поэтому возникает множество дополнительных вопросов.

Наши знания можно сравнить с расширяющейся сферой. Чем шире сфера, тем больше точек ее соприкосновения с еще неизвестным. Увеличение сферы знания приводит к появлению новых нерешенных проблем. Когда объем знаний увеличивается, решаются и они.

Коммунизм и вера

Буржуазные ученые нередко называли и сегодня нередко называют учение о коммунизме религией. Но и от советских людей иногда можно услышать:

— Коммунизм — моя религия!

У первых это скрытая идеологическая диверсия, проявление их антикоммунизма. У вторых — неправильное выражение своих мыслей, а иногда, возможно, и отголосок старых ошибок А. В. Луначарского и Горького.

Полную ясность в этот вопрос внес в 1909 году Ленин.

«Можно ли при всех условиях,— писал он в статье «Об отношении рабочей партии к религии»,— одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: «со-

циализм есть моя религия» и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет. Отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятнее, чтобы начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начинает проповедовать «богостроительство» или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К⁰). Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придиркой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы «педагогического» воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: «социализм есть религия» для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии».

Когда же человек говорит: «Я верю в коммунизм!» — это не значит, что коммунизм является для него религией. К этим словам относится все сказанное выше об уверенности, о доверии человеку. Мы верим в коммунизм потому, что знаем законы развития общества. Это не та вера, которая враждебна знанию, а это чувство уверенности, полностью опирающееся на знание. Психологически здесь все ясно и понятно.

Полная ясность

В газету Французской коммунистической партии «Юманите» пришло письмо.

«Как и вы, я являюсь горячим защитником рабочего класса и все более решительным противником капитализма,— писал его автор.— Как и вы, я считаю, что коммунизм или экономический социализм — это самая справедливая, самая плодотворная и самая способная сделать людей счастливыми и братьями система. Но я христианин и являюсь все более убеж-

денным верующим. Поэтому я задаю вам серьезный вопрос:

— Совместимы ли коммунизм и христианство? Если бы мы могли объединиться, но очень искренне и без задних мыслей, на основе подлинного взаимного уважения...

Несомненно одно: мы горим одной и той же любовью — любовью ко всем людям.

В таком случае не можем ли мы договориться друг с другом, чтобы построить на земле лучший мир?»

Редакция газеты, опубликовав 7 сентября 1966 года это письмо, ответила на него так:

«Можем ли мы, коммунисты и христиане, договориться друг с другом, чтобы построить на земле лучший мир? Ничто не кажется нам более желательным. Таков смысл политики «руки, протянутой католикам», которую уже несколько лет проводит наша партия. Не только нет никакой несовместимости, мешающей осуществить это согласие, но оно даже кажется нам необходимым, для того чтобы подготовить демократическое будущее.

Однако такое согласие отнюдь не означает какое-то совпадение философий. Мы являемся материалистами. Мы намерены оставаться материалистами, точно так же как вы, несомненно, хотите оставить неприкосновенным свой идеал христианина. Взаимное уважение, которое мы должны проявлять друг к другу, требует полной ясности».

Я с интересом прочел все это. Не потому, что считал возможным оценивать политику «руки, протянутой католикам», а потому, что в этом диалоге для меня, как психолога, были важны две стороны вопроса: может ли верующий быть активным участником строительства коммунизма?

С одной стороны, конечно, может. Ведь и в начале книги я писал уже, что подавляющее большинство наших верующих — это советские люди, не щадившие себя во время Великой Отечественной войны, совершающие трудовые подвиги и принимающие активное участие в строительстве коммунизма.

Но с другой стороны, необходимо помнить, что

мировоззрения верующего и атеиста принципиально различны. Мировоззрение атеиста — это последовательное научное мировоззрение, в то время как мировоззрение верующего антинаучно, непоследовательно. Строительство коммунизма не только опирается на научное мировоззрение, но и требует его. Человек с религиозной психологией может быть участником, иногда даже очень полезным и активным, но никогда не сможет идти в авангарде строителей коммунизма. Его антинаучное мировоззрение, если не в одном, то в другом, его обязательно подведет.

Вот та полная ясность, которая, по моему мнению, должна быть внесена в этот вопрос.

Принятие веры

Взрослый человек, приобщаемый к той или иной религии, или, как принято говорить на языке верующих людей, «принимающий веру», всегда подвергается соответствующим ритуалам. Так, при принятии христианства совершается «таинство крещения», при принятии иудаизма — обрезание.

Психологически близок к этим ритуалам постриг монахов, посвящение в масоны, коронация и ряд подобных обрядов. Все эти обряды имеют много общих, исторически преемственных, гомологических ритуалов, уходящих своими корнями к посвящению подростка в воины — инициациям. А вот инициации возникли в ряде случаев, исторически независимо друг от друга, как этнографические аналогии.

Мы не знаем, как происходили инициации в каменном веке, но мы знаем, что у австралийцев и у более высокоразвитых народов посвящение подростков в воины связано не только с ритуалом его испытаний, но и с ритуалами приобщения его к тайнам племени. Посвящаемому рассказываются ранее скрываемые от него священные тотемические мифы, а при более сложных формах религии — мифы о племенных богах и героях.

В сознании подростков, подвергающихся инициации, происходит перелом, переживаемый как

некое священное таинство. Вполне понятно, что, когда подросток состарится и будет совершать ритуалы инициации с подросшим новым поколением, эмоциональная память восстановит эти переживания, и он искренне будет считать, что передает молодому воину нечто таинственное и священное, ранее полученное им самим.

В сочетании с магической верой и под влиянием дифференциации общины, выделения в ней привилегированных вождей, колдунов и особенно опытных мастеров и проявления идеи о духах у меланезийцев, например, эта вера приобретает форму идеи о некой безликой сверхъестественной силе — мана. Поэтому у некоторых меланезийцев таинство инициации усложняется ритуалом посвящения в тайный мужской союз, отражающий дальнейшее разложение первобытнообщинного строя и появление кастового уклада.

В качестве этнографической аналогии вере меланезийцев в мана и их ритуальными посвящениями в тайные мужские союзы можно указать на веру североамериканских индейских племен: ирокезов — в аренда; сиу — в аканда; алгокинов — в маниту. Их тайные союзы иногда принимали форму союза шаманов, иногда же формировались по возрастному принципу. У ирокезов был тайный союз Ложных лиц, во главе которого стояла женщина, которую все знали, а входящих в союз мужчин не знал никто, кроме нее, и они не знали друг друга. Члены союза были шаманами, но лечили больных (по приказу женщины, возглавлявшей союз) только в масках. Широкое пользование ритуальными масками самыми различными племенами и народами всех стран мира — это тоже этнографическая аналогия.

В иудаизме, в исламе и христианстве приобщение к религии с подросткового возраста было перенесено на первые недели после рождения ребенка, но многие ритуалы инициации при этом сохранились: произнесение заклинаний, обрезание, отрезание волос, погружение в воду и т. д.

— Уверенность в том, что между богом и душой действительно установились какие-то сношения, представляет собой центральный пункт всякой живой религии,— писал в 1902 году психолог-идеалист, к тому же верующий в бога, Уильям Джемс. А несколько дальше он писал:

— Боги и вероучения различных религий, конечно, противоречат друг другу, но существует однообразное явление, общее всем религиям: это *душевное освобождение.*

Джемс был не прав, когда в обоих высказываниях говорил о всех и всяких религиях. Но в отношении многих он прав.

Душевное освобождение, молитва, благодать духа, откровение, религиозный экстаз — все это эмоциональные состояния, которые являются предметом изучения психологии религии. Посмотрим, как их понимают сами богословы.

«Откровение — это проявление высшего существа в нашем мире с целью сообщить нам более или менее полную истину о себе и о том, чего оно от нас требует»,— писал один из них.

«Экстаз — это освобождение души из-под гнета чувственной природы и впечатлений внешнего мира»,— писал другой.

«Благодать духа,— говорят хлысты,— наливает нас как бы пивом; от сего благостного пива сердце наше наливается веселием духа».

Как же все эти состояния понимает современная психологическая наука? Все эти состояния — это различные проявления религиозного чувства различных ступеней — от слабо выраженного настроения до аффекта с помрачением сознания. Физиологически они всегда связаны с торможением коры головного мозга, вызываемым возбуждением подкорки. Психологически они связаны с так называемой эйфорией, проявляющейся в снижении критики и в приподнятом настроении.

Эйфорию хорошо знают психиатры, лечащие алкоголиков. Это состояние, когда «пьяному море по колено». Авиационные врачи наблюдают другой ее

вид в барокамере при кислородном голодании. У парашютистов она наблюдается в первые минуты после удачного приземления. Содержание всех этих видов эйфории различно, но механизм их общ.

Религиозные люди часто говорят о «сопричастии с бесконечным духом», «вхождением в себя», «внедрении в душу благости» и т. д. Все эти чувства не выдумка, а результат смены противоположных чувств, а иногда и одновременного наличия противоположных чувств (амбивалентности) и эйфории, доходящих иногда до экстаза.

В зависимости от особенностей личности (темперамента, культурного уровня и т. д.) эти чувства, как и вообще любые другие чувства, например нравственные, эстетические, каждым переживаются посвоему. А верующие называют их по-разному, применяясь к существующей в их религии терминологии. Потому даже эмпирические их классификации не имеют, понятно, никакого научного смысла.

При описании откровения богословы часто говорят об интуиции, вкладывая в это понятие, конечно, идеалистическое содержание, отождествляя ее с «откровением» и понимая под ней внечувственное и подсознательное познание мира. Правы они только в том, что те эмоциональные явления, которые они описывают как откровение, действительно иногда (однако далеко не всегда) бывают связанными с интуицией.

Интуиция — это обобщение ряда мелких, трудно учитываемых явлений, производимое приторможенными участками коры головного мозга на основании накопленных там следов предшествующего большого опыта деятельности в той или иной области. Интуитивное мышление мало осознано, поэтому плохо контролируется и часто бывает ошибочным.

Опытный врач иногда может поставить диагноз и не обследуя больного, и притом «сам не зная как», а по существу, на основании мелких, даже не всегда осознанных им симптомов, т. е. по интуиции. Подобные случаи бывают и у знахарей. И если такой диагноз подтверждался дальнейшим течением болезни, у самого знахаря и у окружающих укреплялась вера в божественное откровение, полученное им.

Обоготворение

— Бог мне открылся в природе. На лугу, покрытом яркими цветами, когда высоко в небе поет жаворонок, а кругом гудят пчелы и сияет солнце, меня охватывает благоговение перед творцом. А ночью летом, когда спишь в саду и видишь над собой миллионы звезд, чувствуешь, что в каждом из этих миров — частица бога и вся природа — божество! Или на берегу моря, безбрежного и необъятного, когда тихо набегают волны и шуршат камушки; или когда море разыграется и грозные валы мчатся на берег... Я растворяюсь в этой красоте, и душа моя сливается с богом!

Разве не бог открывается нам в звуках Шестой симфонии Чайковского или Девятой — Бетховена? Разве можно, слушая эти небесные звуки, думать о мирских делах, о крикливой соседке или текущей крыше?!.

Мысль о боге поднимает меня и дает мне силы не поддаваться земным тяготам и земной суете!..

Так писала мне одна религиозная читательница моих книг. Ответить ей было нетрудно.

В ее сознании смешались два чувства: эстетическое, так хорошо ею же описанное, и религиозное, которым она неоправданно подменяет первое. Но смешение и подмена этих чувств свойственны не ей первой и, увы, еще не ей последней. Именно оно и являлось одним из психологических корней не только анимизма и пантеизма, но и поэтического вдохновения. Помните прекрасные и вдохновенные стихи Лермонтова?

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу,
Про мирный край, откуда мчится он,—
Тогда смиряется души моей тревога,

Тогда расходятся морщины на челе,—
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

В этих словах, как и во всяком обоготворении, проявляется близость, но не тождество психологии религии и психологии искусства. Вряд ли можно упрекнуть Лермонтова в пантеизме, и тем более в идеалистическом пантеизме. И ведь никто не поймет эти стихи так, как будто у Лермонтова была религиозная галлюцинация — изображение бога на небе. Тем и интересны эти стихи, что они очень отчетливо говорят о переживании человека, боготворящего природу.

Вдохновение

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.
И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.

О психологической сущности творчества и вдохновения лучше этих слов Пушкина никто еще не сказал. Но вместе с тем неосознаваемость вдохновения всегда вызывала религиозные суеверия и предрассудки, и вдохновение понималось как проявление откровения, как «божественный экстаз». Но это не так, хотя вдохновение в своем эмоциональном компоненте может доходить до экстаза.

Вдохновение — это подъем сил и способностей человека в процессе его творчества, характеризующийся ясностью сознания и связанный с появлением потока мыслей и образов, с быстротой и высокой продуктивностью мышления.

«Вдохновение обычно возникает в процессе упорного напряженного труда. Вдохновение ошибочно считают возбудителем работы. Вероятно, оно является в процессе успешной работы, как следствие ее»,—

правильно говорил Горький. Но и Пушкин не говорит, что вдохновение кончается, когда на бумагу излиты первые варианты мыслей. Отнюдь нет! Вся последующая работа над совершенствованием может идти со все возрастающим подъемом. Петр Ильич Чайковский говорил, что вдохновение — это такая гостья, которая не любит посещать ленивых.

Однако вдохновение нельзя отрывать и от потребности творчества. «Тот, в ком сидит душа композитора, пишет потому, что не может не писать»,— сказал Моцарт.

Связано вдохновение и с фантазией. «Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...» — писал Ленин.

Фантазия есть частный случай воображения, а воображение — это психический процесс, состоящий в создании новых образов на основе переработки прошлых восприятий. Как ни своеобразны образы фантазии, они всегда группируют ранее известное: избушка — на курьих ножках; сфинкс — крылатый лев с головой женщины; кентавр — лошадь с торсом и головой мужчины.

Ни один художник не мог бы творить, не опираясь на фантазию. Она помогает представить то, что не поддается непосредственному восприятию.

Экстаз

Любая эмоция может проявляться как не резко выраженное настроение, окрашивающее определенным тоном иногда не только дни, но и месяцы жизни человека. Но эта же эмоция может по своей силе доходить до аффекта, хотя и кратковременного, но ломающего всю нормальную психическую деятельность. Недаром аффект образно сравнивают с ураганом. Высшая по силе его форма, так называемый патологический аффект, делает человека невменяемым, что и учитывается в судебной практике.

Так, страх может проявляться как настроение боязливости и доходить до аффекта ужаса; горе — колебаться от грусти до отчаяния; радость может проявляться как ликование.

Все эти эмоции в той или иной степени входят в психологическую структуру религиозного чувства, которое в своем наиболее сильном проявлении приобретает форму своеобразного аффекта — религиозного экстаза.

Обычно религиозный экстаз называют просто экстазом, но это неверно, так как эстетическое чувство художника, например, может дойти до уровня эстетического экстаза. Чувство любви также часто доходит до любовного экстаза. Эти экстазы могут проявляться совершенно независимо от религиозного чувства, но могут и входить в его структуру.

Особенно тесна связь полового и религиозного чувства.

Евангелие полно мыслей, указывающих на связь религиозного и полового чувства, в частности в Послании к эфесянам (гл. 5, ст. 31—32), в Первом послании к коринфянам (гл. 6, ст. 15—17), в послании Иуды (гл. 1, ст. 4) и т. д.

Литература полна художественных образов, показывающих связь полового и религиозного чувства. Очень выразительны образ отшельника Пафнутия в сцене мученичества из повести Анатоля Франса «Таис», так же как сцена жертвоприношения в храме Изиды из повести А. И. Куприна «Суламифь», третья глава повести Г. Флобера «Саламбо». Примеров можно было бы привести много.

В камлании шаманов, мэнэрике калымчанок, в кликушестве религиозный экстаз также, хотя и не столь отчетливо и прямо, связан с половым чувством. Но есть и другие формы религиозного экстаза. Он может принимать форму религиозного фанатизма, при котором вера в бога «проклинает во имя спасения, она свирепствует во имя блаженства», как говорил Г. В. Плеханов. Религиозные войны, как и вообще религиозные споры, всегда были окрашены фанатизмом.

Убедительным примером того, как религиозный фанатизм тесно переплетается с другими проявлени-

ями общественной психологии, является многолетняя борьба маори против расхищения их земель в Полинезии колонизаторами. Борьба маори вылилась в 1864—1868 годах в религиозное движение «хау-хау», в котором тесно сплелись социальные устремления, древние верования и христианство. Маори верили в свою неуязвимость и, доводя себя до экстаза, с магическими жестами и возгласами «хау!» шли под пули колонизаторов.

Башня Аввакума

На берегу Братского моря, над тем местом, где когда-то бурлил порог Падун, стоит рубленная из кедра башня. Это часть Братского острога, заложенного в 1654 году казаком Фирсовым.

В этой башне (а быть может, и в такой же, которую перевезли в Москву, в Коломенское, или в одной из других двух подобных, но уже не сохранившихся) в 1656—1658 годах был заключен протопоп Аввакум.

Основатель русского старообрядчества и глава раскольников, он был, как видно из более чем 50 оставленных им сочинений, одаренным писателем и человеком поразительной воли. В автобиографии Аввакума нет ни следа экзальтации, взвинченности: в каждой строчке спокойная уверенность в своей правоте.

Фанатизм, с которым он боролся за свои убеждения, позволил ему переносить невероятные лишения и страдания, что видно из его собственных слов:

— Посем привезли в Брацкий острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной башне. Там зима в те поры живет, да бог грел и без платья, что собачка на соломе лежу. Коли накормят, коли нет. Мышей много было, я их скуфьею бил, батошка не дадут, дурачки! Все на брюхе лежал. Спина гнила. Блох да вшей было много. Хотел на Пашкова кричать: «Прости!» — да сила божия возбранила,— велено терпеть.

Мы не знаем, преодолевал ли боль и холод Аввакум или он их просто не чувствовал. Физиологически допустимо и второе. Очаг возбуждения, связанный

с его идеями, мог быть настолько силен, что, по закону отрицательной индукции, он мог затормозить очаг, вызывающий боль.

Фанатизм — это крайняя нетерпимость ко всем другим взглядам, кроме определенной идеи, к которой существует исступленная приверженность, связанная с эмоцией, доходящей до аффекта.

Фанатизм бывает не только религиозный, но может быть связан и с различными другими идеями: политическими, научными. Чувство и идеи ревности также могут доходить до фанатизма, как, например, у шекспировского Отелло. При всей близости различных видов фанатизма по психологическим механизмам, они, конечно, глубоко различны по содержанию, определяемому фанатичной идеей.

Религиозный фанатизм часто бывал и бывает более сильно выраженным, поскольку религиозные идеи по самой своей природе рождаются из религиозного чувства. Аффект, с которым связан подлинный фанатизм и без которого он не бывает, нередко делает фанатика нечувствительным не только к лишениям, но и к боли.

Так, например, прославился своей стойкостью и мужеством вождь племени ацтеков, национальный мексиканский герой Гуаутемок, возглавлявший в XVI веке борьбу своего племени против испанских конкистадоров. Испанцы, захватив Гуаутемока в плен, облили его оливковым маслом, положили на решетку, укрепленную над тлеющими углями, и медленно поджаривали. Но Гуаутемок стойко выносил мучения и возмутился, когда один из ацтекских вождей, также подвергнутый пыткам, не выдержал боли и стал стонать. Он сказал последнему:

— Ты бери пример с меня, я ведь тоже лежу не на цветах.

Самосожжение

2 ноября 1965 года перед Пентагоном в Вашингтоне пылал живой факел. Член американской пацифистской организации Норман Моррисон зажег себя, облив бензином, выражая этим протест против войны во Вьетнаме.

В этом случае, внешне подобном голодовкам заключенных, бесспорно имеются элементы религиозной психологии. Моррисон был квакером, для которых типична вера во внутреннее озарение. Это не первый подобный случай политического протеста. И есть все основания думать, что это было трагическое подражание серии аналогичных самосожжений монахов-буддистов, совершенных в 1963 году в Сайгоне с той же целью. Религиозные мотивы поступка, имеющего политические цели, у этих монахов уже не вызывают никакого сомнения.

Самосожжение было особенно распространено у русских старообрядцев, как форма религиозного протеста против «угнетения веры». Встречалось оно и в других религиях в виде добровольного принесения себя в жертву.

Как явление религиозной психологии, самосожжение есть религиозный фанатизм и имеет смысл принесения себя в жертву. Физические муки самосожженца облегчаются верой в вечное блаженство, которое ему будет якобы даровано за эти муки.

Спор за веру

Томас Мор, родоначальник утопического социализма, изложивший в 1516 году свои взгляды в произведении «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», был ревностным католиком. А английский король Генрих VIII, бывший вначале его другом и даже сделавший его лорд-канцлером, исповедовал протестантизм и издал особый статут, которым король провозглашался главой церкви. Мор, как ревностный католик, главой церкви считал римского папу и не признал королевского статута.

Где за веру спор,
Там, как ветром сор,
И любовь и дружба сметены,—

писал Гёте.

И ранее пользовавшийся благосклонностью короля канцлер-католик предстал в 1535 году перед судом протестантов.

Вот дословно приговор, вынесенный ему:

— Шерифу Вильяму Бингстону предписывается отвести преступника обратно в Тауэр, а оттуда провести через Сити до Тиберна, где и повесить; когда это будет сделано, снять его полумертвого, четвертовать, благородные члены отрезать, живот распороть, внутренности сжечь; конечности выставить на четырех воротах Сити, а голову — на Лондонском мосту.

Хотя король заменил этот ужасный приговор отсечением головы на плахе, этот приговор остался на века примером фанатизма в религиозных спорах, обычно переплетавшихся с политическими.

Сладострастие, жестокость и религия

— Три чувства, совершенно различные на первый взгляд,— злоба, сексуальная любовь и религиозное чувство,— если опираться на множество фактов и соображений, находятся друг к другу в большой близости; тогда, когда возрастает их интенсивность, и в особенности когда злость трансформируется в жестокость, в свирепость, сексуальная любовь в сладострастие и религиозное чувство в фанатизм или в мистицизм,— тогда эти чувства совпадают или смешиваются без заметных границ...

Этими словами классик отечественной психиатрии Петр Борисович Ганнушкин начинал статью «Сладострастие, жестокость и религия». Эта статья была опубликована им в 1901 году во Франции и только недавно напечатана на русском языке.

Из очень большого материала этой статьи приведу только один пример — отрывок из романа Эмиля Золя «Нана», в котором есть такие строки: «Граф находил в религиозном экстазе сладострастные ощущения, пережитые с Нана, те же мольбы и приступы отчаяния... В церкви, с онемевшими от холодных плит коленями, он снова переживал былые наслаждения, вызывая судорожную дрожь во всем теле, помрачавшую его разум, удовлетворяя смутные потребности, таившиеся в темных глубинах его существа».

Связь религиозного и полового чувств наиболее отчетливо проявляется в области религиозных изуверств и сексуальной патологии.

Садизм — термин, вошедший в психиатрию от имени французского писателя маркиза де Сада, страдавшего стремлением к половому насилию и умершего в психиатрической больнице.

Среди средневековых инквизиторов было немало садистов, не в переносном, а в точном психиатрическом смысле слова, которым место было, как и маркизу де Саду, в психиатрической больнице. Может быть, этим отчасти объясняется такое большое количество обвиняемых в колдовстве женщин по сравнению с мужчинами.

В психиатрии известна и противоположная сексуальная патология.

Мазохизм — термин, вошедший в психиатрию от имени австрийского писателя Мазоха. Так называется стремление подвергаться истязанию, мучению другим лицом для полового возбуждения и удовлетворения.

Самоистязания многих религиозных культов очень близки мазохизму. Так, одно из мистико-аскетических направлений ислама — суфизм — предлагает верующим «наслаждаться ударами друга».

В XIII—XIV веках в Западной Европе и в Скандинавских странах форму массового психоза приняла религиозная секта флагеллантов, т. е. бичующихся. Массовые самобичевания и бичевания друг друга практиковались не только в монастырях, но и в покаянных процессиях, ходивших по улицам и «принимавших крещение кровью». Вспомним о магии крови, и здесь станет видна отчетливая связь сексуальной психологии с психологией религии. Конечно, не все флагелланты были мазохистами. Признание этого было бы упрощением, снимающим идеологическую сторону проблемы. Многие были просто фанатиками. Огромную роль здесь имели и механизмы подражания. Но и мазохизм и садизм здесь играли не последнюю роль.

Садист-монах, наблюдающий бичующуюся девушку, получал удовлетворение. Но и мазохистки-женщины, не только подвергавшиеся бичеванию

мужчиной, но и побуждаемые им к самобичеванию, также переживали религиозное чувство, смешанное с половым. Бывало, конечно, и наоборот.

Основной итог

В этой книге каждый рассказ имеет самостоятельное значение. Это обычно какой-либо более или менее частный случай, взятый из жизни, но имеющий отношение к религии как социальному явлению. Однако рассмотрен он сквозь призму психологической науки и описан в ее понятиях.

Но главы книги выделяют основные, узловые проблемы психологии религии. В этой главе содержатся факты и мысли, раскрывающие в той или иной степени психологическую сущность чувства веры как минимума религии.

В предыдущей главе мы видели, как Ленин посвоему прочел Фейербаха и понял, что «тайна религии» лежит в самой сущности зарождавшегося у первобытного человека абстрактного мышления. Мы видели, что через ряд лет это диалектическое свойство мышления понял и великий физиолог И. П. Павлов, открывший в деятельности человеческого мозга особую систему, названную им «второй сигнальной системой действительности».

А в этой главе мы увидели, что свойственный второй сигнальной системе и особенно абстрактному мышлению «отлет фантазии от жизни» субъективно переживается как чувство веры. В этом и заключается психологическая сущность того, что Энгельс назвал «фантастическим отражением».

Из рассказов этой главы мы видели, что чувство веры является обязательным элементом любого явления религиозной психологии. Вместе с тем оно принципиально отлично от нравственного, эстетического и сексуального чувств, имея с каждым из них только некоторые общие черты.

Поскольку мозг у конкретного человека один и сознание личности тоже едино, все эти чувства в индивидуальном сознании могут изолированно рассматриваться только условно. Анализ религиозного

сознания требует учета общностей и связей, но в еще большей степени и различий чувства веры с другими чувствами. Эти общности и связи и различия были показаны в рассказах этой главы, хотя к ним мы еще будем возвращаться и в дальнейшем.

Мы видели, что вера, как психологическое явление, относится к чувствам и что эмоциональный компонент ее психологической структуры подчиняет мышление, побочным продуктом которого она по происхождению является. Как всякая эмоция, вера может выражаться в различной степени: от смутного настроения, включенного в структуру более сильного, например эстетического чувства, до страсти, проявляющейся как религиозный фанатизм, и до аффекта — религиозного экстаза.

Но главное, что я хотел показать в этой главе,— это психологическую причину непримиримости науки и религии как форм общественного сознания. Она — в принципиальном различии знания и веры в индивидуальном сознании. Именно потому, что для религиозной психологии конкретного верующего человека вера первична, а религиозная идеология приспосабливается к ней, сущностью религии как социального явления является религиозная общественная психология, а не религиозная идеология, являющаяся только ее формой.

Глава IV

ПСИХОЛОГИЯ МОЛИТВЫ

Я тебе, а ты мне

— Боги ничего не делают безвозмездно, но продают людям различные блага: и можно у них здоровье купить по случаю за бычка, а богатство за четырех быков, царскую власть за гекатомбу, благополучное возвращение из Иллиона в Пилос за девять быков, а плавание из Авлиды в Иллион за невинную царскую дочь. А разве Гекуба за двенадцать быков и покрывало не хотела выторговать у Афины согласие на то, что Троя не будет взята за это время? Надо полагать, у богов есть много таких товаров, которые идут за петуха, за венок и даже за одну щепотку ладана!

Этим словам греческого философа-атеиста Лукиана немного меньше двух тысяч лет.

Жертвоприношение — один из древнейших религиозных культов, в котором фантастично отразилась человеческая взаимопомощь: я тебе, а ты мне. Взаимопомощь людей первобытного доклассового общества перешла к ним от животных. Но в отличие от животных человек осознал пользу взаимопомощи, а осознав, отразил не только реально в своей практике, но и фантастично — как необходимость жертвы богам.

В доклассовом обществе отношения «я тебе, а ты мне» были проявлением только взаимопомощи. В классовом же обществе эти взаимоотношения стали социальной основой жертвоприношения как явления общественной психологии. Но на каком-то этапе жертвенность оторвалась от религиозного чувства и стала нравственной чертой личности. Сомкнувшись с коллективизмом, она стала опять близкой взаимопомощи. Ведь подарки своим детям или своим родителям в день рождения, сохранив историческую гомологию с жертвоприношением, освободились от всякого элемента расчета.

Обет

— Когда мы выехали из Красноярска, то шел какой-то странник: сделает два шага да перевернется на одной ноге...— так писал в письме матери художник Василий Иванович Суриков, вспоминая свое детство.

Странник, встреченный Суриковым, выполняя этот странный обряд, отмаливал свой грех. Шел он таким нелегким способом, конечно, не одну версту. Не только кающиеся, но и «божьи люди» — юродивые, вроде изображенного Суриковым на картине «Боярыня Морозова», носили вериги — тяжелые цепи, причинявшие физические страдания. Во время минувшей войны я видел в польских костелах кающихся, которые на коленях, и даже на животе, почти по-пластунски, ползли от ворот до алтаря.

Психологические корни обета общи с жертвоприношением и молитвой. В подобных самоистязаниях проявляется психология аскетизма — «умерщвления плоти» ради «приближения духом к богу». Но вместе с тем здесь аскетизм смыкается с фанатизмом. Яркий литературный образ аскета дал Глеб Успенский в очерке «Парамон юродивый».

Корни молитвы

Молитва исторически родилась из магического заговора и заклинания, слова которых якобы имели чудесную силу действовать не только на других людей, животных и силы природы, но и на духов, богов.

— Сгинь! Рассыпься! Пропади! — этими словами человек ограждал себя от нападающих на него духов.

Мы до сих пор, рассердившись на кого-нибудь или на что-нибудь, восклицаем, даже не думая, что это исторический рудимент, проклятия:

— Чтоб тебе провалиться!

Впоследствии заклинание стало просительным и благодарственным, и постепенно оно превращалось в молитву. Но в молитве содержится не просто жалоба или просьба, а чаще просьба именно о чуде. Правильно сказал И. С. Тургенев:

— Всякая молитва сводится на следующее: «Великий боже, сделай, чтобы дважды два не было четыре».

А за два тысячелетия до Тургенева Эпикур выразился так:

— Если бы боги внимали молитвам людей, то скоро все люди погибли бы, постоянно желая много зла друг другу.

Молитвы контрабандистов

В течение почти всего 1965 года общественность Италии, со свойственной южанам горячностью, обсуждала скандальный судебный процесс. Большая группа монахов-капуцинов из монастыря Альбено, около Рима, попалась на контрабанде американских и швейцарских сигарет.

Основанный еще в 1525 году, орден капуцинов всегда был опорой папства и пользовался особой поддержкой Ватикана. И на тебе — этакий скандал, замять который церковь не смогла.

Как сообщали итальянские газеты, капуцины-контрабандисты и на следствии и на суде вместо чистосердечного признания только молились и заявляли:

— Мы действовали из любви к ближнему по божьему наитию. Бог нас видит, и он нас рассудит.

Конечно, эти прожженные жулики не верили в то, что говорили, как не верили им и большинство читателей газет, смеявшихся над незадачливыми контрабандистами. Но все же нашлись и такие, ко-

торые молились в церквах, прося бога «обеспечить оправдание грешников».

Во что только не верит иногда человек и о чем он не молится!

Молитва матроса

Американский психолог и философ-идеалист Уильям Джемс в своей книге «Многообразие религиозного опыта» приводит поучительный рассказ матроса.

Роберт Лайд, английский матрос, бывший пленником на французском корабле в 1689 году, напал на экипаж этого корабля, состоявший из семи матросов. Двух из них убил, пять остальных сделал пленниками и привел корабль к себе на родину. Лайд следующим образом описывает, как во время этого подвига бог пришел к нему на помощь и поддержал его в дни испытания:

«С помощью бога я удержался на ногах, когда четыре француза пытались повалить меня. Чувствуя, что француз, державший меня за середину тела, начинает меня одолевать, я сказал мальчику, который вместе со мной попал в плен: «Обойди кругом нактоуза (деревянный ящик, в котором хранится компас) и сбрось на пол того, который висит у меня на спине». Тогда мальчик нанес ему удар по голове, от которого он упал. Я стал искать глазами свайку или что-нибудь другое, чем бы я мог ударить их. Но, не видя ничего подходящего, я сказал: «Господи, научи, что мне делать». В это время, бросив взгляд налево, я увидел висячую свайку, высвободил свою правую руку, схватил ее и ударил ею четыре раза по голове человека, державшего мою левую руку, с такой силой, что свайка на четверть дюйма вошла в его череп. (Затем один из французов вырвал у него из рук эту свайку.) Но да будет благословенна милость бога! — он или выронил из рук свайку, или бросил ее, и в это время всемогущий бог даровал мне силу схватить одного из французов и с силой стукнуть его голову о голову другого француза. Затем, бросив вокруг себя взгляд и не видя ничего, чем бы я мог ударить их, я сказал: «Господи, что мне теперь

делать?» Тогда богу было благоугодно напомнить мне о ноже, лежавшем у меня в кармане, и, хотя оба француза держали мою правую руку, всемогущий бог настолько укрепил меня, что я всунул свою правую руку в правый карман, вытащил оттуда нож в ножнах... зажал его между ног и высвободил из ножен; этим ножом ударил в шею человека, обернувшегося ко мне спиной, после чего он упал и уже больше не двигался...»

Но ведь французы небось тоже молились о своей победе!

Военная молитва

— Господи боже наш, помоги нам разнести их солдат снарядами в кровавые клочья; помоги нам усеять их цветущие поля бездыханными трупами их патриотов; помоги нам заглушить грохот орудий криками их раненых, корчащихся от боли; помоги нам ураганом огня сровнять с землей их скромные жилища; помоги нам истерзать безутешным горем сердца их невинных вдов; помоги нам лишить их друзей и крова, чтобы бродили они вместе с малыми детьми по бесплодным равнинам своей опустошенной страны, в лохмотьях, мучимые жаждой и голодом, летом — палимые солнцем, зимой — дрожащие от ледяного ветра, вконец отчаявшиеся, тщетно умоляющие тебя разверзнуть перед ними двери могилы, чтобы они могли обрести покой; ради нас, кто поклоняется тебе, о господи, развей в прах их надежды, сгуби их жизнь, продли их горестные скитания, утяжели их шаг, окропи их путь слезами, обагри белый снег кровью их израненных ног! С любовью и верой мы молим об этом того, кто есть источник любви, верный друг и прибежище для всех страждущих, ищущих его помощи со смиренным сердцем и покаянной душой. Аминь.

Нельзя не согласиться с Марком Твеном, который воспроизвел эту молитву бравых вояк, что она как нельзя более точно соответствует мысленной просьбе:

— Даруй нам победу, господи боже наш!

Хорошо знал Марк Твен психологию своих сооте-

чественников. Ведь и сейчас, более чем через 60 лет после того, как эта молитва была написана, она вполне современна для американских агрессоров.

Жонглер богоматери

Анатоль Франс, блестящий писатель-гуманист и страстный борец с религией, отлично показал в новелле «Жонглер богоматери» еще один тип молитвы. Вот несколько фрагментов из нее.

«...Во времена короля Людовика жил во Франции бедный жонглер по имени Барнабе, уроженец Компьеня, который странствовал по городам, показывая удивительные фокусы... В монастыре, куда он был принят, все соревновались в служении святой деве, и каждый посильно посвящал ей талант, дарованный ему богом...

...При виде такого соревнования славословия и такой богатой жатвы деяний Барнабе сокрушался о своей несмышлености и невежестве.

— Увы,— вздыхал он,— прогуливаясь в одиночестве по чахлому монастырскому садику,— как я несчастен, что не могу, подобно братьям моим, достойно прославить святую богоматерь, которой я посвятил всю нежность своего сердца. Увы! Увы! Пресвятая дева и госпожа моя, я человек грубый и неотесанный и не могу служить вам ни назидательными проповедями, ни трактатами, построенными по всем правилам, ни прекрасными картинами, ни тщательно выточенными фигурками, ни размеренными и равностопными стихами. Увы, я ничего не умею!..

И вот в одно прекрасное утро он вдруг проснулся полный радости, поспешил в часовню и пробыл там в совершенном одиночестве больше часа. После обеденной трапезы он вновь вернулся туда.

С этих пор он каждый день шел в часовню, когда она была пуста, и проводил там почти все время, которое другие монахи посвящали искусству и ремеслу, и больше он не грустил и не вздыхал.

...Настоятель, в чьи обязанности входит все знать о поведении своих монахов, решил понаблюдать за Барнабе во время его исчезновения. Однажды, когда

жонглер, как обычно, заперся в часовне, настоятель с двумя старейшими монахами стал подсматривать в дверные щели за тем, что происходило внутри.

Они увидели Барнабе, который, стоя на голове перед алтарем Святой Девы и подняв кверху ноги, жонглировал шестью медными шарами и дюжиной ножей.

Он проделывал в честь святой богоматери те фокусы, которые когда-то особенно прославили его. Не понимая, что этот простодушный человек таким образом посвящает все свои таланты и все свое искусство служению Святой Деве, старцы стали кричать о кощунстве...»

Последние слова Анатоля Франса говорят, что сами благочестивые старцы не понимали психологической сущности молитвы.

В молитве человек может не только жаловаться богам на свою судьбу или просить их о чуде, принося взамен свои обещания и клятвы. Молитвой он может приносить в дар свое восхищение.

Молитва-привычка

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Это писал М. Ю. Лермонтов, которому принадлежат и такие строчки:

...Но что такое ад и рай?..
Не для толпы ль доверчивой, слепой,
Сочинена такая сказка? — я уверен,
Что проповедники об рае и об аде
Не верят ни в награды рая,
Ни в тяжкие мученья преисподней.

Как психологически понять стихотворение Лермонтова «Молитва», написанное им в двадцатилетнем возрасте? Что это: только дань времени или правдивое описание чувств не очень религиозного человека, и уж конечно не религиозного фанатика?

Я думаю, что второе. И объяснение, почему Лермонтов успокаивался, когда «одну молитву чудную» твердил наизусть, надо искать в привычке. Можно не сомневаться, что к этой молитве Лермонтов привык с детства. Привычка — вторая натура.

> Привычка свыше нам дана:
> Замена счастию она!

Так Пушкин в «Евгении Онегине» переложил на стихи слова его современника, французского писателя Шатобриана:

— Если бы я имел безрассудство верить еще в счастье, я бы искал его в привычке.

Привычка — это действие, выполнение которого стало потребностью. Привычка образуется тогда, когда повторяемое действие условнорефлекторно связывается с какой-либо положительной эмоцией. Так психологическая наука раскрывает закон образования привычек.

Вполне понятно, что действия, повторно выполняемые при одновременном переживании религиозного чувства, легко становятся привычками. Тогда выполнение этого теперь уже привычного действия будет вызывать, как и выполнение любой привычки, чувство удовлетворения, покоя.

Так, человек, «привыкший мурлыкать» какую-либо приятную по воспоминаниям песню, успокаивается, если, разволновавшись, начнет ее напевать. Я, например, если хочу успокоиться, напеваю, хотя бы мысленно, первые строфы лермонтовского «Бородина».

Молитва писателя

Довелось мне прочитать и молитву, которую (видимо, от всей души) написал один писатель.

Вот она.

— Как легко мне жить с тобой, господи! Как легко мне верить в тебя! Когда расступается в недоумении или сникнет подавленно ум мой, когда умнейшие люди не видят дальше сегодняшнего вечера и не знают, что надо делать завтра, ты спосылаешь мне ясную уверенность в том, что ты есть и что ты позаботишься, чтобы не все пути добра были закрыты.

На хребте славы земной я с удивлением оглядываюсь на тот путь, которого никогда не смог бы изобрести без тебя. Удивительный путь через безнадежность — сюда, откуда я смог посылать человечеству отблеск лучей твоих.

И сколько надо будет, чтобы я их еще отразил, ты дашь мне. А сколько не успею,— значит, ты определил это другим...

Здесь образ «господа» отождествлен в поэтической форме с творчеством, в котором писатель находил утешение в самые, казалось бы, безнадежные периоды своей жизни. Возможно, что эта «молитва» и была и осталась для него только поэтическим образом. Но не исключена возможность, что, написав ее в минуту вдохновения, автор поверил в этот образ и полюбил его, как Пигмалион созданную им Галатею.

Так тоже бывает (так, видимо, было и у Лермонтова), и в этом случае молитва является не следствием веры, а ее причиной.

Ленинский ответ

«...Был конец августа 1916 года. Уже прошло некоторое время, как Ленин приехал из Цюриха и снова поселился в Шаи, под Лозанной»,— пишет в своих воспоминаниях о встречах с В. И. Лениным художник А. Е. Магарам.

«...Мы сели на курсировавший по Женевскому озеру пассажирский пароход, который направлялся в сторону Лозанны,— пишет он далее.— После небольших остановок к Кларане и Веве пароход взял курс на самую середину озера. На верхней палубе, где мы сидели, было мало пассажиров. По обеим сторонам озера мерцали в воде отраженные огни берегов, но особенно невыразимо торжественно было не-

бо, на темном бархатном фоне которого ярко сверкали звезды. Я обратил на это внимание Ленина. Он также смотрел на небо и, видимо, о чем-то думал.

— Да,— сказал он после паузы,— удивительный спектакль, которым всегда восхищаешься.

Мы долго сидели молча. Я думал о прочитанных книгах Метерлинка, Фламмариона и др. Находясь под сильным впечатлением той торжественной ночи, я заметил Ленину, что мысль невольно устремляется к Великому Разуму, когда перед глазами в небесном пространстве бесчисленное количество, мириады звезд. Ленин засмеялся и иронически произнес:

— К боженьке!

— Назовите это как хотите, Владимир Ильич. Вы знаете, когда я присутствовал при ваших дискуссиях с Луначарским, Хейфецом и другими, я давно хотел поставить вопрос ребром...

— Ну-с,— сказал, усмехнувшись, Ленин.

— Так вот,— начал я,— человечество открыло такие замечательные законы в математике, физике, химии, механике и прочие! Ведь эти законы существовали и существуют вне человеческого разума! Не так ли?

— Так,— ответил Ленин.

— Теперь, когда я смотрю на небо, нельзя не удивляться движению этих светил, с точностью которого ни один хронометр сравниться не может. Разве не прав был Спиноза, который говорил: когда передо мною прекрасный часовой механизм, я невольно думаю о мастере, сотворившем его.

— Все это несет поповщиной,— ответил Ленин,— короче говоря, вы хотите сказать, что все было создано боженькой. Хорошо, допустим, что все, что существует, всю вселенную боженька создал н-ое число миллиардов лет тому назад, ну, а что он делал раньше, спал, что ли? Ведь и раньше существовало какое-то абстрактное время. Стало быть, ваши рассуждения нелогичны. Материя не творима! Она движется в пространстве и видоизменяется по существующим вечным великим законам. Человечество постепенно открывает завесу этих законов и, таким образом, без боженьки познает природу. Многое нам еще неизвестно, но основательно познать природу

можно только диалектическим путем, а боженька тут ни при чем и является лишь преградой к познанию,— закончил Ленин...»

Конечно, это не точные слова Ленина, а только запись их, сделанная А. Е. Магарамом в рукописи, хранящейся в фонде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Но я думаю, что собеседник Владимира Ильича достаточно точно передал смысл его слов.

А привожу я этот разговор потому, что Ленин здесь ответил не только своему собеседнику, но и огромному числу других людей.

В том числе и тем, кто пользовался приведенными выше молитвами.

Проклятие!

— Выкопай своего отца при лунном свете и сделай суп из его костей; изжарь его кожу, сделай из нее печень; гложи его череп; сожри свою мать; выкопай свою тетку и разрежь ее на куски; кормись землей со своей могилы, сжуй сердце своего дедушки; проглоти глаза своего дяди; ударь своего бога; съешь хрящевые кости своих детей; высоси мозги своей бабушки; оденься в кожу своего отца и завяжи ее кишками своей матери...

Это проклятие полинезийцев с острова Тонга, записанное Моримером, является заклинанием, и произнесение его сопровождается у них магическими движениями. Иными словами, у первобытных народов проклятие непосредственно связано с обломками двигательных стереотипов и является проявлением вредоносной магии.

Немецкое «доннер веттер!», французское «миль дьябль!», испанское «каррамба!» и русское «черт побери!» — все эти ругательства, так же как и божба «ей-богу», являются рудиментами проклятий и магических заклятий.

Но почему же они так стойко держатся в общественной психологии, хотя и церковь с ними всегда боролась, требуя от верующих:

— Не произноси имени господа бога твоего всуе!!

Дело в том, что эмоциональное проклятие или

божба, произносимые всегда во время возбуждения, представляют собой вид эмоциональной разрядки. Выругавшемуся человеку «становится легче на душе». Это так. И если бы этого не было, с распространенной привычкой к ругательствам не было бы так трудно бороться.

Проклятие и молитва психологически очень близки, как близки чувство веры и чувство неверия, как близки вера в бога и в черта. Ведь недаром слово Sacer по-латыни означает и священное, и проклятое.

Молитва шамана

«...К ночи, когда все собрались спать, шаман взял бубен. Раскатистые звуки бубна зарокотали, зазвенели. Медленно затихал ветер. Шаман речитативом пел:

Мои люди много дней не выходили из яранг...
Моим людям надо идти за тюленем...
Алитет устал помогать им...
Ветер, остановись!
Сам Корауге просит...

— Гыть, гыть! Кийва, Кийва! — поощряя и возбуждая шамана, выкрикивал Алитет. Корауге исступленно бил в бубен, истерически кричал, взывая к духам».

Так Т. Семушкин, большой знаток Чукотки, описывает молитву шамана в книге «Алитет уходит в горы». Но эта картина характерна не только для чукотских шаманов.

— Надеюсь, что никто не заподозрит меня в пристрастии к шаманам, и я могу спокойно засвидетельствовать, что в моем присутствии экстаз шамана и таинственная обстановка, при которой метался и вопил исступленный избранник, приводили гиляков в такое состояние, что они галлюцинировали и видели все то, что видел в трансе и сам шаман, — писал известный этнограф Лев Яковлевич Штернберг в своей книге «Первобытная религия», изданной в 1936 году.

Слово «шаман» происходит от маньчжурского «симан» — исступленный. Шаманизм — вера в то,

что особые люди обладают способностью сноситься с духами, приходя в состояние исступления, во время камлания, или, иначе говоря, шаманствования.

Элементы психологии шаманства есть во всех религиях. Так, в Библии говорится, что пророки, пророчествуя, раздевались догола (1 Царств, гл. 19, ст. 24); царь Давид скакал и веселился перед священным ковчегом (1 Парал., гл. 15, ст. 28, 29). Есть в Библии и такие слова: «И стали они кричать громким голосом, и кололи себя, по своему обыкновению, ножами и копьями, так что кровь лилась по ним» (3 Царств, гл. 18, ст. 28). Это — описание действия, которое, по сути, равняется шаманскому камланию. У мусульман шаманами являются так называемые вертящиеся дервиши. Шаманство проявляется также в религиозных процессиях шахсей-вахсей и тазии.

«Шаман начинает действие пением и стуком в бубен. Пение состоит из короткой музыкальной фразы, которая повторяется несколько десятков раз, потом заменяется другой. В тесном помещении пение и бубен производят оглушительное, одуряющее впечатление. Шаман пользуется бубном как резонатором и при помощи его старается отклонять волны звуков вправо и влево. Через несколько времени уже исчезает возможность ориентироваться в темноте, и кажется, будто голос шамана перемещается из угла в в угол, снизу вверх и обратно. Тогда начинается чревовещание...»

Так описывал шаманское камлание революционер и ученый В. Г. Богораз, изучавший шаманство на Колыме, куда его сослало царское правительство. О самих шаманах он пишет:

«В зрелом возрасте шаманы продолжают сохранять крайнюю степень нервной возбудимости, которая часто соединяется со злостью, строптивостью и буйством...»

Камлание шаманов имеет психологически общее с истерическими припадками, получившими в Колымском крае название мэнэрика, и с припадками кликуш, в дореволюционные годы очень частых в деревенских церквах.

— Несколько кликуш мне приходилось наблю-

дать во время припадка — они поразительно напомнили мне колымчанок в состоянии мэнэрика,— писал С. И. Мицкевич, изучавший эти явления в Колымском крае во время ссылки.

Шаманка

«Заимка не спала. Одни приезжали с тоней, расположенных за 10—15 верст от жилья, другие уезжали, третьи убирали снасти, женщины — рыбу и т. д. Уже было поздно, когда я решил уснуть, но не успел я сомкнуть глаз, как из соседнего близ стоявшего балагана раздались какие-то ужасающие звуки, от которых холод пробежал по всему моему телу. Они росли, увеличивались, они шли, так сказать, crescendo, усиливаясь в высоте и темпе до такой степени, что, казалось, у поющей вот-вот разорвется от них грудь...

Не в силах преодолеть своего страха, я бросился на голос, и глазам моим представилась потрясающая картина. На низких нарах сидела молодая женщина с распущенными по плечам и ниспадавшими в беспорядке на грудь длинными волосами и, придерживая руками голову, как маятник, быстро раскачивала все свое конвульсивно вздрагивающее тело то из стороны в сторону, то взад и вперед. Она была вся в поту, ее грудь ходила ходуном, глаза неестественно блуждали, сильно расширенные зрачки горели каким-то сухим блеском. Порой она отнимала руки от головы и с ожесточением рвала свою одежду, порой прекращала пение, но только для того, чтоб дико захохотать или разразиться истерическим плачем.

...Спустя несколько лет я настолько привык к описанному явлению, что отлично спал под пение и плач двух таких женщин, живших со мной в одной юрте. Тогда я понял, что можно притупить свои нервы до полного равнодушия даже к этому явлению, носящему среди колымчан-русских название шаманства, а среди якутов омеряченья».

Так А. Гедеонов в 1896 году описывал молитвы, переходящие в истерические припадки колымских шаманов. Он эти припадки называл «омеряченьем», другие — «эмиряченьем».

«— Это и есть их тазия? — спросила Кэтрин.

— Только начало,— ответил Мак-Грегор.— Уйдем отсюда.

— А что это вообще такое, Мак-Грегор?

— Нечто вроде мистерии.

— А кто у них за страстотерпца? — спросил Эссекс.— Уж не Магомет ли?

— Нет. В этой мистерии изображается мученичество Хуссейна и Али, шиитских святых.

— Первый раз слышу о таких,— сказал Эссекс.

— Хуссейн — традиционный герой шиитов,— объяснил Мак-Грегор.— Он был убит своим соперником Шамром.

— Долго они тянут эту канитель? — спросила Кэтрин.— Я видела мистерию в Обераммергау — конца не дождешься.

— Тут показывают все — и убийство Хуссейна и Али, и погребение, и семьи, оплакивающие покойников. Обычно это продолжается несколько дней. Цель мистерии — доказать, в противовес лжеучению суннитов, что Хуссейн и Али подлинные потомки Магомета. В прежние времена это было кровавое зрелище. Население целых деревень, придя в неистовство, истязало и увечило себя буквально до смерти. Актеры должны были, истекая кровью, взывать о мщении за Хуссейна и Али. Это скверное дело, и нам лучше уйти отсюда. Они способны накинуться на кого угодно, если дойдут до исступления.

...На площадь под дробь маленьких барабанов со всех сторон сбегались дети, крича, хлопая в ладоши и подпрыгивая. За ними, возглавляя процессию, шел водовоз, пригоршнями плескавший воду на воображаемую пыль. Настоящая пыль столбом поднималась за ним из-под ног кричащих, беснующихся людей. Водовоза окружали юноши, бившие себя по голове и груди с воплями: «Ийа Хуссейн! Если бы эта вода могла освежить нашего Хуссейна! Ийа Хуссейн! Ийа Али! Хуссейн! Хуссан!»

Дальше ехали солдаты верхом, а за ними следом с плачем и воплями шли мужчины, женщины, дети.

Им вторила толпа зрителей, которые тоже плакали, кричали и били себя в грудь.

Мак-Грегор тщетно пытался разъяснить смысл этой хаотической процессии Эссексу и Кэтрин, которые не видели в ней ничего, кроме толпы беснующихся людей, страшных и занимательных в своем диком неистовстве. Поэтому он ограничился тем, что показывал самые приметные фигуры тазии: старого однорукого бородача, изображавшего архангела Гавриила; закутанных в покрывала пророков, святых и ангелов; группы плачущих мужчин, женщин и детей, представляющих братьев и семьи мучеников, и убийцу Шамра, которого играл накурившийся опиума солдат; его все били и проклинали.

Затем появился главный герой — Хуссейн. Это был сам сеид в зеленой чалме, зеленой мантии и с ржавым мечом, высоко поднятым над головой. Его приветствовали стонами, славословиями и скорбными воплями. Барабаны забили громче, а сеид, потрясая мечом, стал что-то выкрикивать во всю силу своих легких. На каждый выкрик шестеро полуголых мужчин, шедших за ним, отвечали воплем: «Горе, горе! Хуссейн! Хуссан!», ударяя себя толстыми цепями по голой спине. Позади этих шестерых шли еще четверо в грязных, рваных саванах; кровь ручьем текла у них из ран на голове, плечах, шее, которые они наносили себе кинжалами и мечами. Толпа восхваляла их за то, что они проливают свою кровь в честь мучеников, и оплакивала Хуссейна и Али, но все это служило к вящей славе самого сеида, который изображал героя-мученика. Когда самоистязатели падали без чувств от усталости и потери крови, к нему неслись исступленные крики жалости и скорби.

— Какой ужас! — Кэтрин отвернулась, стряхивая с себя гипноз кровавого зрелища.— Зачем они это делают? Они хотят убить себя? Чем их опоили? Ужас!

— Не поверишь, что это люди,— брезгливо морщась, заметил Эссекс.— Какой в этом смысл? Почему они беснуются?

— Никакого смысла в этом нет,— ответил Мак-Грегор.— Просто ваш милейший сеид нарочно разжигает религиозный фанатизм...»

Я не смог больше сократить это очень красочное и точное описание одного из современных проявлений религиозного ритуала, приведенное Джеймсом Олдриджем в его романе «Дипломат».

Всем религиям свойственны, как отвечающие ее духу, ее психологической сущности, ставки на эмоциональное возбуждение, подражание, затуманивание сознания, различные религиозные процессии, «массовые действия» исступленных религиозных фанатиков.

В Советском Союзе подобные процессии, приводящие к массовому фанатическому экстазу, были запрещены законом сразу же после Октябрьской революции. Однако в нарушение этого закона дикие процессии шиитского праздника шахсей-вахсей в Азербайджане можно было наблюдать еще в 20-х годах. В Иране и в ряде других мусульманских стран подобные процессии можно наблюдать и поныне.

Демонизм

В XV веке в женском монастыре в Германии одна из монахинь начала кусаться, и вскоре кусаться стали не только монахини этого монастыря. Эпидемия охватила почти все монастыри Германии и Голландии.

В 1631 году игуменья монастыря Урсулинок в Лудене Жанна де Бельфиель увидела во сне мертвеца. На следующий день во время богослужения у нее начались припадки, а вскоре такие же припадки можно было наблюдать у всех монахинь монастыря. Игуменья обвинила в колдовстве и наговоре аббата Урбана Грандье. Хотя он и под пытками не сознался в том, что колдун, его публично сожгли.

Аббат Абрам Палинг в трактате о демонизме, написанном в XVII веке, дал подробное описание такого припадка: «Одержимая вдруг упала на пол, издавая страшный крик. Она судорожно билась, лицо ее утратило человеческий образ, сам дьявол сводил ее черты. Все ее тело вздрагивало, и она оглашала воздух воплями, изо рта у нее шла пена. Наконец дьявол покидал ее, причем выход его из тела бесно-

ватой сопровождался страшными припадками и рвотами».

Это весьма точное описание истерического припадка, хорошо известного любому врачу-психиатру. И. П. Павлов раскрыл причины и механизм возникновения этой болезни, ранее считавшейся священной. Интересно, что в патологии до сих пор сохранилось старое название другой болезни, причины которой не менее изучены, чем причины, скажем, ишиаса или сухотки спинного мозга. Это болезнь хорея, или пляска святого Витта («хорея» — по-гречески и значит «пляска»). Проявляется она в подергиваниях, чрезмерных, некоординированных движениях и представляет собой одну из форм ревматизма. А раньше причины ее видели в божественном влиянии святого Витта.

Так незнание причин болезней рождало суеверия и укрепляло религию. А излечение от них считали возможным только с помощью молитвы.

Лурд

В Верхних Пиренеях во Франции, у Массабьельского грота произошло событие, потрясшее верующих. В 1858 году 14-летняя дочь бедного мельника из близлежащего селения Лурда Бернадетта Субиру, собирая около грота валежник, увидела деву Марию. Эта галлюцинация возникала у нее 18 раз в течение нескольких месяцев. Слух «о явлении божьей матери» распространился не только во Франции, но и по всей Европе. К источнику начали стекаться больные, жаждущие исцеления.

И исцеления начались.

К источнику приезжало более полумиллиона человек ежегодно, и исцелено было так много, что была введена специальная их регистрация. Вокруг статуи девы Марии вывешивались гипсовые слепки исцеленных конечностей.

Исцелялись... Но об этом лучше сказать словами крупного французского психиатра того времени Шарко. В книге «Исцеляющая вера» в 90-х годах прошлого века он писал: «Я посетил почитаемую святыню на юге Франции... Я заметил гипсовые формы

нижних конечностей молодой девушки лет двенадцати, пораженные кривоножьем. Эта форма точно воспроизводила хорошо известную форму истерических контрактур нижних конечностей». Короче говоря, исцелялись те заболевания, которые излечивались психотерапией, внушением.

Настроение толпы, ярко описанное Э. Золя, создало фон, способствующий проявлению во время общей молитвы внушения и самовнушения, излечивавших некоторые (но, конечно, далеко не все) болезни.

В романе «Лурд» у Золя есть замечательные слова, раскрывающие одну из особенностей религиозной психологии, ту сторону, которая дала основание К. Марксу назвать религию опиумом народа: «Если достаточно было сновидения больного ребенка, чтобы привлечь толпы людей, чтобы посыпались миллионы и вырос новый город, значит это сновидение хоть немного утоляло голод обездоленного человечества, его ненасытную жажду обмана и утешения! Найти прибежище в тайне, раз действительность так жестока, поверить в чудо, раз неумолимая природа так несправедлива!..»

И заканчивает роман Э. Золя словами о Бернадетте:

«Она не стала ни женщиной, ни супругой, ни матерью от того, что ей привиделась святая дева».

Все болезни, излечивавшиеся молитвами в Лурде, как и во многих других «святых местах», были так называемыми функциональными заболеваниями нервной системы. Теперь они излечиваются в клиниках и больницах психотерапией, и в частности гипнозом.

Чудесное исцеление

«...Глаза больной, еще лишенные всякого выражения, расширились, а бледное лицо исказилось, словно от невыносимой боли. Она ничего не говорила и, казалось, была в отчаянии. Но в ту минуту, как пронесли святые дары и она увидела сверкнувшую на солнце дароносицу, ее словно ослепило молнией. Глаза вспыхнули, в них появилась жизнь, и они загорелись, как звезды. Лицо оживилось, покрылось румян-

цем, осветилось радостной, здоровой улыбкой. Пьер увидел, как она сразу встала, выпрямилась в своей тележке...

...Она встала на ноги, сильная дрожь сотрясала ее девичье тело, словно в нем происходил могучий процесс возрождения. Сперва освободились от сковывавших их цепей ноги, потом она почувствовала, как в венах ее заструилась кровь, в ней зародилась женщина, супруга, мать, и наконец исчезла тяжесть, давившая ей на живот и подступавшая к горлу. Но на этот раз комок не застрял у нее в горле, она не почувствовала обычного удушья и радостно крикнула:

— Я исцелена!.. Я исцелена!..

Необыкновенное зрелище представилось тогда глазам всех. Одеяло упало к ногам Мари, ослепительно прекрасное лицо ее сияло торжеством. Она с таким опьянением закричала о своем исцелении, что всколыхнула всю толпу, она как будто выросла и стояла, радостная, сияющая, а толпа смотрела на нее, никого, кроме нее, не видя.

— Я исцелена, исцелена!

Сильное потрясение вызвало у Пьера слезы, и он заплакал. Вслед за ним разрыдались и остальные. Безудержный восторг овладел тысячами взволнованных паломников, давивших друг друга, чтобы увидеть исцеленную, оглашавших воздух криками, словами благодарности и восхваления. Раздалась буря аплодисментов, и гром их прокатился по всей долине.

Отец Фуркал потрясал руками, отец Массиас кричал что-то с кафедры; наконец его услышали:

— Бог посетил нас, дорогие братья, дорогие сестры...

И он запел Magnificat.

Тысячи голосов подхватили гимн...»

Так Эмиль Золя в 1892 году в романе «Лурд» описывает исцеление больной и переживания героя романа Пьера Фромана — сына ученого-химика, ставшего священником вопреки своим склонностям. В его уста Э. Золя вкладывает все то, что понял сам, изучая «чудеса Лурда».

А ведь Лурд далеко не единственное место, где совершались подобные «чудеса».

Религиозные эпидемии

На крыльце сидело несколько ребят. Каждый из них был занят своим делом: кто разговаривал, кто что-то мастерил, а кто просто глазел по сторонам. Вдруг один из них внезапно громко закричал: «Ой, ой, ой!» И, вскочив, бросился бежать.

Те, кто был менее занят, тоже вскочили и побежали за ним. Заметив это, побежали и другие, и вот почти все ребята бежали сломя голову, приближаясь ко мне.

Когда я их с трудом остановил и спросил, в чем дело, никто, кроме первого побежавшего и до поры до времени молчавшего (это я его заранее так подговорил!), не мог объяснить, почему они бежали. Некоторые даже забыли, кто побежал первый.

Этот простой, легко повторимый опыт показывает силу подражания. Со взрослыми он не всегда удается. Зато достаточно двум-трем взрослым остановиться на улице и начать демонстративно рассматривать небо, чтобы на небо стали смотреть и многие другие, а иногда может собраться и толпа. А кто не знает, что стоит кому-нибудь одному на концерте кашлянуть, как волна кашля прокатится по всему залу?

Такова сила подражания.

Подражание играет огромную роль в том явлении общественной психологии, которое называется модой. Особенно оно сильно там, где мода усиливается эмоциональным возбуждением, что легко наблюдать среди «болельщиков» на футболе. «Бесноватость» приверженцев рок-н-ролла и твиста по своему внешнему проявлению и по психологической сущности очень близка религиозным эпидемиям, хотя и не содержит никаких элементов религиозной идеологии. Это яркий пример безрелигиозной эмоциональной эпидемии, причиной которой является подражание.

Подражание играло, да и до сих пор иногда играет важнейшую роль и в так называемых религиозных эпидемиях, хорошо известных историкам религии. Чем ниже культурный уровень определенной

группы людей, тем более отчетливо в ней проявляется подражание и тем легче возникают религиозные эпидемии.

В России они принимали форму кликушества. Так, психиатр П. И. Якобий, специально изучавший этот вопрос, писал в работе «Религиозно-психические эпидемии», что в 1893 году он имел «поименный список больше тысячи кликуш» из одной только Орловской губернии.

Лет 50—70 назад на севере и востоке Сибири наблюдались массовые случаи судорожных припадков, начинавшихся с молитвы или ритуального танца. Эти припадки, получившие название мэнэрика или эмиряченья, также иногда охватывали большие группы людей.

Если массовые припадки эмиряченья появлялись у некультурных, физически ослабленных условиями жизни народов царской России, то для появления массовых припадков теперь у трясунов и прыгунов «проповедники» этих сект сами доводят рядовых верующих на «бдениях» до истощения и полного отупления, т. е. до состояния, способствующего проявлению истерических припадков и массового внушения.

Радения хлыстов

— Радения начинались пением, затем пророк или пророчица, выскочив на середину избы, начинали кружиться так быстро, что почти невозможно было разглядеть лица; причем все махали руками.

Во время пения наставник весь в движении, машет руками, стучит. Его окружают, и начинается общее прыганье. Каждый старается изо всех сил, издавая при этом какие-то нечленораздельные звуки, похожие на крик курицы, на лай собаки; кто ревет, кто воет. Стучат сектанты до изнеможения, некоторые из них падают.

Когда ускорится пение, бегают один за другим, начинают вертеться. Круговое радение продолжается до тех пор, пока рубашки совершенно измокнут от пота.

Кричат, плачут, прыгают, хлопают в ладоши, бьют себя по лицу, дергают себя за волосы, топают ногами, издают всевозможные звуки...

Сравнивая эти сцены, всегда одинаковые во всех хлыстовских эпидемиях, со сценами шаманства, нельзя отметить ни одной черты, которая не была бы общей шаманству и хлыстовству; те же черты известны нам в орфических оргиях...

Так пишет П. И. Якобий, специально изучавший этот вопрос, из работы которого и взяты дословно приведенные описания радений.

Очень правдивое описание хлыстовства дал А. Ф. Писемский в романе «Масоны». Хлыстовство было очень модным среди «высшего света» России в начале XIX века. Им увлекался, например, видный современник Пушкина государственный деятель М. М. Сперанский.

Кликуши

— Кликуша известна почти по всей России — по народному поверию это юродивые, одержимые бесом, кои по старинному обычаю показывают штуки свои преимущественно по воскресеньям на погосте или на паперти церковной. Они мечутся, падают, подкатывают очи под лоб, кричат и вопят не своим голосом; уверяют, что в них вошло сто бесов, кои гложут у них животы и прочее. Болезнь эта пристает от одной бабы к другим, и, где есть одна кликуша, там вскоре показывается их несколько. Есть глупые кликуши, которые только ревут и вопят до корчи и пены на устах, есть и более ловкие, кои пророчествуют о гневе божьем и скором преставлении света. Покуда на селе есть одна только кликуша, можно смолчать, потому что иногда это бывает баба с падучей болезнью, но как скоро появится другая, и третья, то необходимо собрать их всех вместе, в субботу перед праздником, и высечь розгами. Двукратный опыт убедил меня в отличном действии этого средства: как рукой сымет!

Так писал Владимир Иванович Даль в работе «О повериях, суевериях и предрассудках русского народа».

А примененный им «метод лечения» кликуш груб, но вполне обоснован и подтверждает истерическую сущность кликушества. Истерический припадок, как известно, нельзя остановить уговорами, но можно резким эмоциональным воздействием. В медицинской литературе описаны случаи, когда истерические припадки врачу удавалось прекратить только... неожиданной пощечиной. В начале XIX века порка была столь распространенным явлением, что «метод лечения», применяемый Далем, вполне отвечал духу времени.

«Глубоко интересен вопрос о развитии порчи, кликушества и бесоодержимости в нашем народе. В этом отношении играет, по-видимому, огромную роль внушение, испытываемое отдельными лицами при разных условиях. Описание бесноватости в священных книгах, рассказы о порче и бесоодержании и вера в колдунов и ведьм, передаваемые из уст в уста среди простого народа, особенно же поражающие картины кликушества и бесоодержимости, которые приходится видеть русской крестьянке в церкви,— картины, которые надолго запечатлеваются в душе всякого, кто имел случай наблюдать неистовства кликуш и бесноватых... действуют на расположенных лиц наподобие сильного и неотразимого внушения...»

Эти слова принадлежат академику Владимиру Михайловичу Бехтереву и написаны им в 1900 году в предисловии к книге Н. В. Краинского «Порча, кликушество и бесноватые, как явления русской народной жизни».

После Октябрьской революции массовое проявление кликушества стало быстро уменьшаться. Сейчас в церквах можно очень редко увидеть даже отдельных кликуш. Зато в молитвенных домах сектантов не только единичные кликуши, но и групповые кликушества не являются редкостью.

Луиза Лато

У Луизы Лато, французской девушки, религиозной до фанатизма, во время церковного празднования дня страстей Христовых на местах ран распя-

того спасителя появлялись кровоточащие раны. Этот случай был верующими истолкован как чудо.

Подобные же язвы каждую пятницу открываются у баварской крестьянки Терезы Нейман, к которой и поныне стекается много верующих.

Эти случаи не единственные. Такие раны (они получили название стигм) впервые были обнаружены у Джованни Бернадонне (1182—1226), основателя католического монашеского ордена францисканцев и канонизированного папой римским в 1228 году в качестве святого Франциска Ассизского. Уже в 1914 году было описано 49 случаев стигматизации, причем 41 случай — у женщин и только 8 — у мужчин.

Чаще всего стигматизация возникала на религиозной почве. Но среди этих случаев известен и такой. Сестра присутствовала при наказании плетьми любимого брата, и ее спина покрылась такими же кровоточащими рубцами, как у него.

Стигматизация — это характерный симптом истерии, а истерия чаще встречается у женщин, чем у мужчин. Недаром древние греки считали, что это заболевание вызвано неправильной работой матки. Само слово «истерия» и происходит от названия матки на греческом языке.

Различные проявления истерии испокон века считались проявлением божественной или демонической силы, и только в XIX веке истерия начала рассматриваться как психическое заболевание — заболевание мозга. Механизм ее был в деталях изучен И. П. Павловым. Случаи демонизма и религиозных эпидемий являются проявлением истерии.

Но подобные стигматы могут появиться и у здорового человека в результате внушения в состоянии гипноза. Мне довелось видеть, как загипнотизированному, которому к руке была приложена обыкновенная трехкопеечная монета, было сделано внушение:

— Эта монета раскалена!

Через несколько минут на месте, к которому была приложена холодная монета, образовался волдырь, соответствующий ожогу второй степени.

У Луизы Лато, Терезы Нейман и у всех им подобных стигматы — результат самовнушения.

Поражай воображение дикарей!

— Мною воображаемые лица тревожат меня, преследуют меня, или вернее, я живу в них. Когда я описывал отравление Эммы Бовари, я имел во рту такой ясный вкус мышьяка и сам был так отравлен, что выдержал одно за другим два несварения желудка, несварение весьма реальное, так как после обеда меня рвало,— писал французский писатель Гюстав Флобер в 1870 году в одном из писем.

В психологии воображение определяют как психический процесс создания новых образов, представлений и идей на основе прошлых восприятий и понятий. В создании религиозных представлений воображение играет очень большую роль. Это хорошо понимали священнослужители всех времен и народов, пытаясь религиозными обрядами возможно в большей степени поражать воображение верующих. Трудно установить, кто первый сказал:

— Поражай воображение дикарей!

Но жрецы и миссионеры всегда придерживались этого правила в торжественных массовых молитвах, без всякого стеснения считая своих пасомых дикарями.

Обновление икон

Одним из предрассудков, в который свято верят религиозные люди, является так называемое обновление икон. Лики на иконах «просветляются», а иногда открывают и закрывают глаза. Например, такое чудо было в 1524 году в Брешии и Пистойе, и наблюдали его тысячи молящихся.

В итальянском городе Анконе такое чудо продолжалось без перерыва с 30 июня 1796 года по 10 февраля 1797 года, когда Наполеон вступил в город. Убежденный, что чудо было мошенничеством, преследовавшим цель восстановить итальянцев против французов, Наполеон вызвал глав духовенства и, как писал современник, «осыпал жесточайшими упреками». И чудеса немедленно прекратились.

Были «обновления икон» и в нашей стране в период гражданской войны. Случай в Анконе

говорит о том, что не только там, но и в ряде других мест было прямое мошенничество духовенства. Но немалую роль здесь играли и религиозные эпидемии, начинавшиеся с совместных молитв, в конце концов приводящих к появлению массовых (групповых) галлюцинаций, возникающих на основе подражания. Ведь многим виделось даже больше того, что мошеннически фабриковалось духовенством.

Галлюцинации — это чувственный образ, непосредственно не зависящий от внешних впечатлений и вместе с тем имеющий для галлюцинирующего характер объективной реальности. Так определил галлюцинации в 1880 году выдающийся русский психиатр Виктор Хрисанфович Кандинский — автор первого, ставшего классическим, исследования этих явлений.

Во время галлюцинаций человек ничего не связанного с ними не воспринимает. Это следы ранее бывших восприятий, болезненные представления, возникающие в сознании. Галлюцинация — это сон наяву. Человеку кажется, что он видит и слышит то, чего нет. Он может ощущать отсутствующие запахи и даже чувствовать прикосновение. При этом обычно он, закрыв глаза, продолжает видеть, а заткнув уши — слышать.

Аутогенная тренировка

На I Всесоюзном совещании по психотерапии в 1956 году о ней, даже в кулуарах, почти не говорили, но на втором — в 1966 году аутогенная тренировка оттеснила на задний план даже гипнотерапию.

Название ее, как нередко бывает в науке, не очень удачно. Но лечебный эффект завоевывает ей все больше и больше сторонников. В медицинской литературе все чаще говорится о ее успешном использовании при лечении неврозов, бронхиальной астмы, гипертонической болезни, стенокардии, заикания, при обезболивании родов, для устранения пред- и послеоперационных явлений.

Аутогенная тренировка — это лечение самовнушением, и по своей психологической сути она имеет много общего с молитвой. Та же совершенствуемая

путем упражнения концентрация внимания на одной мысли, то же ярко эмоционально окрашенное волевое стремление к осуществлению своего желания.

Именно этими, общими с аутогенной тренировкой, способами молитва приучала человека владеть собой и нередко вылечивала. Девушка, которая привела себя самовнушением в состояние каталепсии, или больной, научившийся устранять у себя спазмы сосудов, как и изменять частоту пульса или температуру тела, вполне подобны йогу или какому-либо святому «столпнику», стоявшему «во имя божье» на столбе в состоянии каталепсии. Но между методом аутогенной тренировки и молитвой есть и отличие. Глубокое, принципиальное отличие.

— Достоинством метода является то, что при его применении личность больного активно участвует в лечении,— сказал об аутогенной тренировке на совещании по психотерапии в 1966 году профессор А. М. Свядощ, много и давно работающий над совершенствованием этого метода.

При аутогенной тренировке больной учится сам, с помощью врачей, сознательно и активно преодолевать свою болезнь, владеть процессами своего организма.

Молясь же, человек учится отстранять себя от дела, узаконивает свою пассивность, и если молитва ему помогает, то перекладывает все совершаемое «на волю божью». Молитва ему часто помогала, но механизм этой помощи был вполне естественным, он только казался проявлением божественных сил. Потому люди и молились, еще не научившись пользоваться самовнушением.

Из всех приведенных выше молитв видно, сколь разнообразны чувства и мысли, вкладываемые в них, и сколь разнообразна их психологическая структура в целом: от невнятного бормотания привычных штампов и неприкрытой сделки с тем, к кому она обращена, до высшего взлета мыслей и чувств, на которые вообще способен человек.

Но теперь мы уже все больше узнаем, что́ именно в структуре молитвы приносило помощь человеку, научаемся использовать это, отбросив всю религиозную шелуху, овладевая законами и творчества, и

аутогенной тренировки, и психотерапии. Понятно, что в основе молитвы лежала психологическая сосредоточенность человека на желаемом ему, переживание стремления к этому желаемому. Подлинная наука ничего не отбрасывает из опыта человечества, накопленного на его долгом извилистом пути, но все использует и трактует в соответствии с уже познанными законами объективного мира.

Но понят наукой и психологический вред молитвы: как оправдания самоустранения и пассивности, перекладывания «на бога» ответственности за то, что должно быть достигнуто самим человеком. Народ давно отметил эту противоречивость, отразив ее в поговорке: «На бога надейся, а сам не плошай!»

Глава V

ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ПЕРЕЖИТКОВ

Религия и слухи

Чем невероятнее слух, тем более он возбуждает интерес масс и тем быстрее и шире распространяется. Слух — это форма стихийно сложившегося, эмоционально окрашенного общественного мнения о каком-либо событии и, следовательно, одно из явлений общественной психологии. Религиозный слух — это явление религиозной психологии.

Всякий слух, в том числе и религиозный, стихийно распространяется, но может быть вполне сознательно «пущен» и «поддержан». Чем более эмоционально окрашен слух, чем более в нем заинтересованы массы, тем легче и сам он распространяется и тем легче его распространить. Обстановка церкви, способствующая повышению внушаемости прихожан (тишина и полумрак, блики света, музыка, возникшее полудремотное состояние присутствующих при богослужении или проповеди), испокон века использовалась священнослужителями для поддержания и распространения религиозных слухов.

Передаваясь из уст в уста, слух быстро меняет фактическое содержание первоначальной идеи, обра-

стая «поражающими воображение» подробностями. При этом искажение рассказываемого может быть и совершенно непроизвольным.

Рассказ богомольца, вернувшегося из «святых мест», если и не перевирал фактов сознательно, то искажал их по тому же психологическому закону, по которому возникают и искажения у большинства охотников и рыболовов.

Догматическое вероучение в любой религии знали только богословы, а народ вокруг этих догм создавал уйму суеверий, апокрифов и ересей, появление и распространение которых близки распространению слухов.

Испорченный телефон

Психологической моделью распространения слухов вообще и религиозных в частности является детская игра в «испорченный телефон».

Помните? Кто-либо задумывает слово и на ухо говорит его соседу. Тот — другому. Другой — следующему, и так слово обходит всех играющих. Последний произносит его вслух, и все в обратном порядке говорят, какое слово кто услышал и передал другому. При игре смеху бывает много. А когда слухи передаются взрослыми, то тут уж не до смеха, хотя искажений бывает не меньше.

Общим же в игре и в жизни является то, что услышать и передать услышанное хотят и там и там. Общи и причины искажений. А причин этих в основном четыре:

во-первых, искажения происходят из-за того, что что-то может быть плохо расслышано или недослышано;

во-вторых, в силу закона апперцепции, усиленной эмоциональной стороной передаваемого, услышанное может быть понято одним человеком так, а другим — иначе;

в-третьих, часто недослышавший нередко предпочтет что-либо домыслить по своему вкусу, а не сознаться в том, что он недослышал;

в-четвертых, передающий слух, гоняясь за сенсацией, приукрашивает его.

В Саратовской губернии в 1920 году упал метеорит. Это вызвало слухи, перемешавшиеся с религиозными взглядами на непонятное явление.

Вот запись ходивших тогда слухов об этом событии:

«И упал этот камень с неба, неподалеку от Царицына, и в землю ушел на полверсты. Длиною этот камень восемь верст, шириною — шесть. Что людей пожег, скота, строений разных — не счесть. Камень черный-пречерный и сам-то он горит, дым от него столб столбом. А в дыму том все слова какие-то огненные складываются. Упал этот камень посредине реки, и вода в ней выпарилась, кипятком кипит. Близко подойти к тому камню и не думай, сгоришь в тот же момент, как уголек. Самые смелые и те за восемь верст останавливались, и то богу помолясь. А камень-то весь из драгоценных камней, они-то и горят, переливаются. Что богатства там — на век хватит. На тот камень смотреть много охотников — целые поезда туда ходят бесплатно, лишь бы показать людям камень, чудом с неба от бога упавший. Сказывают, что теперь два года продналог брать не будут — бриллиантов из камня хватит».

Религиозные предрассудки и слухи — родные братья.

Блаженны нищие духом

Начав писать эту книгу, я неожиданно и тяжело заболел. У меня были острые боли от камней в почках, а оперироваться было нельзя из-за гнойного нарыва на руке. Вместо терпеливого и последовательного лечения у одного какого-либо врача, я начал метаться и жадно прислушиваться к слухам.

— А вот в Казахстане камни лечат оливковым маслом.

— Вот во Владивостоке есть врач, чудеса делающий с растворением камней в почках магнитной водой.

— В ФРГ появилось новое чудесное средство.

— Нет, еще более чудесное средство появилось в Чехословакии.

Народная мудрость давно отметила: утопающий хватается за соломинку. Мне хотелось верить, и я

верил каждому из этих слухов, оправдывая свою веру тем, что урология чуть ли не самая отсталая отрасль медицины. Но главное — я хотел избавиться от болезни. Поиски мне давали надежду на это, а надежда — она ведь умеряет душевную боль, как пантопон умеряет боль телесную.

Организм мой ослаб — ослабла и воля.

И вот однажды, во время приступа болей, я поймал себя на мысли, что, если бы ко мне пришел человек и сказал, что он лечит камни, прикладывая к животу крест, я согласился бы и на эту «процедуру» и оправдывал бы себя доводом:

— А может быть, у него крест радиоактивный...

Ловцы душ человеческих

В редакцию газеты недавно пришло письмо следующего содержания:

«Дорогая редакция!

Я приехала в отпуск к родителям, которые проживают на станции Украинская Приднепровской ж. д. Станция небольшая, жители в основном малограмотные. Здесь проживает семья баптистов Чубаренко. Очень часто к ним приезжают их «братья» и «сестры», распевают на всю станцию свои молитвы, заставляя петь своих детей-школьников. Всячески стараются сманить в свою секту других жителей, рассказывая им о рае и аде.

Особенно часто досаждают они моей маме, которая недавно перенесла тяжелую операцию и до сих пор чувствует себя плохо, убеждая ее бросить лечение и идти каяться в молитвенный дом. Мне очень хорошо известна опасность этой веры, но как уберечь других людей?»

Это письмо является доказательством того, что далеко не один я понял закономерность, о которой написал в предыдущем рассказе. Но к сожалению, ее понимают еще не все страждующие души, потому их и ловят те, кто понимает, что страдающий, больной человек легче становится «нищим духом», чем здоровый, и является потому лучшим объектом для обращения.

Еще одни нищие духом

Исправительно-трудовая колония, куда попадают осужденные за разные преступления, конечно, не санаторий. Я не буду говорить, как там организуются исправительно-трудовые работы. Но здесь уместно напомнить, что если эти работы там организованы плохо и если в колонию, особенно в женскую, попадет за совершенные уголовные преступления религиозная «проповедница», то колония легко становится «центром обращения верующих».

И не только потому, что в исправительно-трудовой колонии много культурно опустившихся лиц. В колонии с плохо поставленной воспитательной работой — а мы ведь говорим о таковых — скучно и нудно, а иногда и немало свободного времени. «Проповедница», сыплющая, как из пулемета, тексты из священного писания, религиозные прибаутки, обещающие «отпущение грехов», всегда на фоне однообразия и скуки привлекает внимание окружающих. Наличие у «проповедницы» штампованного ответа на каждый случай жизни оценивается многими как образованность и культурность.

Даже если вначале к ней относятся как к развлекающей чудачке, то потом многие начинают прислушиваться, задумываться, группироваться вокруг нее. И опиумный дурман понемногу начинает затуманивать головы.

Этот рассказ, как и другие, я адресую не только неверующим, но и верующим. Ведь мало кто из последних может считать, что такой путь «обращения» с помощью уголовной преступницы соответствует «закону божию». Но он соответствует закономерностям религиозной психологии, о которой написана эта книга.

Описанная закономерность, неоднократно наблюдавшаяся в исправительно-трудовых учреждениях, может проявиться, хотя и менее отчетливо, не только там, а и в других местах, где людей одолевает скука.

Отсюда понятно значение газет, журналов, радио и вообще организации культурного досуга.

Изуверства и преступления

Хорошо известны массовые самосожжения в XVII—XVIII веках старообрядцев. А сколько среди них было насильно сожженных!

В 1827 году привлекло к себе общее внимание самоуничтожение тридцати пяти сектантов, а в 1897 году по случаю народной переписи крестьянин Ковалев из секты «странников» выкопал в погребе несколько ям и заживо похоронил мать, жену и детей.

Мне могут сказать, что это «уже в прошлом». А сейчас религия не приводит к преступлениям. Но это не так.

В 1955 году неподалеку от Москвы верующая старуха уговорила верующую дочь «принести в жертву» своих двух детей — мальчиков десяти и двенадцати лет, зарубив их топором.

В 1963 году на Смоленщине один верующий, так же «искупая свои грехи», «принес дочь в жертву богу», опустив восьмилетнюю дочь в прорубь. Никаких психических болезней у этих преступников обнаружено не было.

И совсем уже недавно, в 1964 году, в поселке Мудьюге Архангельской области среди сектантов разыгралась драма. «Богодухновенные избранники» — десяток отупевших, фанатичных людей, жадно впитывающих проповеди сектанта Барышева, должны были помочь истинным христианам вымолить «конец света». Они избили до полусмерти «кающуюся грешницу» Макову и бросили двухмесячного младенца об пол, а школьника Малина в окно. Об этом можно было прочитать в «Комсомольской правде» от 9 сентября 1964 года.

До сих пор в Институт судебной психиатрии не так уже редко попадают на медицинское обследование убийцы, которых признают психически здоровыми, но которые глубоко отравлены религиозным дурманом. Это, конечно, не значит, что любой верующий сектант — обязательно преступник, вроде описанных. Но это значит, что религиозная психология сектантства, в разных его проявлениях, создает благоприятную почву для подобных религиозных преступлений.

Запретный плод сладок

В Библии, в легенде изгнания из рая, отражена глубокая психологическая закономерность, о которой так хорошо сказал Пушкин в «Евгении Онегине»:

О люди! Все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет;
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу:
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай.

Поучительна история картофеля, привезенного из Америки во Францию. Здесь он долго не получал распространения; церковники его называли «чертовым яблоком», врачи считали, что картофель вреден для здоровья, а агрономы утверждали, что он истощает почву.

Знаменитый французский агроном Антуан Пармантье, будучи в плену в Германии, питался картофелем. Вернувшись на родину, он задался целью внедрить его на французских полях. Однако он долго не мог никого переубедить, соотечественники не признавали картофеля. Тогда Пармантье пошел на хитрость. В 1787 году он добился от короля разрешения посадить картофель на земле, известной своим плохим плодородием. По его просьбе поле охранял вооруженный отряд королевских солдат в полной парадной форме. Но только днем, а на ночь охрана снималась. И тогда народ, привлеченный запретным плодом, начал по ночам выкапывать картофель и сажать его у себя в огородах. А этого и добивался хитроумный агроном.

Дешевое чувство протеста

В соседнем доме со мной живет одна домохозяйка. Икон в ее комнате нет, цитат из религиозных книг от нее никто не слышал. Да и в церковь она никогда не ходила. А вот критику поведения соседей, критику работы домового комитета и Моссовета от нее слышали нередко. И не с глазу на глаз, а на весь квартал.

Особенно она возмущалась перебоями транспорта и медленным строительством линии метро. Написав не одно письмо в газету, она даже слыла «хорошей общественницей».

Но когда стало известно, что будут ломать церковь, на месте которой должна быть станция метро, она вместе с небольшой группой других кликуш, доводящих себя до истерических припадков, стала каждый день ходить именно в этот храм, «пытаясь его отстоять».

А рядом были другие церкви: одна совсем близко, а другая чуть подальше. Предназначенная к сносу церковь никакой архитектурной ценности не имела. А чтобы станцию метро поставить в другом месте, пришлось бы не только снести жилые дома, но и на многие годы создавать неудобства пассажирам метро, в том числе и моей соседке. Но она ни о чем этом не думала, а просто с удовольствием пользовалась случаем безнаказанно поскандалить, прикрываясь религиозным чувством, появившимся у нее из подражания.

Так и она стала «обращенной». Но ненадолго.

Корысти ради

Община одной снесенной церкви должна была влиться в общины соседних, рядом расположенных церквей. Но... во главе каждой церковной общины стоит выборная «двадцатка», для которой церковная кружка — это источник немалого дохода. И понятно, члены двадцатки терять и делить свой доход ни с кем не хотели.

Проведя соответствующую идеологическую обработку верующих, они настояли, чтобы общины не сливались. При обсуждении вопроса о слиянии общин страсти настолько разгорелись, что, казалось, вопрос стоит о слиянии православной церкви с мусульманской мечетью или еврейской синагогой. «Двадцатка» повернула дело так, что в одном здании церкви начали работать две общины, ну как две школы, в одном и том же помещении, в две смены.

Поначалу все было тихо. Приток денег увеличился, и их хватало на тех и на других. Но вскоре ко-

рысть и нежелание делить доходы взяли верх над религиозной психологией и элементарным приличием. В церкви во время богослужения между «двадцатками» начались не только громкие споры, но и драки.

— Сейчас нашему батюшке служить молебен! — кричат одни.

— Нет, сейчас наш отслужит панихиду по покойнику, а заодно и по вам! — кричат другие.

— Сребролюбцы!.. Шкурники!.. Мошенники!..— надрываются одни.

— Лихоимцы!.. Воры!.. Хищники!..— не остаются в долгу другие, не обращая внимания на идущее богослужение.

Не ожидая от бога помощи в решении денежных споров, обе общины начали писать в советские и партийные органы кляузы с взаимными обвинениями в корысти, алчности, хищениях и просто в жульничестве.

Этот случай, попавший на страницы газет, очень поучителен для понимания уже не столько религиозной психологии, сколько психологии служителей религии. А психология религии должна изучать и то и другое.

Гадание

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили...

Так В. А. Жуковский в «Светлане» описывал гаданье. Несколько десятков очень занятных способов различных гаданий описал Франсуа Рабле в начале III книги романа «Гаргантюа и Пантагрюэль», например аэромантию, пирамантию, альфитомантию, стихомантию, котонтромантию и т. д.

Психологическим корнем гадания является всегдашний интерес человека к будущему и стремление

заглянуть в него. А вот простой опыт, раскрывающий и второй психологический корень гадания.

Согните лист бумаги, капните чернила на места сгиба и сложите бумагу пополам, потерев пальцем место, где собираются чернила, чтобы разогнать их. Испортив несколько листов бумаги, вы научитесь делать замечательные кляксы. Ответьте сами и спросите кого-нибудь, что напоминает сделанная вами клякса? Чем богаче у смотрящего фантазия, тем больше он увидит в этих кляксах.

Так и наши бабки в тенях на стене видели тройки с женихами, брачный венец, смерть с косой, гроб... Видели они в результате апперцепции то, что либо хотели, либо, наоборот, очень боялись увидеть.

Но во всяком гадании: с воском, на картах, на бобах или по полету птицы, как гадали в древние времена,— всегда заложена вера в возможность предвидения, вера в наличие магической связи между результатом гадания и судьбой человека. Гадание — наиболее сохранившееся проявление психологии магии.

Исполнившееся гадание

«Соня была взволнована не меньше своей подруги и ее страхом и горем, и своими личными, никому не высказанными мыслями. Она, рыдая, целовала, утешала Наташу. «Только бы он был жив!» — думала она. Поплакав, поговорив и отерев слезы, обе подруги подошли к двери князя Андрея. Наташа, осторожно отворив двери, заглянула в комнату. Соня рядом с ней стояла у полуотворенной двери.

Князь Андрей лежал высоко на трех подушках. Бледное лицо его было покойно, глаза закрыты, и видно было, как он ровно дышал.

— Ах, Наташа! — вдруг почти вскрикнула Соня, хватаясь за руку своей кузины и отступая от двери.

— Что? Что? — спросила Наташа.

— Это то, то, вот...— сказала Соня с бледным лицом и дрожащими губами.

Наташа тихо затворила дверь и отошла с Соней к окну, не понимая еще того, что ей говорили.

— Помнишь ты,— с испуганным и торжественным лицом говорила Соня,— помнишь, когда я за тебя в зеркало смотрела... В Отрадном, на святках... Помнишь, что я видела?..

— Да, да! — широко раскрывая глаза, сказала Наташа, смутно вспоминая, что тогда Соня сказала что-то о князе Андрее, которого она видела лежащим.

— Помнишь? — продолжала Соня.— Я видела тогда и сказала всем, и тебе, и Дуняше. Я видела, что он лежит на постели,— говорила она, при каждой подробности делая жест рукой с поднятым пальцем,— и что он закрыл глаза, и что он покрыт именно розовым одеялом, и что он сложил руки,— говорила Соня, убеждаясь по мере того, как она описывала виденные ею сейчас подробности, что эти самые подробности она видела тогда. Тогда она ничего не видела, но рассказывала, что видела то, что ей пришло в голову; но то, что она придумала тогда, представлялось ей столь же действительным, как и всякое другое воспоминание. То, что она тогда сказала, что он оглянулся на нее и улыбнулся и был покрыт чем-то красным, она не только помнила, но твердо была убеждена, что еще тогда она сказала и видела, что он покрыт был розовым, именно розовым одеялом, и что глаза его были закрыты.

— Да, да, именно розовым,— сказала Наташа, которая тоже теперь, казалось, помнила, что было сказано «розовым», и в этом самом видела главную необычайность и таинственность предсказания.

— Но что же это значит? — задумчиво сказала Наташа.

— Ах, я не знаю, как все это необычайно! — сказала Соня, хватаясь за голову.

Через несколько минут князь Андрей позвонил, и Наташа вошла к нему; а Соня, испытывая редко испытанное ею волнение и умиление, осталась у окна, обдумывая всю необычайность случившегося...»

Так Лев Николаевич Толстой с большим художественным мастерством и глубоко психологично описал в «Войне и мире» переживания Сони, поверившей в исполнение своего гадания.

А исполнения-то ведь не было. Была иллюзия памяти, и Толстой это показал, раскрывая художествен-

ным приемом роль иллюзий памяти в поддержании веры в исполнение гаданий.

Иллюзия памяти — это возникновение представления, что нечто уже ранее воспринималось. Помимо точного воспроизведения запечатленного, память может по-разному подводить человека:

можно совсем забыть,

можно искаженно воспроизвести запомненное,

но можно «воспроизвести» и то, чего не было на самом деле.

Так было и в данном случае.

Предчувствия и предвидения

Моя приятельница, долгое время ожидавшая в санатории письма с сообщением о получении новой квартиры, узнала, что квартиру ей не дали, так как появились более нуждающиеся кандидаты. Она доверительно сообщила мне:

— А ведь я знала, что и на этот раз мне квартиру не получить. У меня было предчувствие, а оно меня никогда не обманывает. Но вы никому не говорите, а то скажут, что я суеверная.

Все три фразы, которые она сказала, были далеки от истины.

Она не знала, даже не предвидела, а только предполагала, что квартиру ее семье могут не дать. Предвидение основывается на познании причинно-следственных связей и вероятностей. Иногда оно поднимается до уровня знаний, но чаще остается более или менее вероятным допущением.

Увидев молнию, мы знаем, что после нее раздастся удар грома. Но все метеорологические прогнозы опираются только на большую вероятность ожидания одного события по сравнению с вероятностью других.

Предположение есть допущение события, вероятность проявления которого еще неизвестна. Сочетание предположения с чувством его тревожного ожидания переживается как предчувствие. Если дальнейшим ходом событий предчувствие не подтверждается, оно забывается, а если подтверждается, оно не

только не забывается, но и дает основание суеверному человеку говорить:

— Предчувствие меня никогда не обманывает.

Моей собеседнице не было оснований опасаться, что ее посчитают суеверной; веря в непогрешность предчувствий и не зная их психологической сущности, она и на самом деле была суеверной.

Загадывание

Студент, пришедший на прием к врачу, жаловался:

— Иду по улице, считаю окна и загадываю: будет чет — сдам экзамен, а нечет — не сдам. Или складываю числа в номерах проходящих автомашин и опять загадываю, чет или нечет. Понимаю, что никакой связи между загаданным и отметкой быть не может, а вот волнуюсь, если получится нечет!

У студента был невроз навязчивого счета, вызванный переутомлением. Отдохнул, подлечился, и все прошло. Но нередко такой невроз приводит к стойким суевериям, подобным тому, которое начало образовываться у этого студента. Иногда же он может приводить и к предрассудкам, которых у этого студента не было. Ведь он вполне критично говорил:

— Понимаю, что никакой связи между загаданным и отметкой быть не может.

Понятно, что с суевериями, образовавшимися таким образом, и предрассудками нужно бороться, понимая их психологическую сущность.

Но есть и другой психологический смысл загадывания. Он совпадает с психологией гадания, психологией знамения. В затруднительных случаях люди, например, бросали жребий, надеясь, что «бог подскажет» верное решение. Всадник, по тому же мотиву, бросал поводья, представляя «высшей силе» направить коня по правильному пути. В восточных сказках описывается выбор царя птицей, садящейся на плечо тому, кому суждено быть царем.

Переход навязчивого счета в предчувствие обычно бывает связан с верой в знамения.

Вещие сны

— Смотрите, какая занятная книжка, я ее взяла у старой-престарой бабушки, нашей уборщицы.— Девушка протянула мне засаленную брошюрку.

На титульном листе был нарисован спящий, а рядом с ним звонящая в колокол смерть с косой. Книжка называлась: «Толкование сновидений известного старца Мартина Задеки». Издание 1914 года.

— В свое время,— сказал я,— этот «сонник» в разных его вариантах был очень популярен. О нем еще Пушкин писал в «Евгении Онегине»:

Ее тревожит сновиденье.
Не зная, как его понять,
Мечтанья страшного значенье
Татьяна хочет отыскать.
Татьяна в оглавленьи кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ворон, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель,
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит...

Девушка полистала книжку и прочла: «Видеть и есть во сне арбузы — знак неудовольствия и печального приключения. Видеть во сне индийских кур — знак получения чина или значительного наследства».

— Чепуха какая-то! — рассмеялась она.

— Полная бессмыслица,— подтвердил я.— Хотя, знаете, содержание сновидений нередко дает психологам ценный материал. Ни один авиационный врач, например, не допустит к полету летчика, которому после перенесенной или хотя бы только виденной аварии все время снятся катастрофы. Врач примет меры, чтобы летчик хорошо отдохнул, отвлекся, а может быть, и полечился. Эти сны у него — симптом невроза.

Нередко анализ характера сновидений помогает врачу понять причину нервного заболевания, выяснить психическую травму, т. е. сильное или длительное переживание, вызвавшее болезнь.

Нет, пожалуй, ни одного народа, в сказках, легендах и суевериях которого не фигурировали бы вещие сны, предсказывающие будущее. В частности, будущую болезнь!

Объяснить такого рода сновидения довольно просто. Начинающееся заболевание часто не бывает заметно днем, потому что в это время кора головного мозга испытывает большое число возбуждений различной силы. Ночью же, когда внешних раздражителей нет или по крайней мере значительно меньше, болевые ощущения доходят до сознания и принимают форму ситуационных сновидений.

— Если тревожные сновидения с элементами страха смерти сочетаются с внезапными пробуждениями.., то это может возбуждать подозрение о заболевании сердца в таком периоде, когда никаких других субъективных жалоб, указывающих на такое заболевание, не имеется,— писал по этому поводу невропатолог Михаил Иванович Аствацатуров.

— Замечательно то, что, чем глубже сон, тем из более ранней жизненной поры приходят ассоциации и толкования впечатлений... У наших крестьян сложилось поверье, что, если приснятся давно умершие родители, то это значит, быть дурной погоде; в этом, пожалуй, есть свой смысл, так как перед дурной погодой обыкновенно бывает состояние более глубокой сонливости, которая и характеризуется образами, выплывающими во сне из давно пережитого,— так известный физиолог Николай Евгеньевич Введенский объяснил механизм еще одного вещего сна.

«Дежа вю»

«Прочитал Вашу книгу «Занимательная психология», и мне захотелось задать Вам вопрос, который меня давно интересует. Однажды мне приснилась незнакомая местность. Почему-то этот сон мне запомнился. (Хотя обычно сны мне снятся редко и я их не запоминаю.) Через некоторое время я переехал на другое место работы (дело было на уборке урожая в прошлом году) и невольно поймал себя на том, что эту дорогу, речку, столбы высоковольтной электропередачи, стог клевера я уже где-то видел. Это ощущение не покидало меня до тех пор, пока я не вспомнил сон, приснившийся мне неделю назад. Подобный

случай произошел со мной спустя несколько месяцев, когда сбылось то, что приснилось ранее.

Недавно одна пожилая женщина после нашего знакомства сказала, что она видела меня в вещем сне еще до того, как увидела на самом деле.

Приходилось ли Вам сталкиваться с подобными явлениями, а если приходилось, то какое этому может быть объяснение?».

Так мне писал один из читателей моей книги. Вот что я ему ответил:

— Случаи, подобные тем, которые Вы описываете в своем письме, известны. В прошлом они часто были, а иногда и сейчас являются причиной суеверий: веры в переселение душ и веры в возможность предвидения будущего.

Объяснением подобных случаев являются иллюзии памяти. Все хорошо знают иллюзии восприятия, бывающие трех родов: физические иллюзии, например мираж; физиологические, например иллюзия крена у летчика при полете в облаках, и психологические, например всем хорошо известные иллюзии зрения. Менее известны иллюзии памяти.

Простейшей из них является искаженное или ложное узнавание. Более сложная иллюзия памяти получила французское название «дежа вю», что значит «уже видел». Эта иллюзия на основе случайной ассоциации вызывает ложное ощущение, что «все это уже было». Наиболее сложной иллюзией памяти является перенесение появившегося «дежа вю» в якобы конкретное прошлое или в воспоминание о якобы приснившемся сне.

Не от каждой иллюзии, даже зрительной, одинаково легко избавиться. А от иллюзии памяти — подавно.

Каждый человек легко соглашается с тем, что его «подвела память», если он, например, «хорошо помнит», как отдал товарищу книгу, которая на самом деле оказывается стоящей на его полке. А вот согласиться, что подобные Вашему случаи — это иллюзии памяти, тем, кто их пережил, всегда труднее.

Человечество еще не совсем избавилось от привычки ждать чуда.

Творчество, продолженное во сне

Известно немало фактов, когда решение житейской или научной задачи приходило человеку на ум не днем, а ночью, в сновидении. Так, немецкий химик Кекуле увидел во сне структурную формулу бензола. Дмитрию Ивановичу Менделееву сон помог создать периодическую систему элементов. Композитор Тартини слышал во сне, как дьявол сыграл ему сонату, которую он позднее записал. Вольтеру приснился новый вариант его «Генриады».

Стихотворение «Пророк» и некоторые стихи «Полтавы», по свидетельству П. В. Анненкова, были сочинены Пушкиным во сне. Льву Толстому приснился сюжет его рассказа «Отец Сергий». У Грибоедова во сне возник план его будущей комедии, который он в дальнейшем и использовал. Крупный французский математик Анри Пуанкаре вспоминал: «Возникновение идей я в особенности наблюдал у себя в полусонном состоянии».

Все это породило уйму суеверий.

«Сном пользовались боги, чтобы сообщить людям свою волю»,— говорил Гомер.

В древней Спарте особые чиновники — эфоры при обсуждении трудных государственных дел ложились спать в храмах, чтобы во сне к ним пришло правильное решение.

Во всех этих случаях мозг во сне не только продолжал начатую во время бодрствования работу, но и выполнял ее даже лучше. Работа продолжалась потому, что яркие очаги возбуждения в коре головного мозга, связанные с нею, не были заторможены во время сна. Работа выполнялась даже лучше, потому что мозгу не мешали лишние внешние раздражения.

Народная пословица гласит: «Утро — вечера мудренее». Это верно в силу сказанного: утром у человека нередко появляются ответы на вопросы, которые накануне он не мог решить. Но основа пословицы не только в этом. Вечером уставшему мозгу свойственна инертность нервных процессов, отсутствующая по утрам.

Для психологической науки в явлениях сновидений неизвестного уже осталось мало. Но непонимание

причин и нейрофизиологических механизмов сна и сновидения до сих пор приводит к многим предрассудкам и суевериям.

Суеверие или предрассудок

Я стоял на аэродроме рядом с командиром авиационного полка, когда летчик-истребитель Н., не успев оторваться от земли, прекратил взлет, круто развернулся и отрулил в сторону. Когда мы подъехали, он уже успел вылезти из самолета. Бледный, с заметно дрожащей рукой, приложенной к шлему, он доложил:

— Товарищ полковник! Прекратил взлет, так как заяц перебежал дорогу. Понимаю, что глупость. Но примета ведь плохая. Разрешите взлететь вторично?

Я не знал, как поступит командир полка. Нельзя было поощрять суеверие и отменять вылет. Но не следовало и посылать летчика на боевое задание (дело было во время Великой Отечественной войны): его воля была подорвана, он явно растерялся. Это значило не только обречь летчика на верное поражение, но и, кроме того, укрепить суеверие, заставить и других поверить в примету: а вот Н. сбили как раз после того, как заяц перебежал ему дорогу.

И командир полка, задумавшись (как потом выяснилось, над тем же, что и я), быстро нашел правильное решение. Окинув летчика взглядом, полным презрения, он приказал:

— Полет отставить! Вы его не заслужили! В наказание за ваш поступок назначаю на пять суток в наряд на кухню, картошку чистить. На лучшую работу вы сейчас не годны. Там у вас будет время подумать о приметах.

Войну Н. кончил Героем Советского Союза.

Слова «Понимаю, что по глупости» показывают, что в поступке летчика было больше суеверия, чем предрассудка. Обычно тесно связанные в своих проявлениях, они различны психологически. В предрассудке преобладает неверное, ошибочное мышление, в суеверии — эмоция.

«Невежество менее удалено от истины, чем пред-

рассудок»,— сказал Ленин. Но бороться с суеверием иногда бывает еще труднее, чем с предрассудком.

«Страх есть причина, благодаря которой суеверие возникает, сохраняется и поддерживается»,— говорил Спиноза.

Почему прием, который применил командир полка в данном случае, оказался психологически наиболее правильным? Да потому, что одна эмоция была вытеснена другой, одно переживание — страх — другим — обидой, стыдом за свою слабость.

Испуганного человека трудно успокоить уговорами. Но если заставить его рассмеяться или рассердиться, страх его, как правило, проходит. Переживания и раздумья летчика, которому вместо боевого задания пришлось заняться чисткой картошки, помогли вытеснить эмоции, на которые опиралась его вера в приметы.

Черный кот

— Черный кот перебежал мне дорогу, хоть возвращайся! Знаю, что это глупости, а вот не люблю, и на душе сразу плохо становится. Я в школе всегда, как черный кот перебежит дорогу, двойки получала. Один раз и на экзамене срезалась... Вам, наверное, профессор, смешно? — говорившая была взволнована и смущена.

Нет, мне не было смешно. Ведь я врач, а над больными врачи не смеются, они лечат их. Суеверие — это тоже своего рода общественная болезнь. Иногда маленькая, как у моей собеседницы, вроде насморка, а порой страшная, от которой погибло много людей.

Одна из психологических причин веры в приметы — избирательность памяти. В школе мы с вами не раз получали двойки, не встречая кошек, и еще чаще встречали кошек, хотя потом приносили домой пятерки. Но последнее проходило, не останавливая внимания, а вот когда кошка и двойка совпадали, то это обязательно запоминалось.

Но дело тут не только в избирательности памяти. Встречая кошку, суеверный человек терял веру в свои силы. Поэтому и школьник хуже отвечал, чем

мог, забывал, что помнил раньше. А потом всю вину сваливал на встретившуюся кошку, как говорится, с больной головы на здоровую.

Бэкон о суевериях

Происхождение суеверий хорошо понял английский философ-материалист Фрэнсис Бэкон, который в 1620 году писал, говоря о «призраках», которые осаждают умы людей:

«Разум человека все привлекает для поддержки и согласия с тем, что он однажды принял — потому ли, что это предмет общей веры или потому, что это ему нравится. Каковы бы ни были сила и число обстоятельств, свидетельствующих о противном, разум не замечает их, или пренебрегает ими, или отводит и опровергает их посредством различений — с большим и пагубным предубеждением,— чтобы достоверность тех прежних заключений оставалась ненарушенной. И потому правильно ответил тот, который, когда ему показали повешенные в храме изображения спасшихся принесением обета от опасного кораблекрушения и при этом добивались ответа, признает ли теперь он могущество богов, спросил в свою очередь: «А где изображения тех, кто погиб после того, как принес обет?!»

Таково основание почти всех суеверий — в астрологии, в сновидениях, в предзнаменованиях, в божественных определениях и тому подобном. Люди, услаждающие себя подобного рода суетой, отмечают то событие, которое исполнилось, и без внимания проходят мимо того, которое обмануло, хотя последнее бывает гораздо чаще...»

Когда Бэкон писал: «люди, услаждающие себя подобного рода суетой», под услаждением он, надо думать, понимал не только удовольствия, но и самоутешение, играющее весьма большую роль в происхождении суеверий.

Случай с изображением спасшихся, о которых писал Бэкон, был заимствован им у Цицерона (106—43 гг. до н. э.). Это говорит, что и в те далекие времена прогрессивным умам уже была понятна психологическая сущность суеверий.

Школьные приметы

Я знал школьника, который перед экзаменами, даже готовясь к ним, не писал цифр 2 и 3, а заменял их точками. Он верил, что это плохая примета. Правда, двоек и троек он от этого получал не меньше, но в примету верить продолжал.

Если поискать в карманах наших школьников, то кое у кого можно найти разные амулеты и вообще предметы, хранимые «на счастье». Это очень не простое явление, так как от сувенира, напоминающего о приятном событии, до амулета, в «силу» которого школьник глубоко верит, переход постепенный и незаметный.

Амулет

«Вдруг подполковник увидел палку, на которую опирался Мересьев, и даже побагровел:

— Опять? Дать сюда! Ты что, на пикник собрался с тросточкой! Ты где находишься, на бульваре? На губу за невыполнение приказа! Двое суток!.. Амулеты развели, асы... Шаманите. Еще бубнового туза на фюзеляже не хватает. Двое суток! Слышали?

Вырвав палку из рук Мересьева, подполковник осматривался кругом, приглядываясь, обо что бы ее сломать.

— Товарищ подполковник, разрешите доложить: он без ног,— вступился за друга инструктор Наумов...»

Так пишет Борис Полевой в «Повести о настоящем человеке».

С амулетами на боевые задания летали многие летчики всех национальностей, в том числе и наши, советские. У нас с амулетами боролись путем мобилизации общественного мнения. И это делалось не только и даже не столько с целью борьбы за передовое мировоззрение. Была и практическая причина. Амулет повышал уверенность летчика в благоприятном исходе боевого полета и тем в какой-то мере снижал его бдительность при подготовке к полету и осмотрительность в воздухе.

В 1936 году, когда я учился летать в Качинской

авиашколе, там был командир звена, о котором было известно, что, если он пришел на аэродром в старом шлеме, в котором еще сам начинал летать, значит, сегодня он будет выпускать в самостоятельный полет кого-либо из своих учеников. И мне уже тогда довелось услышать умные слова его начальника:

— Вы бы не заветный шлем надевали, а старательней проверяли выпускаемых курсантов!

В психологии человека, носящего амулет, еще сохранилась нередко в замаскированном виде психология тотемизма и фетишизма.

Профессиональное суеверие

Изучая в течение многих лет психологические особенности различных видов труда, я заметил, что суеверия не в одинаковой степени свойственны представителям различных профессий.

Вначале мне казалось, что это связано только с уровнем образования и культурного развития. Действительно, много сталкиваясь в начале 20-х годов с харьковскими биологами и астрономами, я ни разу не встречал среди них суеверных людей. Среди же забайкальских золотоискателей я не нашел ни одного человека (дело было в начале 30-х годов), который не верил бы в большое число самых разнообразных примет, способствующих и мешающих «фарту», удаче. Однако многие из этих суеверий я нашел там и у некоторых инженеров. Помню, как поморщился один крупный геолог, когда я перед взятием пробы на новом месторождении пожелал ему удачи.

Я не встречал на заводах среди малоквалифицированных рабочих-операторов людей, имеющих какие-либо специальные суеверия, но у железнодорожных машинистов и профессионалов-шоферов я много раз отмечал недовольство при виде кошки или женщины с пустыми ведрами, пересекающих им дорогу. От опытного шофера-инструктора я впервые узнал хорошо известную многим шоферам примету: если кошка идет справа налево, «в застег куртки», это считается намного хуже, чем если она идет «не в застег». У некоторых машинистов, шоферов и моряков

я обнаруживал различные «амулеты», без которых они не выезжали в рейс, а случайно не взяв их — волновались.

Я помню, как меня удивил во второй половине 30-х годов очень опытный летчик, который недовольно поморщился, увидев, что, надевая перед полетом перчатки, я сначала надел левую, а не правую. Это, оказывается, он считал плохой приметой.

Опасности войны усиливают суеверия. На фронте мне пришлось встречать немало суеверных людей. Фотокорреспонденты газет знали, что некоторые танкисты и летчики не любили, когда их фотографировали перед боевым заданием, и с удовольствием позировали перед объективом по возвращении. Другие всегда брились с вечера, так как бриться перед заданием также считалось дурной приметой.

Во время второй мировой войны среди американских и английских летчиков была распространена вера в «гремлинов» — злых духов, которые водились в самолетах и портили моторы или приборы. Известный американский художник и кинорежиссер Уолт Дисней даже посвятил гремлинам фильм.

В 1965 году, выступая по радио перед Днем физкультурника, олимпийская чемпионка, обладательница четырех золотых олимпийских медалей Лидия Скобликова честно заявила перед микрофоном, что она верит в хорошие и плохие приметы и перед соревнованием «боится спугнуть счастье».

Таким образом, суеверия не всегда связаны с образованием и общим развитием, даже с мировоззрением человека. Эмоциональные особенности людей разных профессий иногда больше влияют на появление суеверий, чем культурный уровень человека.

Застойный очаг

Я мало встречал таких обаятельных, культурных и внимательно следящих за всем происходящим в мире и вместе с тем таких неприхотливых людей, как эта моя больная.

А она была тяжело больна. Вот уже семь лет как она не могла заставить себя отойти хотя бы на два-

три квартала от дома, пойти в театр, поехать на такси или троллейбусе. Она страдала неврозом навязчивого страха пространства, так называемой агарофобией.

Она понимала нелепость своего страха. Ей хотелось посмотреть в театре пьесы, о которых так много читала, поехать на дачу,— но стоило ей отойти от дома, ее охватывал бессознательный и мучительный страх. Удалось выяснить, что болезнь началась внезапно, когда однажды она, неподалеку от дома, почувствовала себя плохо. Все кончилось благополучно, но... испуг остался.

Эту больную трудно упрекнуть в суеверии. А вот другой случай.

На фронте я встретил летчика, который рассказал мне как врачу, что он испытывает мучительный и непонятный ему самому страх в полете на некоторых самолетах, управляемых им. Это могли быть самолеты разных типов, но обязательно с хвостовым номером семь.

— Хоть бы тринадцати боялся — было бы понятно, а почему семерки боюсь, сам не знаю. Семерка ведь хорошее число! — сказал он мне.

Это уже было похоже на суеверие, но при проверке также оказалось неврозом навязчивого страха. Причина невроза стала понятна, когда удалось выяснить, что летчик был сбит на самолете с хвостовым номером семь. Хотя он и забыл номер самолета, на котором чуть не погиб, подсознательно память зафиксировала и сохранила эту семерку и условнорефлекторно связала ее с пережитым страхом.

У летчика, как и во всех случаях неврозов навязчивых состояний, в коре головного мозга образовался так называемый застойный очаг возбуждения.

Застойный очаг является физиологическим механизмом и многих суеверий. Знание этого механизма позволяет лучше понимать причины их возникновения.

А понимание причин позволяет находить лучшие способы борьбы с подобными суевериями, помогает скорее и радикальнее избавляться от них.

Ведь понять — это не значит оправдать!

Сверхценные и навязчивые идеи

— Изобретатели какие-то сумасшедшие, страдающие навязчивой идеей,— раздраженно сказал мне работник заводского бюро рационализации и изобретательства.

Сюда он попал по явному недоразумению. Он ничего не понимал в психологии изобретателей и мог принести делу только вред.

Застойный очаг возбуждения, заставляющий все время думать над решением технической задачи, у многих изобретателей действительно есть. Но те из них, о которых говорил незадачливый работник бюро рационализации и изобретательства и которые действительно докучали ему (я их знал!), имели не навязчивые, а так называемые сверхценные идеи.

В основе тех и других лежит застойный очаг возбуждения в коре головного мозга. Но между ними принципиальное различие, выражаемое формулой, которую любил повторять психиатр М. О. Гуревич:

— Человек борется за свою сверхценную идею, даже если ему доказывают ее ошибочность, но человек борется со своей навязчивой идеей, понимая ее ошибочность, но не имея сил ее побороть.

Предрассудок по своей психологической сути близок к сверхценной идее; суеверие — к навязчивой идее.

Бывают случаи, которые относятся либо только к суевериям, либо только к предрассудкам. Но очень часто, особенно у религиозных и малокультурных людей, суеверия тесно переплетаются с предрассудками.

Предрассудки больше относятся к религиозной идеологии, а суеверия — больше к религиозной психологии. С предрассудками надо бороться путем разъяснения и убеждения, а в суевериях переубедить нелегко. Они связаны ведь не с мыслями, а с эмоциями, эмоции же трудно снимаются словом, а легче вытесняются другими эмоциями. Попробуйте рассердившегося человека рассмешить, и гнев его пройдет.

Потому с суевериями надо бороться с помощью вытесняющих их эмоций. А если бороться словом — то не холодным и сухим, а вызывающим эмоции.

Предрассудки и заблуждения

В студенческой компании возник разговор о предрассудках.

— Предрассудок — это любая привычная форма мышления,— утверждал психолог.— Это автоматизм мышления, непосредственно связанный с привычкой, а привычка — ведь это действие, выполнение которого стало потребностью. Вот почему предрассудки бывают и религиозные, и научные, и бытовые.

— Правильно,— сказал молодой литературовед,— ведь в штампе, как и в моде, а пожалуй, и в каждом догматическом подходе в искусстве, есть элемент предрассудка. И когда мы говорим «мещанский предрассудок», мы отмечаем только более отчетливо выраженные, некоторые свойственные последнему столетию предрассудки. А ведь убеждение, что в театр нельзя пойти в брюках немодного фасона, это тоже предрассудок того, для кого мода — его религия.

— Позвольте! — вскричал молодой лектор-атеист.— Религиозные предрассудки могут быть определены только как «вера в сверхъестественное», и по этому признаку они четко отделяются от всех других. И не будем их смешивать.

— Нечего сказать, четкое определение,— усмехнулся историк.— Известно, что Геродота греки называли лжецом за его «сверхъестественные» сведения, что где-то когда-то на земле вода становится твердой. А сам Геродот считал «сверхъестественным» в описании мореходов, что они в полдень видели солнце на севере. Выходит, что Геродот упрекал финикиян, плававших вокруг Африки, в религиозных предрассудках, а его современники упрекали в них же его?

В этой дискуссии каждый из спорящих был прав, но не до конца. Правильно отождествляя предрассудок с привычным мнением о чем-либо, студент-психолог и литературовед забывали добавить, что при наличии предрассудка это мнение ложно. Каждый предрассудок — заблуждение, но заблуждение, не ставшее привычным, еще не предрассудок.

Религиозный же предрассудок обязательно должен быть связан с суеверием, а следовательно, с верой.

Приметы и предрассудки

«Сей овес в грязь, будешь князь!» — говорит пословица. Народная мудрость накопила огромное множество самых различных примет, отмечающих причинно-следственные связи между различными явлениями.

Многие из примет абсолютно верны. Лег кот к печи — быть похолоданию. И дело не в том, что печь не топится: у кота ведь свои условные рефлексы. Особенно много таких примет у моряков:

Если солнце село в воду —
Жди хорошую погоду!
Если солнце село в тучу —
Значит жди большую бучу!

Есть приметы, сохранившие только свой исторический корень. Например, рассыпалась соль — к ссоре. Ведь когда соль была очень дорога, рассыпанная соль нередко вызывала семейные неприятности.

Но многие приметы — это исторические рудименты древних верований, осколки религиозных представлений. В них всегда сохраняется элемент магии. Так, у наших яхтсменов до сих пор сохранилась старая примета моряков: чтобы вызвать ветер, надо посвистать в нужную сторону. Но это ведь чистейшая подражательная магия. Разбитое зеркало — к смерти, потерянная фотография — быть беде у изображенного на ней. Это уже рудименты чурингов, психологически вполне им тождественные.

Есть приметы, имеющие уже не психологические, а чисто исторические религиозные аналогии. Чтобы «не спугнуть счастье», надо поплевать через левое плечо. Почему через левое? Да ведь во всех старых религиях, и в том числе и в христианстве, добрый дух, ангел, ходил справа (справа и наиболее почетного гостя сажали), а слева от человека находился черт, злой дух. Плевать на доброго духа нельзя. А на злого — всегда полезно. А чтобы не сглазить — вдвойне полезно. Своя «железная логика»!

Не со всякими приметами надо бороться, а только с теми, которые не опираются на знания и стали

предрассудками. А еще психологически точнее можно сказать так:

— Бороться надо не с приметами, а с верой в приметы!

Почин дороже денег

Купец всегда делал большую скидку первому покупателю, так как влияние почина на дальнейший ход событий было для него окутано таинственностью. Это отразилось в поговорках:

«Почин дороже денег».

«Лиха беда — начало!»

Поэтому, начиная какое-либо дело, человек приносил жертву богам, обращаясь к ним с мольбой о помощи. У евреев даже была особая молитва для начала любого дела. Христианин же осенял себя крестным знамением.

Начиная новое дело и колеблясь между надеждой и страхом (а это ведь и есть психологическое состояние тревоги), человек всегда чувствует себя стоящим «на краю бездонной пропасти». А это чувство, как мы видели, и является «тайной религии». Оно и рождает веру.

Но в обычае «посидеть перед дорогой» этот предрассудок наслаивается на мудрый обычай кочевников. Тянь-шаньские киргизы и поныне куда-либо выезжают всегда вечером и недалеко от дома или старой стоянки ночуют. За это время всегда вспоминается, что забыто или недоделано, и возвращаться приходится недалеко. Так ведь и в песне поется:

Присядем друзья перед дальней дорогой,
Пусть легче покажется путь!..

Это хороший обычай — перед дорогой посидеть несколько минут и подумать, все ли взято и все ли сделано, что надо.

С левой ноги

— Сегодня я по ошибке первым надела левый чулок, вот все и не ладится с тех пор, даже настроение испортилось.

Такие или подобные слова можно нередко услышать и теперь. А в недалеком прошлом мнение, что

если встанешь утром с левой ноги, то весь день тебя будут преследовать несчастья, было присуще очень многим.

Психологическая причина этого суеверия заключается в широко распространенной логической ошибке, понятой человечеством очень давно и уже во времена споров схоластов получившей обозначение Post hoc, ergo propter hoc, т. е. «после этого, следовательно, по причине этого».

Фактически в этих случаях дело обстоит так.

Испокон веков считалось, что правая рука (и нога) — главнее и «удачливее» левой. В этом отражалось то, что большинство людей — правши.

Иногда это суеверие закрепляется по тому же психологическому механизму, что и в рассказе «Черный кот», механизму, понятому еще Цицероном и Бэконом. Но иногда здесь дело обстоит сложнее. Человек, считающий, в силу своего религиозного мировоззрения, что с левой ноги вставать не следует, все же непроизвольно может сделать это в случае, если он проснулся, не отдохнув или с головной болью, вообще в плохом состоянии. Так же как он забыл, вставая, об этом предрассудке, так он будет в течение дня забывать и о других делах. Причиной его неудач будет то, что он не выспался. А если к тому же он свяжет свои неудачи со своей «ошибкой», настроение его еще более ухудшится и еще более все «будет валиться из рук». А это только укрепит его веру в этот предрассудок.

Заговорное зелье

Заговорным ли зельем меня напоил,
У колдуньи взяв сонные травы;
Иль заклятием дедов меня истомил,
В час, когда зацветают купавы?
Не могу я поднять утомленных ресниц
И ни с кем не промолвлю ни слова.
Каждый вечер, при трепете знойных зарниц,
Жду покорная, к встрече готова...
И напрасно крестилась встревоженно мать,
Перед образом свечи теплила,
Знать, молитвой с меня наговора не снять,—
Полонила недобрая сила.
И напрасно отец мой на лучшем коне
Поскакал на село за знахаркой...—

Если б знали они, как в вечернем огне
Или ночью холодной, при бледной луне,—
Мы с тобою целуемся жарко...

Эти стихи я списал из старого альбома. Они очень хорошо передают психологию любовной магии. Внезапное любовное чувство, охватывающее человека и глубоко потрясающее его, издавна поражало людей и ассоциировалось с колдовской силой, магическим напитком. Достаточно напомнить поэтическую легенду о Тристане и Изольде.

Народная поэзия полна любовной магии.

Чорнії брови, карії очі,
Темні, як нічка, ясні, як день.
Очі ви, очі, очі дівочі,
Де ви навчились зводить людей?
Вас і немає, а ви мов ту́та,
Світите в душу, як дві зорі,
Чи в вас улита якась отрута?
Чи може справді ви знахарі?

Эти стихи Константина Думитрашко давно уже стали украинской народной песней и народ дополнил:

Чи вам ворожка наворожила?
Чи вам знахарка чарів дала?
За що же, очі, вас полюбив я?
За що же душу вам віддав я?..

Что это? Только поэтическая метафора, близкая сердцу каждого? Нет! Неразделенная любовь, активизируя мечты человека, часто способствовала усилению религиозного чувства и веры в любовную магию — возможность «приворожить» любимого или любимую.

Интересен следующий декрет французского короля Людовика XV, изданный им под влиянием религиозных ханжей:

— Та женщина, которая будет покушаться при помощи белил или румян, духов, разных эссенций, искусственных зубов и волос, ботинок с высокими каблуками и т. д. вовлечь в супружество подданного его величества, будет признана чародейкой и, как таковая, будет наказана. Брак же будет считаться недействительным и уничтоженным.

Модные суеверия

Во многих зарубежных городах на улицах нет домов под № 13, а в гостиницах нет комнат под этим номером. Чего здесь больше — предрассудка, суеверия, моды или привычки?

В начале нашего столетия пропуск 13-го номера был модой больше, чем предрассудком. Не так уж много людей верили в то, что 13 «приносит несчастье». Но стало модным отказываться от квартир в домах и от комнат в гостиницах под этим номером. Известно, что, когда строители сдавали дом для космонавтов, они в шутку (в шутку ли или в дань моде?) на дверях поставили номер «12», «12-а», «14».

В психологической сущности суеверий и моды есть общность: инертность, подражание, шаблон, легкость перехода в привычки. Даже в массовых «религиозных эпидемиях» средневековья и более поздних, типа «лурдских чудес», психологически был заложен большой элемент моды.

А что иное, как не мода, существующее кое-где стремление молодежи к венчанию в церкви? По крайней мере, подлинного религиозного чувства и предрассудка в таких явлениях несравнимо меньше, чем фрондерствующей моды.

За рубежом сейчас модной становится всякого рода модернизация религии. Иногда идеологическая, а иногда внешняя, идущая за модой. Например, совмещение в одном и том же помещении богослужения и светского концерта, танцев. Любую модернизированную религию В. И. Ленин называл «подчищением» религии, отмечая, что «подчищенная» религия даже более опасна. Замаскированный враг всегда опасней отчетливо видимого!

Сила традиции

Яркий и глубокий ум современности английский философ Бертран Рассел, мысли которого я уже приводил, разбирая и показывая несостоятельность ряда аргументов в пользу существования бога, сказал о человеке, не менее глубоком и умном, немецком философе Иммануиле Канте:

«Но стоило ему опровергнуть эти аргументы (в пользу существования бога: а именно первопричины, естественного закона и целесообразности.— *К. П.*), как он тут же сочинил новый аргумент, нравственного порядка, и совершенно уверовал в него. Кант был похож на многих людей: в интеллектуальных вопросах он был человеком скептического склада, но в вопросах нравственных он безоговорочно принимал на веру все понятия, усвоенные с молоком матери...»

Моя мать, которую я рано потерял, была очень религиозной. И мои детские воспоминания о ней связаны с церковным хором и лампадой у иконы. Где бы я до сих пор ни услышал церковный хор и ни увидел лампаду, я по ассоциации всегда и неизменно вспоминаю свою мать и свое детство.

Поэтому я хорошо понимаю сложный душевный конфликт атеиста, не желающего наносить обиды старушке матери, перевоспитать которую он иной раз бессилен.

Но поэтому я хорошо понимаю и страшную силу традиции в сохранении религиозных верований.

— Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых,— сказал Маркс, призывавший к борьбе с ними.

Силу традиций понимал и Пушкин:

К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.

Так писал он, принимая традиции только на словах, а в жизни страстно борясь со многими из них, как и со всяким деспотизмом.

«Понять — значит простить» — гласит пословица. Но здесь она неприменима. Понимать страшную силу традиций, и в особенности религиозных традиций,— никак не значит оправдывать их. Нельзя оправдать, когда в современной советской семье в угоду старухе матери молодежь венчается или крестит ребенка, разрешает ему ходить с бабушкой в церковь. Незачем калечить душу ребенка.

Поступки человека определяются результатом борьбы мотивов в волевом акте. Оскорблять религиозное чувство матери нельзя. Но это не значит, что надо подпадать под влияние ее мировоззрения.

Психология обряда

Полку, в который я приехал, было присвоено гвардейское звание, и ему вручалось гвардейское знамя. Настроение у всех было приподнятое, торжественное. Весь личный состав стоял в строю. Командир полка подошел к знамени и, став на одно колено, поцеловал его край. Каждый из солдат и офицеров тоже стал на одно колено и стал повторять за командиром полка слова гвардейской клятвы.

— Как в церкви! — шепотом сказал один из посторонних, стоявших в стороне.

«А ведь он прав на две трети»,— подумал я.

Во-первых, по форме вручение гвардейского знамени является обрядом. Венчание или крещение — тоже обряды.

Во-вторых, психологически они кое в чем также близки, так как участникам этих обрядов свойственны чувства большой значимости события, радости за его свершение, ответственности за его последствия; известная условность, даже театральность, создает торжественную обстановку и способствует приподнятости настроения и продуктивности (точности, яркости, длительности) сохранения памятью события.

И только в третьем компоненте каждого обряда — в его идеологическом содержании — между этим воинским и церковными обрядами нет ничего общего.

Но и это только теперь. А ведь воинские знамена — это рудимент изображений святынь, которые носили в походе древние египтяне. Ведь первые знамена — византийский лабарум, древнерусские хоругви, мусульманское «знамя пророка» — все они отражали религиозную идеологию. Все они создавали у воинов настроение, отлично выражавшееся словами:

— С нами бог,— кто против нас?

Религиозные корни воинских традиций очень глубоки и вместе с тем сразу бросаются в глаза. Так, большинство старых орденов, как правило, кресты. Все русские ордена были посвящены святым. Достаточно вспомнить георгиевский крест в честь Георгия Победоносца.

Духовенство всегда уделяло огромное внимание обрядовой стороне религии даже в мелочах. Органная музыка в католической церкви, написанная Бахом, или православная заутреня на пасху, даже обычный колокольный звон — кто может отрицать их эстетическую сторону и силу психологического воздействия? Мусоргский недаром использовал колокольный звон в опере «Борис Годунов».

Но духовенство не так уж часто само придумывало обряды, им гораздо чаще использовалось ранее созданное народом. Обряды христианской церкви корнями уходят в язычество и магию. Духовенство только насыщало религиозным содержанием народные обряды, примером чему служит убранная игрушками и свечами елка на рождество и комната, украшенная травой и ветками на троицу.

Новая идеология не отрицает обрядов, но дает им другую идейную нагрузку. И семейные праздники: новоселье, свадьбы, рождение детей — и общенародные: посвящение в рабочие, праздник урожая и другие — отражают новую идеологию. Они создаются самим народом, отражая не только национальные, но и чисто местные условия.

Обряды — это форма общественной психологии, а не идеологии. Они легко создаются народом и с большим трудом навязываются ему извне. Здесь проявляется общий закон: идеология вносится в сознание определенных групп людей, а их психология формируется чаще стихийно.

Безрелигиозные обряды

Когда в детстве нам с сестрой мать устраивала елку, на которую приходил Дед-Мороз, это была радость, воспоминания о которой не стерли годы. Потом я понял, что рождественская елка, как и сам праздник рождества, это религиозный предрассудок и в 20-х годах с презрением смотрел на единичные, блестящие огоньками елки, как на «осколки разбитого вдребезги». А вот когда стал подрастать сын, мне стало грустно и стыдно, что я не могу дать ему сверкающего праздника и детской радости, которую до-

ставляла мне мать. И я от души сказал спасибо Павлу Петровичу Постышеву, который письмом в газету «Правду» в декабре 1935 года реабилитировал детский праздник новогодней елки.

А ведь вначале некоторые горе-педагоги не только елку «отменили», но и настаивали на большем:

— Предлагаем заменить народные нереальные, фантастические сказки простыми, реальными, взятыми из мира действительности и природы,— писали они в журнале «На путях к новой школе» (1924, № 1, стр. 152).

Ну разве в том дело, что исторически украшение елки связано с религиозным культом деревьев, а танец вокруг елки и песня «В лесу родилась елочка» — чистейший пережиток ритуального танца культа деревьев? Деда-Мороза за рубежом называют Санта-Клаусом — святым Николаем. Но все же я уверен, что и в коммунистическом будущем дети будут танцевать вокруг елки и сияющими глазами смотреть на Деда-Мороза.

Любые народные обряды, являющиеся нейродинамическими стереотипами, легко приобретают незаконченную, условную ритуальную форму и могут получать нагрузку религиозной идеологии. Но ритуальность, как мы видели, может быть и в войсковых обычаях, и в детских играх. Значит, надо различать форму обряда и его идеологическую нагрузку.

Советский Дед-Мороз, не отличаясь от Санта-Клауса по обрядной форме, освободил эту форму от религиозной идеологии, сохранив психологию сказки.

На наших глазах советский народ вкладывает новый смысл в старые обряды, создавая, например, комсомольские свадьбы. Восстанавливается и ряд старых безрелигиозных обрядов, например торжество встречи дорогого гостя хлебом-солью, обряды праздника первого колоса, «приступая к уборочной кампании», и праздника урожая, как «отчета об окончании уборочной кампании».

Я взял в кавычки два канцеляризма и думаю, что каждый читатель сам и без кавычек почувствовал бы, насколько они эмоционально отличаются от содержания соответствующих праздников.

А в ряде случаев старый по содержанию обычай

приобретает совершенно новые формы. Ведь по существу не чем иным, как психологической аналогией инициации, является обряд «принятие в рабочие» подростка, пришедшего на завод, или обряд встречи пополнения воинской части.

Праздник, торжество и связанный с ними обряд всегда были и будут нужны народу. Счастье человечества в том и проявляется, что, освободившись от религиозных пут, праздники, торжества и обряды становятся ярче и богаче по своему содержанию и эстетическому переживанию их.

1 сентября

Я хотел к началу учебного года быть уже дома, но моя «Волга» закапризничала, «искра в землю ушла», как шутят шоферы, и планы мои были нарушены. В большом белорусском селе, в которое я завернул выкупаться в озере и выпить молока, пришлось не только заночевать, но и провести 1 сентября. Но то, что я увидел как психолог, вознаграждало меня за муки как шофера.

Остановился я в доме против школы. Еще въезжая в село, я сразу обратил на нее внимание. Место для нее выбирал человек со вкусом, и она отлично «вписывалась в пейзаж». Как я потом узнал, еще в начале 30-х годов выбор этого места был целым событием, которое обсуждало все село. Так со вкусом и знанием дела когда-то выбирали в селах место для церкви. Известно, что на Руси были даже особые специалисты, которых приглашали из монастырей только для этого.

С вечера я обратил внимание на праздничную суетню около школы. Хотя казалось, что все вокруг уже давно прибрано, старшеклассники продолжали наводить порядок, посыпали дорожки песком, украшали здание флагами и гирляндами из веток. Да и по всему селу то тут, то там сновали, как муравьи, ребята. Чувствовалось, что все готовятся к празднику. И действительно, в этом селе давно уже стало традицией отмечать начало учебного года большим праздником. Эта хорошая традиция была заведена еще тем учителем, который так удачно выбрал место

для школы. Она заботливо поддерживалась его учениками, ставшими сначала матерями и отцами, а теперь уже бабками и дедами. Правда, их мало уже осталось после войны, но на них сумел опереться (а может быть, и только поддержать их) вернувшийся с войны молодой учитель.

Наутро 1 сентября я увидел в этой школе многое из того, что можно было в этот день увидеть в любой другой советской школе. Первоклассники пришли с букетами цветов, они сначала жались к родителям, но вскоре выстроились в линейку против старшеклассников, оканчивающих школу в этом году. Затем состоялся торжественный вынос знамени школы (того самого знамени, которое завел в 30-х годах старый учитель, а ученики сумели сохранить во время оккупации!). Директор школы произнес краткую, но торжественную речь, а после этого мальчики и девочки возлагали цветы у мемориальной доски с фамилиями бывших учеников школы, которые погибли в боях за Родину.

Но все это было здесь оформлено более торжественно, чем в других школах, все это звучало как великолепный обряд и по-настоящему волновало. На груди у всех — и школьников, и учителей — были одинаковые значки — «герб» этой школы. Десятиклассники прикололи такие эмблемы к груди первоклассников. Я обратил внимание, что школьники, пробегая или проходя мимо учителей, замедляли шаг и почти по-военному поворачивали голову в их сторону.

Потом состоялась торжественная передача первоклассникам их класса школьниками, отучившимися в нем. Школьники, которые сами когда-то получили от своих предшественников парты, торжественно передали их новым ученикам.

Первый школьник, который передавал парту, сказал:

— Береги эту парту, как ее берегли те, кто передал ее мне, и как я берег ее, чтобы потом передать ее тебе.

Иногда назывались фамилии тех, от кого парта была получена. Но потом зазвучали другие слова:

— Я не знаю, кто сидел на этой парте раньше

меня, но я берег ее для тебя, чтобы ты ее передал другому, как я передаю тебе.

И наконец я услышал:

— Прости меня, что я не уберег эту парту для тебя и ее пришлось ремонтировать, но ты береги ее, чтобы без ремонта передать ее другому.

Это был традиционный и очень полезный ритуал, воспитывавший отношение школьников не только к парте, но и ко всему школьному имуществу.

В этой школе был еще один обычай, с которым я ранее не встречался. Соседи по парте менялись друг с другом карандашами со словами:

— Помни о соседе.

Иногда (но редко) это были обычные карандаши, но чаще они были украшены различной, иногда очень затейливой резьбой. А с самым младшим первоклассником менялась карандашом, украшенным ее инициалами, учительница. Причем это происходило также в торжественной обстановке.

Все это, вместе с раздачей учебников, продолжалось недолго, после чего все разошлись.

— Для первоклассников день начала учения должен быть праздником, запоминающимся на всю жизнь, как запомнится потом и день окончания школы,— сказал мне директор.— Школа имеет очень много еще неиспользуемых возможностей для воспитания чувств подрастающего поколения. Торжественность, обрядность и ритуальность, находившие ранее выражения в основном в религии, как-то незаметно стали уходить и из школы. А они должны не уходить, а, напротив, всячески усиливаться в школе, воспитываться из поколения в поколение как традиции и школы вообще и каждой данной школы в частности. Выработанная у школьника привычка к ритуалу, даже к этикету, наполненному возвышенным содержанием, не только облагораживает его, но и делает более дисциплинированным. Не везде есть школьное знамя, подобное нашему. Но я думаю, что каждой школе необходимо иметь и его и даже свой герб. Пусть они будут самодельные. Это будет даже лучше.

Но 1 сентября,— продолжал он,— праздник не только для школьников, но и для учителей. И им

тоже всячески надо в этот день поддерживать праздничное настроение. Более того, не может быть полноценного праздника для детей, если этот день не является праздником и для учителей. Коллектив школы — это ведь единый коллектив, объединяющий и тех и других. Поэтому я своею властью сокращаю им этот рабочий день, никогда не задерживаю учителей ни на какие-либо мероприятия и совещания. Все это было уже в последних числах августа и будет потом. 1 сентября должно быть большим праздником!

Но только вы, профессор, пожалуйста не пишите о нас. Не все со мной согласны, а тратить время на споры я не могу,— вдруг заволновался директор.— Вот Академия педагогических наук теперь стала общесоюзной, может быть, она серьезно займется проблемой школьных обрядов...

Выполняя просьбу директора школы, я не называю ни его фамилии, ни села. Но не писать о том хорошем, что я увидел, и не привести его умных слов я не могу.

Есть чему поучиться

Калачинск — небольшой городок Омской области, казалось бы, ничем не примечательный. И горсовет в нем вроде бы такой же, как в любом другом районном центре. Так нет, поди ж ты, собралась в этом горсовете уже ряд лет назад группа активистов и создала специальную комиссию по гражданским обрядам.

Сначала народ насторожился: что еще за обряды? А потом понравилось. Быстро вошли в традицию «дни посвящения в гражданство»: ежемесячно в Доме культуры депутаты горсовета, при переполненном зале, в торжественной обстановке, вручают родителям свидетельства о рождении ребенка. Представители общественности, родственники, друзья, сослуживцы поздравляют родителей, преподносят ребенку подарки.

Скромно, но торжественно 1 сентября отмечается «праздник школьника». На всех предприятиях и во всех учреждениях города стали традицией поздравления каждого сослуживца с днем рождения. Причем

поздравляют его не только сослуживцы, но и представители общественных организаций. Так же отмечаются и «золотые свадьбы». Скромно, но торжественно, коллективно и весело.

Калачинск — небольшой городок, казалось бы, ничем не примечательный. Но у активистов Калачинского горсовета есть чему поучиться. Хорошо понимают они, что такое общественная психология, и умеют формировать ее.

Грешно

Не одно тысячелетие, воспитывая ребенка и обучая его элементам морали, плохое всегда связывали с грехом:

— Не делай так! Это грешно! Бог накажет!

Грех как религиозное понятие — это неугодное богу действие; это нарушение религиозных предписаний, правил.

Все религии учили и учат, что эти предписания и правила даны человеку богом, потому, нарушая их, человек и виноват только перед богом. Грех можно «замолить», т. е. уговорить бога «отпустить грех». Вину же перед людьми нужно исправлять делом.

Привычка отвечать «только перед богом», а не перед людьми за свои поступки толкала и толкает до сих пор ряд верующих на тяжелые преступления.

Бог, как считают верующие, может каждому простить почти все грехи. На то он и «всемилостивый». Так, в 1095 году римский папа сразу и заранее от имени бога отпустил все грехи — дал индульгенцию — всем участникам первого крестового похода. Массовые индульгенции давались папами не раз и в дальнейшем.

Практически такая психология греха была очень удобна, и не случайно индульгенциями (так в XI веке начали называть церковные грамоты об отпущении грехов) духовенство стало торговать, причем торговать выгодно.

Церковь всегда получала выгоду от кающихся в грехах верующих в виде различного рода жертвоприношений. Но делающий жертвоприношение никогда не был уверен, что жертва его принята и он

«прощен богом». А покупая индульгенцию, он сразу чистоганом рассчитывался с всевышним за совершенный грех или, что было еще удобнее, за грех, который он собирался «взять на душу».

Исповедь

Я до сих пор не забыл своего огорчения, когда не был допущен к занятиям в гимназии... так как не исповедовался священнику в своих грехах и, следовательно, не был записан им в официальную «исповедную книгу».

Исповедь — таинство покаяния; устное признание грехов своих перед духовником. Исповедовать — расспрашивать, заставлять рассказывать все; выслушивать и отпускать грехи перед причастием — так В. Даль определяет эти слова в своем «Толковом словаре».

Какова же психологическая сущность исповеди, заставлявшая уже с IV века большинство верующих добровольно исповедоваться, «раскрывая душу» духовнику? Этих психологических сторон в исповеди по крайней мере три.

Первая сторона — это психическое явление, понятое еще древнегреческими философами-пифагорейцами и более подробно разработанное Аристотелем в учении о катарсисе (что по-гречески означает очищение) под влиянием музыки, трагедии. Сейчас это явление нам понятно с точки зрения взаимодействия эмоций и вытеснения примитивных эмоций возвышенными и более сильными эстетическими. Не удивительно, что ритуальная обстановка исповеди способствовала катарсису в аристотелевском смысле.

Вторая психологическая сторона исповеди отражена в мудрой народной поговорке: «Разделенная радость — двойная радость; разделенное горе — половинное горе». Каясь в грехах священнику, исповедующийся невольно делился с ним и своим горем, и радостями, и притом теми, о которых он не мог обычно говорить с другими людьми.

Третьей психологической стороной исповеди является тоже катарсис, но уже в другом смысле этого понятия, применяемом в современной психотерапии.

Не всегда осознанные и часто мучительные переживания, вызванные «психическими травмами» и, что то же самое, «душевными ранами», в беседе больного с врачом-психотерапевтом становятся более осознанными, связанными в причинно-следственные цепи. Словесные высказывания об этих травмах вносят изменения в застойные очаги возбуждения в коре головного мозга, а часто и ликвидируют его. Высказанное легче забывается. Потому такая беседа с врачом (а также и исповедь) приносит облегчение и улучшение самочувствия.

Здесь сразу же надо сказать, что австрийский психиатр Зигмунд Фрейд (1856—1939) и его последователи — фрейдисты и неофрейдисты исказили это понимание катарсиса, связав его только с детскими и только с сексуальными психотравмами.

Эти три психологические стороны исповеди относятся не только к ней. Очищающее душу действие, которое появляется после посещения концерта или театра, в результате дружеской беседы и, наконец, не внешне показного, а подлинно самокритичного выступления на собрании членов единого коллектива,— все это проявления этих же закономерностей.

Но в исповеди есть и четвертая ее психологическая сторона, присущая только ей и определяемая ее принадлежностью к религиозной психологии. Это вера в возможность «отпущения» высказанных грехов священником от имени бога. Эта вера обща с верой в возможность откупиться от греха покупкой индульгенции, покаянием, постом или жертвоприношением.

Так в психологии исповеди, как и в психологии молитвы и в ряде других случаев, общие психологические закономерности, искажаясь верой, становятся явлением религиозной психологии. Но наличие этих общих закономерностей, принося человеку облегчение, даже радость, закрепляет соответствующие явления. Если бы исповедь и покаяние в грехах не давали бы людям облегчения, церковь не смогла бы заставить верующих исповедоваться. Здесь, как и во многих других случаях, религия умело использовала в своих целях психологические закономерности.

Непрерывность жизни

Константин Эдуардович Циолковский, заглянувший силой мечты и научного предвидения в глубины космоса, считая себя материалистом и монистом, вместе с тем признавал возможность повторного рождения. Вот отрывки из его рукописи, написанной 24 декабря 1933 года, в которой он изложил свои взгляды в форме диалога, названного им «Непрерывность жизни»:

«— В каком состоянии находилось ваше тело до вашего рождения?

— Вещество, из которого я теперь состою, было рассеяно в воздухе, воде и почве.

— Значит, до рождения вы были мертвы?

— По всей вероятности.

— Но раз вы были мертвы, а теперь ожили, то, стало быть, вы воскресли из мертвых.

— Выходит, что так...

— Как вы думаете, может ли повториться жизнь, можете ли вы снова жить после смерти?

— В той же точно форме это невозможно, но в другой форме весьма вероятно...

— Что же последует за вторым рождением?

— Третье, четвертое, и так без конца, и все в новой форме.

— Однако может пройти столько биллионов лет, что и Земли тогда не будет. Как же я тогда оживу и где?

— Вместо Земли будут другие планеты. Вы на них оживете. Форма смертна, но материя бессмертна...»

Конечно, это не упрощенный метемпсихоз (переселение душ), являющийся элементом многих религий, в частности индуизма, считавшего, что душа умершего переходит в другое существо. В любой религии метемпсихоз всегда опирается на веру — потому это явление религиозной психологии. И именно как религиозное суеверие вера в «переселение душ» еще нередко встречается. Потому о ней и говорится в этой главе. Но у К. Э. Циолковского его идея о непрерывности жизни, возможности повторного рождения как сходной комбинации атомов,

которое может возникнуть «с интервалом в биллионы лет», это не религиозная идея, а чисто научное заблуждение. Он не знал теории отражения диалектического материализма и психику рассматривал с позиций рефлексологии В. М. Бехтерева. Кроме того, Циолковский не учел, что и сходная комбинация атомов не может дать преемственности сознания. А об этом очень хорошо и с немалой иронией сказал еще Лейбниц:

— Что хорошего, сударь, было бы, если бы вы стали китайским императором, при условии, что вы забудете, кем вы были? Разве это было бы не то же самое, как если бы бог в момент, когда он уничтожил вас, создал в Китае императора? — спрашивал он.

Но для психологии религии важно то, что метемпсихоз в любых его вариантах, кроме варианта К. Э. Циолковского,— это мечта о бессмертии.

Иллюзия бессмертия

Здоровому, полному сил человеку трудно примириться с мыслью о том, что весь мир и его внуки будут существовать, а его уже не будет. Чувство протеста против смерти было свойственно всем народам, во все времена. Вот почему так быстро облетели мир детские слова песни:

Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!

Это чувство очень глубоко описал Л. Н. Толстой в статье «Страх смерти».

Миф о бессмертной душе — один из вариантов иллюзии бессмертия. Другим ее вариантом является метемпсихоз. Но иллюзия бессмертия не такая уж безобидная для человечества идея, как может показаться на первый взгляд.

«Если верить в царство бессмертия для всех людей, то война, по-видимому, не будет казаться столь ужасной»,— писал прогрессивный американский философ К. Ламонт в предисловии к русскому

изданию своей книги,— название ее я поставил в заголовок этого рассказа.

В разгар корейской войны 11 сентября 1950 года в «Нью-Йорк таймс» можно было прочесть следующее:

«Скорбящие родители, чьи сыны были мобилизованы для службы в боевых частях, услышали вчера в соборе святого Патрика, что смерть в бою является частью божьего плана, имеющего целью населить царство небесное».

Еще откровеннее слова одного из английских священнослужителей, сказанные им в проповеди в 1954 году.

— Водородная бомба не является самой большой опасностью нашего времени,— сказал он.— В конечном счете самое большее, что она может сделать,— это перенести значительное число человеческих существ из этого мира в другой, в более жизненный, мир, в который они однажды так или иначе попадут.

Вот куда может привести психология веры в бессмертие!

И все же бессмертие человека есть. Оно — в делах его, оставленных грядущим поколениям. Бессмертие человека не только в произведениях искусства, науки или техники. Человек, выстроивший дом, в котором будут жить люди, или посадивший дерево, под которым будут играть дети, тем обеспечил себе бессмертие на срок жизни дома или дерева. Учитель обретает бессмертие в делах своих учеников. И это уже не иллюзия бессмертия.

Все остается людям!

Сила и слабость религии

В Москве, в одном из залов Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, находится стела XVIII века до н. э. Стела — это вертикальная плита или колонна с изображениями и текстом, поставленная для увековечивания какого-либо важного события. На этой стеле изображен вавилонский царь Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.), получающий от верховного бога солнца и правосудия Шамаша свод законов, а ниже высечены клинописью 282 статьи этого закона.

Закон царя Хаммурапи — один из первых юридических кодексов по гражданскому, семейному и уголовному праву. Но чтобы укрепить его значение, государственная власть использовала авторитет и силу религии.

Библия полна указаний не только юридического и морального, но и санитарно-гигиенического характера. И перед каждым из них стоят слова:

— И сказал бог Моисею (или кому-либо другому)...

Так делали не только Хаммурапи и авторы Библии. Очень многие законодатели пытались укрепить законы государственного права силой религиозного чувства. А моральные нормы в большинстве своем опирались на религиозные каноны.

Но ни одна религия в мире не могла создать общества, в котором бы выполнялись моральные нормы, предписываемые ее канонами. В этом убийственная слабость религии.

Теперь наука знает, почему это так происходит. Марксизм, открыв закон развития общества, показал, что в основе жизни общества лежат экономические законы и прежде всего производственные отношения людей, что общественное бытие определяет и общественное и индивидуальное сознание, что и религия, и наука, и искусство, и сами моральные нормы являются надстройкой, а базисом, основой является экономика общества. Но какой огромный путь должно было пройти человечество, чтобы понять эти законы!

Те, кто в своих кодексах восставал против земного деспотизма, нередко пытались обойтись без идеи бога. Тому свидетельства — Великая хартия вольностей, написанная в 1215 году восставшими английскими феодалами, и Декларация прав человека и гражданина, провозглашенная в 1789 году французской буржуазной революцией.

Но только моральный кодекс строителя коммунизма, включенный в Программу Коммунистической партии Советского Союза, проводя в жизнь лозунг «все для человека», полностью и последовательно исходит из законов развития человеческого общества.

Психология пассивности

И история и психология убедительно говорят, что в структуру религиозной психологии существенным компонентом входит психическое состояние пассивности. Конечно, история религии знает не один случай использования стенического религиозного фанатизма, мобилизующего активность масс. Сюда относятся проповедь газавата («священной войны против иноверных») исламом, христианством — крестовых походов, выступления кальвинизма во время буржуазных революций и т. д. Самыми бескомпромиссными и упорными были религиозные войны.

Но во всех этих случаях религиозное чувство было только толчком, мобилизовавшим другие чувства, которые затем укрепляли его в свою очередь. Именно потому К. Маркс так ярко и убедительно сказал о сущности религии:

— Религия — это вздох угнетенной твари.

В. И. Ленин также подчеркивал ее связь с угнетением, придавленностью, усыплением активности, в частности в классовой борьбе. Так, в письме М. Горькому, посвященном разбору ошибок последнего в оценке религии, В. И. Ленин в ноябре 1913 года писал, что «бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнетом,— идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу». В этом же письме он писал: «Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей».

Пассивность, как свойство религиозной психологии, особенно типична для современных религиозных людей. И без понимания психологии пассивности сейчас трудно понять психологию современного верующего.

В пассивности и активности отчетливо видно различие, а также единство и взаимовлияние трех видов психических явлений: психических процессов, психических состояний и свойств личности. Если состояние активности связано с возбуждением коры головного мозга, то пассивность всегда связана с

более или менее глубоким и разлитым по коре торможением.

Посмотрите на людей в церкви, синагоге, мечети. За исключением относительно небольшого числа фанатически или даже «умиротворенно» молящихся, они являются прекрасным объектом для изучения пассивности, а иногда и скуки.

Внушение и самовнушение, лежащие в основе исцелений, которые выдаются за чудеса во всех религиях,— это также проявление пассивности верующих, говоря психологическим языком, и результат торможения определенных участков коры головного мозга, говоря языком физиологов.

Но нелепо было бы считать, что пассивность всегда выступает отрицательным явлением в жизни человека. Тогда нужно было бы отрицать пользу сна. Ведь и сердце именно потому всю жизнь бьется, что периоды активности у него все время сменяются периодами пассивности. Состояние временной пассивности полезно, однако нельзя не напомнить, что, как показал И. М. Сеченов, при утомлении так называемый активный отдых, т. е. смена деятельности, более полезен, чем чисто пассивный отдых.

Но совсем плохо, когда пассивность из временного состояния благодаря частому повторению превращается в стойкие черты личности и тем более в черты характера человека, т. е. такие свойства личности, которые проявляются систематически в различных видах деятельности.

А ведь именно к этому стремится современная религия, этому она учит, этого добивается:

— Смиритесь!

— Не протестуйте!

— Подчинитесь воле божьей!

Человек есть мера всех вещей

В религиозной психологии есть очень специфическая и крайне вредная особенность. Вернее, несколько особенностей, тесно связанных между собой и объединенных понятием «двойственность».

Прежде всего, это та двойственность, которая позволяет перекладывать любую свою вину на бога:

— На то воля божья...

Во-вторых, это самооправдание своей пассивности:

— Мое дело помолиться, а бог поможет.

В силу этой двойственности и на просьбу человека, которому и нужно и можно помочь, религиозным человеком давался и дается ответ:

— Бог поможет...

Народ давно почувствовал эту двойственность и выразил здоровый протест против нее в пословице: «На бога надейся, а сам не плошай!»

Эта двойственность очень замаскированно проявляется в религиозной морали. Верующие забывают, что мораль, трактуемая ими как данная богом, на самом деле рождалась из потребностей человеческого общества и была призвана служить на благо человеку. Поэтому в заголовок этого рассказа я и поставил слова древнегреческого философа-атеиста и диалектика Протагора. Эти слова обычно трактуют как доказательство субъективно-идеалистических взглядов Протагора. Но я думаю, что их правильнее понимать иначе: человек — это высшая ценность мира и мера всей морали.

Верите ли вы в привидения?

— Верите ли вы в привидения? — спросили человека.

— Нет,— ответил он и растаял.

Ответы многих дочерей Альбиона на аналогичный вопрос, заданный Британским институтом общественного мнения, не так уж далеки от этого английского анекдота.

— Нет, я не верю в привидения днем,— ответила одна из спрошенных.

— Конечно, никаких привидений нет. Но и за 1000 фунтов стерлингов вы не заставите меня переночевать в доме, где водятся духи,— сказала другая.

36% опрошенных ответили на этот вопрос утвердительно (причем соотношение мужчин и женщин было 2 : 3), и этот процент достаточно велик, чтобы задуматься над ним.

Сколько на свете суеверных?

— Суеверны вы или нет?

Большинство из читателей после некоторых раздумий, пожалуй, сможет ответить на этот вопрос. Но далеко не все.

Для изучения вопроса за рубежом часто используют метод анонимных анкет. Несмотря на свою неточность, он все-таки дает определенное представление о распространении суеверий. Так, по данным министерства просвещения ФРГ, 95% сельского населения и 65% городского верит в колдовство и пользуется амулетами от «порчи». Из 1300 студентов Стенфордского университета в США 84% девушек и 72% юношей признались, что верят в то, что можно «сглазить».

Американские психологи придумали, как объективно подсчитать процент суеверных людей. Они использовали одно (только одно!) широко распространенное в США суеверие: кто пройдет под лестницей-стремянкой, у того будут большие неприятности.

В вестибюле одного из павильонов на Всемирной выставке в Нью-Йорке (1939 г.) как будто случайно была поставлена высокая лестница-стремянка. Прямой путь от входной двери к двери в зал проходил под ней. Она была столь высока, что не мешала проходу, но ее можно было и обойти стороной, сделав крюк в довольно просторном и пустом вестибюле. Фотоэлементы незаметно регистрировали число человек, посетивших павильон, и число прошедших прямой дорогой, а не в обход лестницы.

70% из нескольких миллионов посетителей Всемирной выставки оказались суеверными!

Глава VI

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Нужны ли нам лапти?

— Вы не раз говорили о религиозной психологии как о чем-то закономерном для человечества. Зачем же тогда бороться с религией? — было написано в одной из полученных мною после лекции записок.

— Если бы религия не была закономерным явлением в истории культуры человечества, а религиозная психология — в развитии сознания, то они не сопутствовали бы им от первобытного человека до наших дней,— ответил я.— Но ведь и болезни и преступления тоже не случайны, а закономерны, а кто может отрицать необходимость непримиримой борьбы с ними?

Марксизм, признавая закономерность всех явлений природы, общества и сознания, побуждает все глубже и глубже раскрывать их. Это я и пытался делать, отнюдь не только пересказывая уже известное, но и не боясь высказывать еще спорное. А раскрытие закономерностей отрицательных явлений облегчает эффективную борьбу с ними.

В чем же главная отрицательная сущность религиозной психологии? (Напоминаю, я говорю в этой

книге не о религии, а о религиозной психологии.) В подмене знания верой.

Всегда ли борьба с религиозной психологией была для человечества одинаково актуальной? Нет, не всегда! На первых шагах у химии и алхимии, у астрономии и астрологии, у истории и мифов, у медицины и знахарства не было столь отчетливо выраженных антагонистических противоречий, как сейчас.

Ведь было время, когда наши предки ходили в лаптях и лапти их устраивали. А в первое время после создания Красной Армии лапти даже заготавливались для красноармейцев. Так и историю когда-то писал «какой-нибудь монах трудолюбивый». Помните эти слова Пимена из «Бориса Годунова»? А шаман худо или плохо, но вправлял вывихи.

Но сейчас лапти нам не нужны!

Пережитки

Вот часть стенограммы одной из моих лекций, которую уместно включить в заключение этой книги.

— Надо различать три рода религиозных пережитков, различных по своей психологической сущности,— говорил я тогда.

Первым родом религиозных пережитков являются непосредственные пережитки у человека, возникшие как форма сознания, соответствовавшая его бытию, и не искоренимые до конца его жизни. Еще живы старушки, привыкшие ходить в церковь при царе и там мечтать о счастливой жизни. Кое-кто из них не перевоспитался и поныне. Но не в них же дело, и не их надо перевоспитывать.

Вторым родом являются пережитки, которые психологически очень близки к предыдущим, однако требуют активного воспитательного воздействия. Это тоже непосредственные пережитки у молодежи, возникшие в результате неблагоприятных условий. Эти пережитки у молодых людей являются непосредственным результатом религиозных пережитков предыдущего рода у старшего поколения, создающего соответствующее микросоциальное влияние на молодежь. Этот род пережитков иногда проявляется как случайное, даже непонятное явление. Но иногда в

результате ослабления идеологической работы или в совокупности с тяжелыми социальными явлениями, как, например, в военное и послевоенное время, дает вспышки религиозности.

Третий род религиозных пережитков, встречающийся только у молодежи, также является рецедивным, но, в отличие от второго, причина рецедивов здесь более сложная и обусловлена не только непосредственными социальными влияниями и подражанием, но и другими психологическими причинами. Поскольку сейчас общепризнано, что в основе происхождения неврозов лежат не только биологические, но и социальные причины, этот еще мало изученный род пережитков на одном из своих флангов смыкается с неврозами...

После лекции предложенная классификация пережитков вызвала оживленный обмен мнениями, а со стороны верующих, присутствовавших на лекции, был и ряд возражений. Но не было ни одного довода, в несостоятельности которого я не мог бы убедить аудиторию.

Может быть, кто-либо из верующих читателей сообщит мне свои возражения, которые я не смогу опровергнуть?

Структура личности верующего

— Что ни говорите, а все дело в Наташином мировоззрении, в направленности ее личности. Ведь моральные качества у нее хорошие: она добрая, отзывчивая, хороший товарищ, готовый всегда помочь. Надо только изменить ее мировоззрение, убедить ее, и она порвет с религией,— горячился один из обсуждавших судьбу Наташи.

Он фактами доказывал ограниченность ее интересов, стремлений, убеждений и вместе с тем наличие хороших моральных качеств.

— Ерунда,— безапелляционно обрезал его другой.— Она типичный меланхолик, слабый тип нервной системы и к тому же с резким преобладанием первой сигнальной системы. Как показал И. П. Павлов, именно такие истерические типы наиболее легко находят утешение в религии. Ей нужно укрепляющее

лечение, надо втянуть ее в физкультурный кружок, заставить бегать на лыжах. Она окрепнет и забудет о своих религиозных метаниях.

— Не о том вы заботитесь,— настаивал третий.— Вы обратите внимание на то, как незначителен ее жизненный опыт, как недостаточны ее знания. С ней ведь и поговорить-то не о чем. Учить ее надо, всячески обогащать ее знания, и через некоторое время она сама поймет, что заблуждается.

— Ну, знаете, вы же просто недооцениваете свойственных ей особенностей психологических процессов,— не очень уверенно сказал четвертый.— Вы посмотрите, какая Наташа эмоционально-возбудимая, слабовольная и легковнушаемая. У нее надо укреплять волю и повышать эмоциональную устойчивость.

В этом споре комсорга и студентов: медика, педагога и психолога — отчетливо проявилась ошибочность переоценки каждой из четырех подструктур (сторон) личности, совокупность которых составляет ее общую динамическую функциональную структуру:

социально обусловленных качеств,

биологически обусловленных качеств,

опыта,

индивидуальных особенностей отдельных психических процессов как форм отражения.

Вместе с тем каждый из Наташиных друзей, говоря только об одной стороне и ошибочно игнорируя три другие, достаточно правильно отмечал черты личности, относящиеся к этой стороне и входящие в структуру личности верующего в целом. Правильно, хотя так же односторонне, каждый из них намечал и мероприятия, нужные для перевоспитания Наташи. Только очень уж легким им казалось это перевоспитание. Раз, два, три, четыре — и готово.

Вместо того чтобы спорить, защищая каждому свою точку зрения, им надо было бы подумать, как взаимосвязаны те черты, которые каждый из них видел, в единую структуру, представляющую единое целое — Наташину личность. Ведь не случайно философы определяют структуру как единство элементов, их связей и целостности. Спорящие правильно называли элементы, но забывали и о их связях и о целостной личности девушки.

Личность — это конкретный человек, это субъект познания и преобразования мира, из личностей состоит общество, и в ней аккумулирован весь опыт человечества. Но человек не только личность, но и организм. Личность — это человек как носитель сознания. И потому личность, как и сознание, целостна, и «разрывать» ее на отдельные элементы и подструктуры можно только условно, с целью изучения.

Потому и друзьям Наташи надо было бы всем вместе наметить мероприятия, которые могли бы ее перевоспитать, а для этого обязательно заинтересовать. И главное, они должны были понять, что эта работа потребует длительного, упорного труда. Их труда и труда самой Наташи.

Понимание динамической функциональной структуры личности верующего облегчает индивидуальную работу с ним.

Структура религиозного сознания

Личность — это человек как носитель сознания. Но это не значит, что структура личности и структура сознания совпадают.

Что же понимать под структурой религиозного сознания, говоря здесь, конечно, об индивидуальном сознании, а не о сознании общественном? Сознание — это высшая форма психики, свойственная только человеку. Следовательно, нет никакой разницы между «психикой человека» и «сознанием». А раз так, то и понятие «религиозная психология» — как особенность психики религиозного человека — ничем не отличается от понятия «религиозное сознание».

Значит, все, что написано в этой книге о различных явлениях религиозной психологии, характеризует различные стороны религиозного сознания. А поскольку структура — это определенная взаимосвязь частей целого, для характеристики структуры религиозного сознания описанные явления религиозной психологии надлежит привести в определенную систему и показать их взаимосвязь.

Можно сказать, что общей структурой религиозного сознания является треугольник, сторонами кото-

рого являются религиозные представления и религиозные действия, а основанием — религиозные чувства. Нет ни одного явления религиозной психологии, которое не уложилось бы в этот треугольник и не было бы связано с одним или несколькими его сторонами.

Конечно, это только схема, и, как всякая схема, упрощает реальные соотношения явлений ради образности, но она помогает их пониманию.

Эта схема показывает религиозное сознание вне его связей со сферой реальной жизни — бытием. А об этих связях, и притом связях и прямых и обратных, забывать нельзя. Кроме того, нельзя забывать и о связях индивидуального и общественного религиозного сознания и о том, что религиозное сознание тесно связано с нравственным и эстетическим сознанием.

Обратные влияния и индивидуального и общественного религиозного сознания осуществляются на бытие не непосредственно, а только через нравственное и эстетическое сознание. Ведь по своей сути вера обращается не к реальному миру, а к богу, к собственному «я». Воплощается она через земные дела — так ведь и учат сами богословы.

И когда мы, марксисты, вслед за В. И. Лениным считаем, что сознание человека не только отражает мир, но и творит, преобразует его, то мы понимаем, что творческая сторона сознания — это научное, нравственное и эстетическое сознание. Религиозное сознание — это только иллюзорное, фантастическое отражение бытия.

Вот теперь я могу ответить на вопрос, который мне нередко задают и о котором я писал, разбирая формулу Тертуллиана:

— Почему я, зная, что вера искажает процесс отражения мира и делает человека глухим к голосу рассудка, все же рассчитываю, что эту книгу прочтут верующие и она им поможет увидеть мир и самих себя такими, каковы они есть?

Сознание, как и личность, у конкретного человека едино. Различные стороны и формы конкретного сознания мы ведь всегда выделяем искусственно, «вырываем», как говорил Энгельс, из взаимосвязи, из целостного сознания. Потому-то невозможное для

религиозного сознания (как только одной стороны, одной подструктуры сознания некоторых советских людей) вполне возможно для сознания человека в целом.

Властелин мира

Люди давно уже поняли, что они чем-то отличаются от окружающего их мира. Не только христианская, но и большинство других религий считают, что человек был создан богом (или богами) как «венец творения». В Библии написано:

— И сказал бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил бог человека по образу своему... (Бытие, гл. 1, ст. 26—27).

Интересно, что к убеждению о превосходстве над другими представителями животного мира люди пришли тогда, когда наука еще не знала ни геологической летописи Земли, ни ее палеонтологической истории.

Противопоставление человека и природы во многих религиях также сливалось с противопоставлением человека и бога. Это и приводило к отождествлению природы и бога.

Теперь наука знает уже достаточно много о происхождении и мира и человека: астрономия о происхождении вселенной, геология — о происхождении Земли, палеонтология — о происхождении животного и растительного мира, антропология — человека. И то, о чем человек только мог смутно догадываться, теперь точно доказано.

Астрономия знает, что Вселенная существовала раньше Земли, а наша галактика, в частности, в 10 000 раз старше Земли. Геология знает, что возраст Земли — три-четыре миллиарда лет, а человек появился около одного миллиона лет назад.

Палеонтология знает, что животный мир развивался не по одной преемственной ветви, а наподобие

ветвистого дерева, почти от самого корня имевшего два ствола. Если вершиной одного ствола является человек, то вершиной другого являются насекомые (в частности, пчелы, муравьи, термиты) и головоногие моллюски (в частности, осьминоги).

Антропология знает, что, в отличие от насекомых, уже существовавших 250 миллионов лет назад и очень медленно продвигавшихся по пути эволюции, человек, под влиянием труда овладевший речью, стал развиваться ранее невиданными темпами и, научившись изготовлять орудия труда, подчинил себе всю природу.

Все это наука знает и дает способы проверять и уточнять эти знания.

Когда первобытный человек выделил свое «я» из «не я», он к «не я» — к «они» отнес не только окружающую природу, таящую для него столько опасностей, но и других людей. Но труд быстро научил его тому, что кроме «я» существует «мы». Человек начал постепенно понимать, что владыка мира не он один, а люди, народ. Но разделение людей на классы, эксплуатация человека человеком и классовая борьба внесли в эти представления двойственность и заставляли создавать нормы морали, якобы исходящие не от человека, а навязанные ему сверху — богом.

В классово-антагонистическом обществе всегда более сильный навязывает свою волю более слабому. И те моральные нормы, которые нужны человеку, он сам делает заповедями всесильного бога: «Не убий», «Не укради», «Не пожелай жены ближнего твоего». И только социалистическое общество, ликвидировав эксплуатацию человека человеком и классовое неравенство, провозгласило:

— Человек есть высшая ценность мира! Все во имя человека, все для блага человека.

Многими «детскими болезнями» нужно было переболеть человечеству, чтобы дорасти до программы построения коммунизма, дорасти до морального кодекса строителя коммунистического общества.

Уже недалеко, в масштабах истории человечества, то время, когда каждый здоровый человек на земле будет им руководствоваться в своих действиях.

Перечитаем внимательно еще раз!

«Партия считает, что моральный кодекс строителя коммунизма включает такие нравственные принципы:

— преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;

— добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;

— забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;

— высокое сознание общественного долга, нетерпимости к нарушениям общественных интересов;

— коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;

— гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку — друг, товарищ и брат;

— честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;

— взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;

— непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;

— дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;

— непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;

— братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами».

Этот кодекс писали люди — люди, которые, преодолевая трудности, сами строят счастливую жизнь. Они строят ее не каждый для себя, а для всех, не для «я», а для «мы». Эта жизнь называется коммунизмом, и она будет на земле, а не на небе.

Религия и коммунизм

Будет ли религия у людей будущего? Заключительный рассказ книги, отвечающий на этот вопрос, казалось бы, мог состоять из одного слова и восклицательного знака — «нет!».

Но, во-первых, восклицательный знак не доказательство. Это «нет» надо доказать.

«Несомненно, что христианство будет существовать даже через тысячу лет (в виде чучела в музее!)». Так мог писать в своих записных книжках Марк Твен. А в науке восклицательными знаками ограничиваться нельзя.

А во-вторых, законно возникает вопрос: все ли социально-психологические предпосылки, вызывающие образование религии и религиозных чувств, при коммунизме отомрут или, может быть, некоторые получат только иную реализацию? И это совсем не праздный вопрос. Завтра и послезавтра начинается не только сегодня; оно уже началось вчера и позавчера. Представление о том, что ожидает человечество, созданное на основе понимания его прошлого, всегда позволяет уточнить и отношение к явлениям сегодняшнего дня.

То мнение, что религия в истории народов является преходящим явлением, высказывали еще французские философы-материалисты XVIII века.

— Если незнание природы,— писал Гольбах в «Системе природы»,— дало начало богам, то познание ее должно уничтожить их.

Но французские философы-материалисты, а вслед за ними многие буржуазные просветители не понимали, что и возникновение и исчезновение религии зависит не столько от психологических причин, сколько от социальных: изменяется бытие — изменяется и сознание. Чтобы изменилось сознание, нужно изменить бытие. Это раскрыл только марксизм. Но эта формула не отрицает и значение просвещения. В. И. Ленин, как известно, придавал просвещению большое значение в устранении религии.

— Чем больше будет распространяться просвещение в народе, тем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата,— писал он.

Указывая пути борьбы с религией — борьбу с нищетой и борьбу с темнотой, В. И. Ленин не противопоставлял их, но и не подменял одно другим.

— Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения,— говорил он в речи на I Всероссийском

съезде работниц 19 ноября 1918 года.— Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота; с этим злом и должны мы бороться...

Социализм уже уничтожил социальные предпосылки этих двух зол для народа: нищеты и темноты. Однако религиозная психология пока еще не уничтожена. Именно поэтому Программа КПСС, принятая XXII съездом партии, признала первостепенное значение формирования научного мировоззрения у всех тружеников советского общества на основе марксизма-ленинизма, как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов.

Научное мировоззрение, которое в недалеком будущем станет мировоззрением всего советского народа, а потом всех народов мира, не оставляет места для религиозной идеологии и для предрассудков.

В Программе партии записано:

«В поведении каждого человека, в деятельности каждого коллектива и каждой организации коммунистические идеи должны органически сочетаться с коммунистическими делами...»

Значит, речь здесь идет о формировании убеждений, которые в психологии определяются как система знаний, вошедшая в мировоззрение и связанная со стремлением к их активному использованию.

К. Маркс говорил:

— Упразднение религии, как *призрачного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья.

Коммунизм, создав действительное счастье народов и устранив страх перед завтрашним днем, уничтожает необходимость поиска призрачного счастья и, следовательно, уничтожает религию.

Ну, а как же суеверия, которые в настоящее время, как правило, уже не связаны с религиозной идеологией? Вот они-то, как относительно редкое явление, смогут проявляться и еще через относительно большой промежуток времени, иногда совпадая с симптомами нервно-психических заболеваний. Но есть все основания считать, что излечиваться они будут и быстро и успешно.

Однако есть область явлений, исторически связанных с религией, которые все же не только сохра-

нятся, а, напротив, усилятся, полностью освободившись от религиозной идеологической нагрузки. Это обрядная сторона обычаев.

Эмоциональная сторона общественных явлений в будущем не только не будет исчезать, а, напротив, будет становиться все более яркой и высокоэстетичной по форме. Содержание эмоциональной жизни человека, сливаясь с его идеологией, уже и сейчас способствует превращению научного мировоззрения в коммунистические убеждения. И этот процесс будет ускоряться.

Общественная психология ранее складывалась стихийно. В будущем обществе она будет формироваться так же организованно и целенаправленно, как и идеология.

Вот только вере (и ее двойнику — неверию) места в коммунизме не будет. Это не значит, что нужно будет заменять исторически сложившиеся слова с этим корнем. Но полностью изменится смысл этих слов и соответствующая им структура сознания. В структуре и индивидуального и общественного сознания останутся только три элемента его форм: научное, нравственное и эстетическое сознание. «Человеческими эмоциями» будут нравственные и эстетические чувства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Платонов Константин Константинович.
ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ. Факты и мысли.
М., Политиздат, 1967.
239 с.

2

Редакторы С. *Никоненко*, Н. *Уманец*

Художник В. *Шумов*

Художественный редактор Г. *Семиреченко*

Технический редактор О. *Семенова*

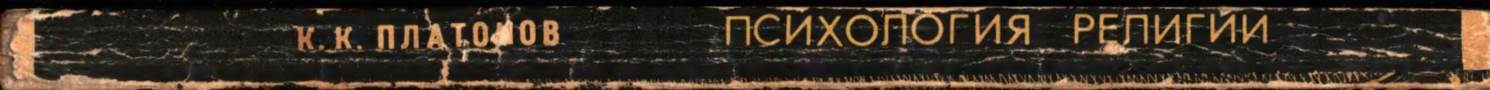
Сдано в набор 7 февраля 1967 г. Подписано в печать 20 апреля 1967 г. Формат 84 × 108$^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 7$^{1}/_{2}$. Условн. печ. л. 12,60. Учетно-изд. л. 11,12. Тираж 75 тыс. экз. А01763. Заказ № 209. Бумага № 2. Цена 33 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата. Москва, Краснопролетарская, 16.

33 коп.

К. К. ПЛАТОНОВ
ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ